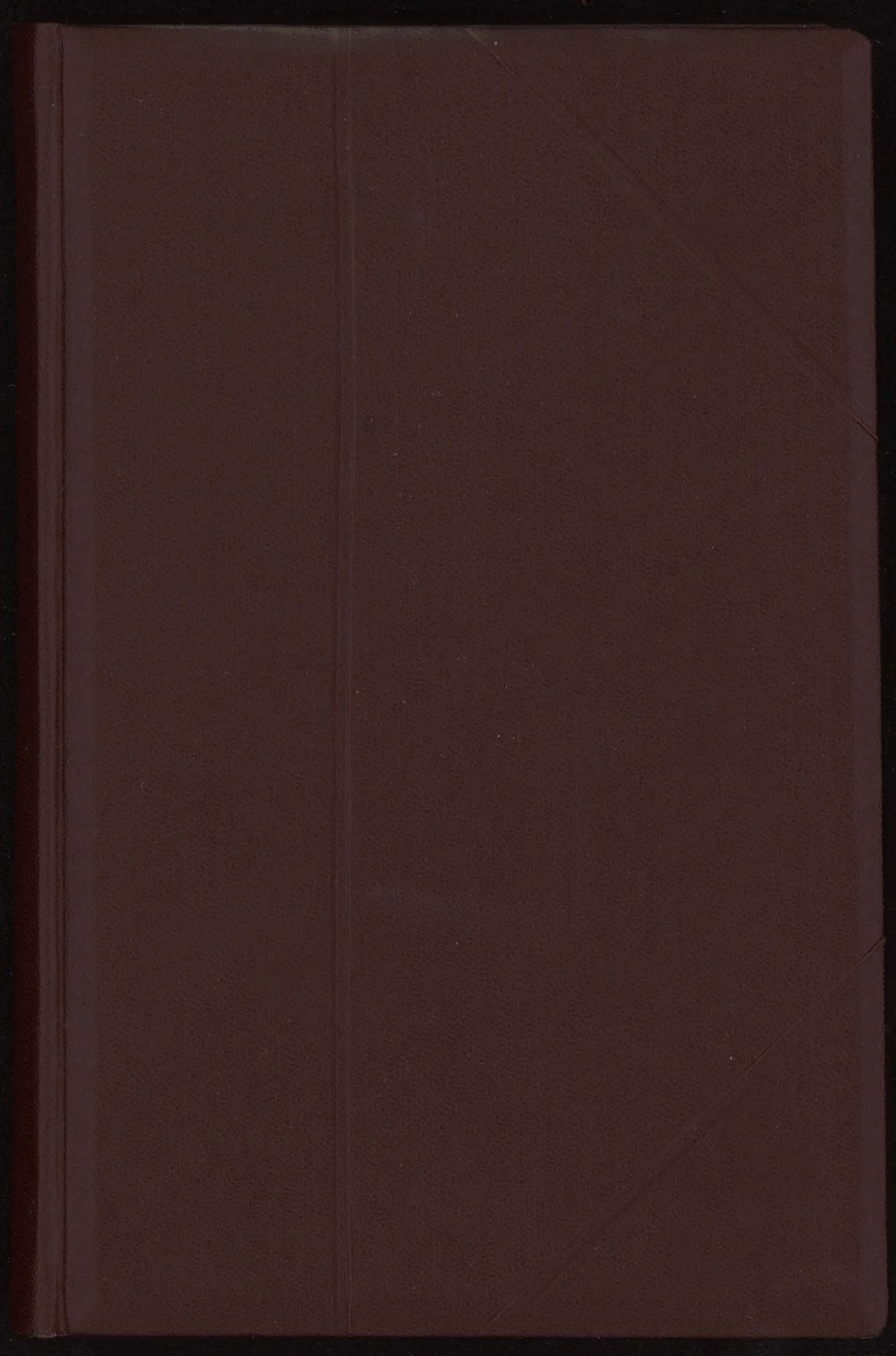
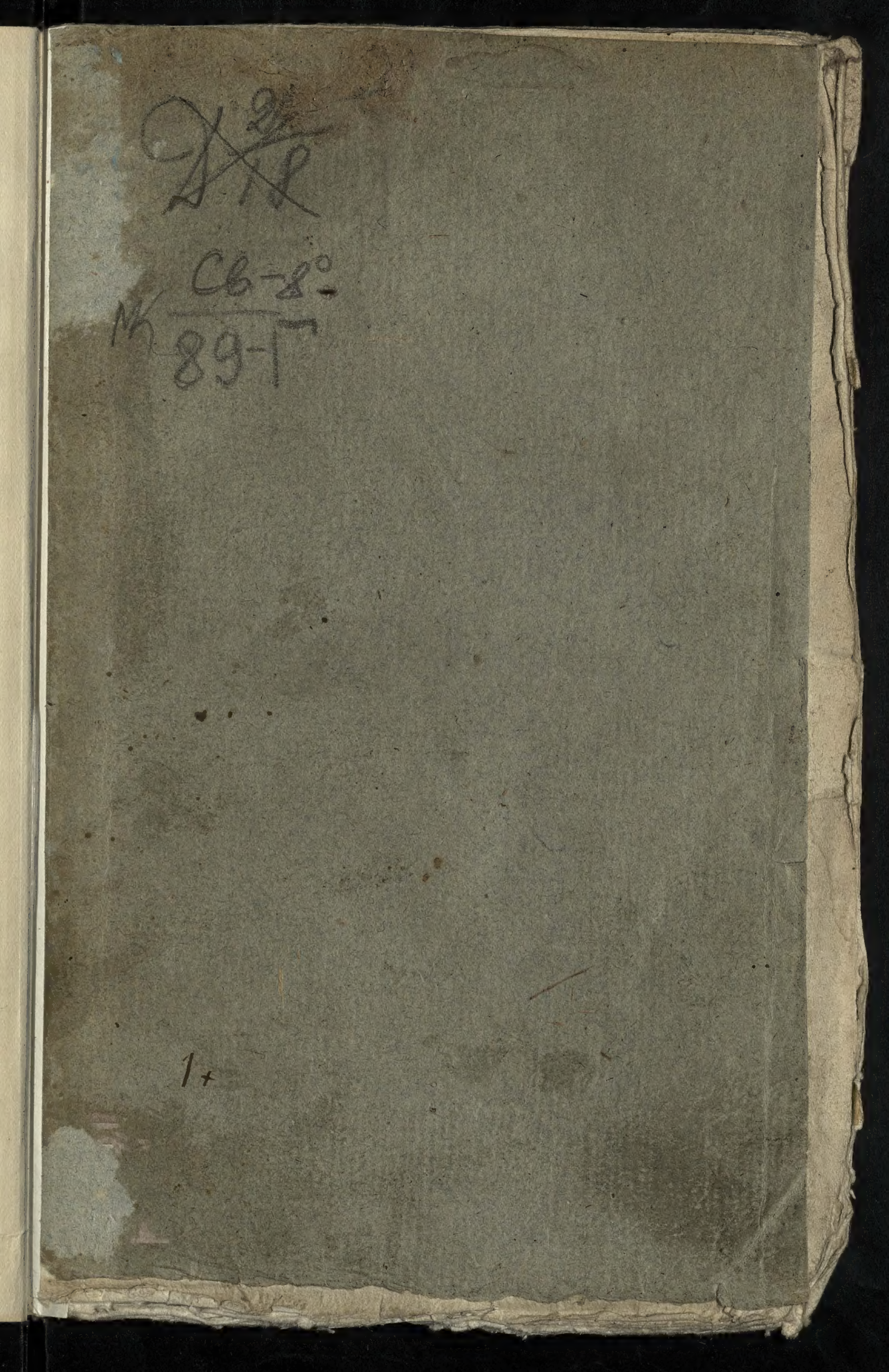
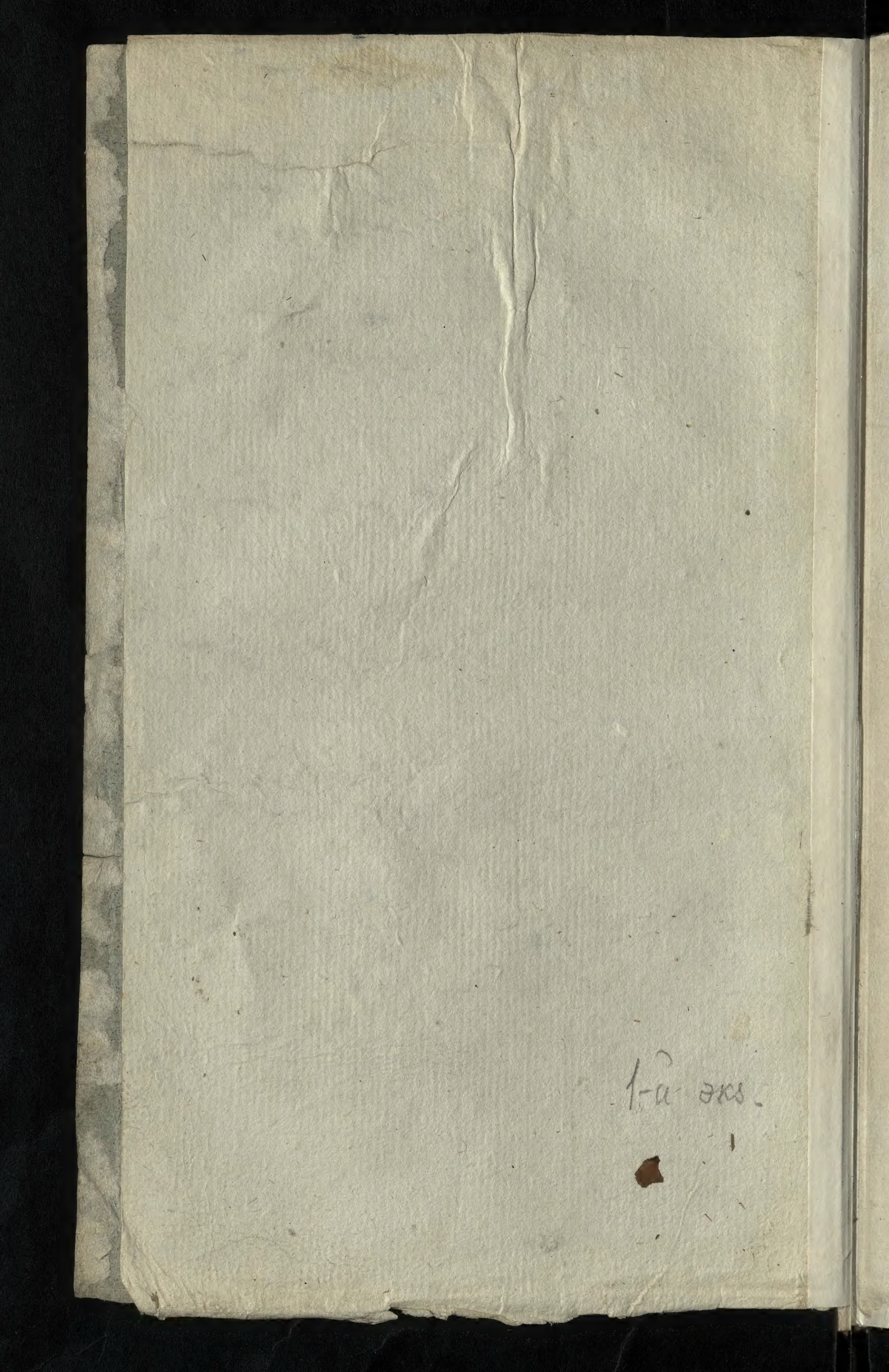
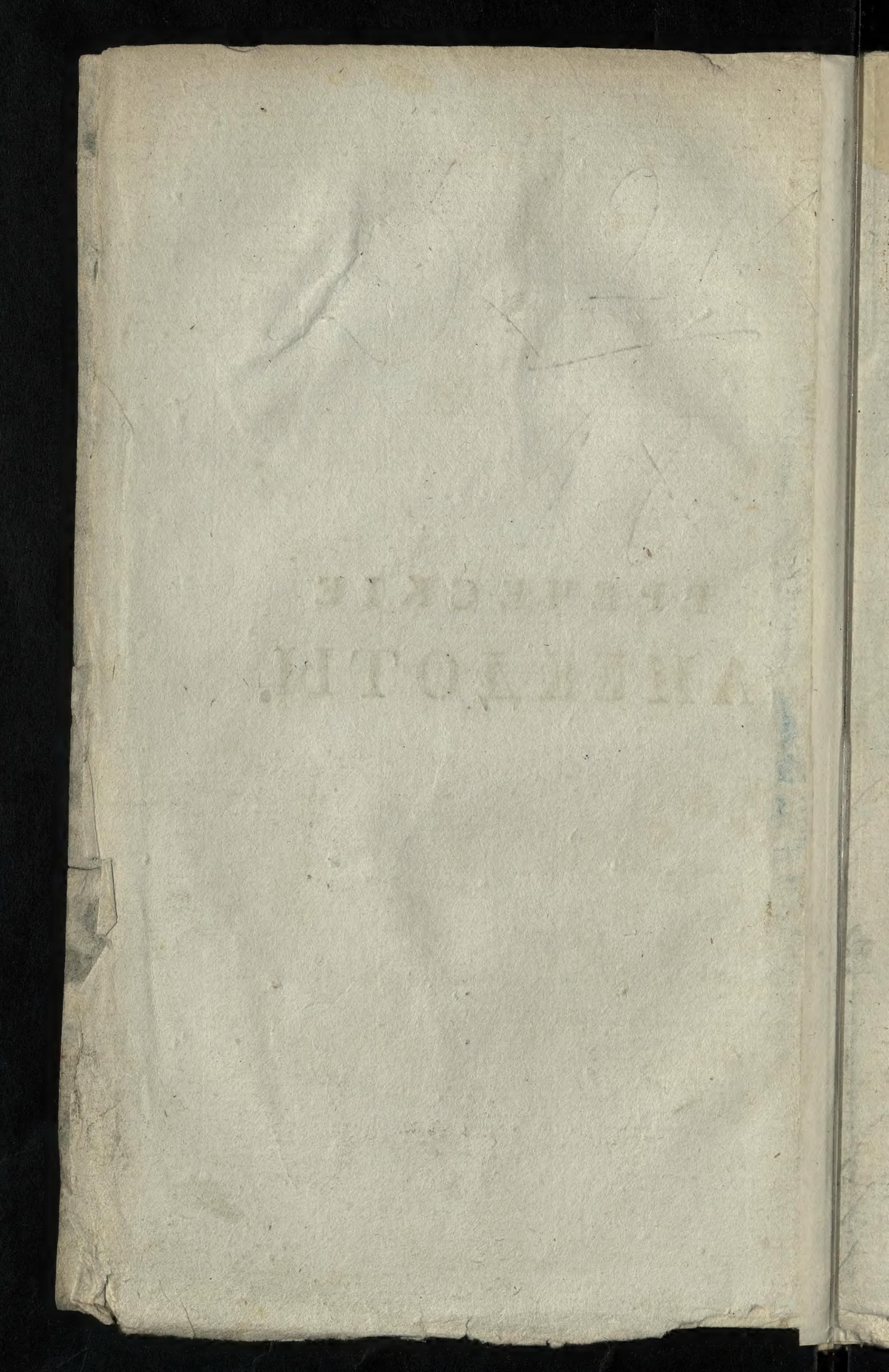

ГРЕЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ.

ГРЕЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ,

ИЛИ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ *АРИДЕЯ,*

БРАТА АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО,

Переведенныя съ Греческой рукописи на Французской М. * * * *

А нынѣ съ Французскаго на Россійской въ Троицкой Семинаріи.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
у А. Свѣтушкина,
1789.

Съ Указнаго дозволенія.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Одинъ морской Капитанъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, принесъ ко мнѣ Греческую рукопись, которую онъ весьма уважалъ; онъ увѣрялъ меня, что купилъ ее у одного плѣнника въ Константинополѣ, и просилъ перевесть оную. Она состояла изъ многихъ свитковъ стараго пергамина, которые сперва подали мнѣ причину думать, что она была весьма древна, тѣмъ паче, что во многихъ мѣстахъ она столь изгладилась, что я едва могъ ее читать. Я нашелъ въ ней Исторію и приключенія Аридея, брата Александра Великаго, что сдѣлало мнѣ ее подо-

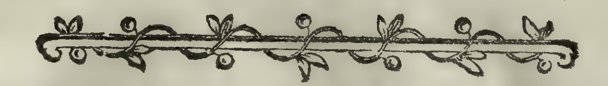
врительною. Любопытство побудило меня прочесть ее до конца. Я въ большей еще остался неизвѣстности, что надлежало мнѣ объ ней думать. Я увидѣлъ неслыханныя жестокости, подобныя тѣмъ, которыми Греческая Исторія наполнена: тогда почелъ я ее за истинную; но находя въ ней также ласковыя привѣтствія, учтивство нашихъ нравовъ и чувства нашего вѣка, соединенныя съ почтительною любовію, перемѣнилъ я свое мнѣніе, не могши приписать таковой штиль никому, кромѣ новѣйшаго писателя. Колебаясь такимъ образомъ, признаюсь, что я еще не совершенно въ томъ увѣрился; ученой Читатель можетъ лучше меня объ этомъ разсудить. Что касается до слога, то я старался перевесть его вѣрно, наипаче въ томъ

мѣ-

мѣстѣ, гдѣ разговариваетъ Платонъ. Греческой языкъ имѣетъ эту выгоду, что можетъ быть переведенъ на Французской. Сверьхъ сего всякой можетъ хулить и критиковать сіе сочиненіе по своей волѣ, я никакъ тому не причиною. Главныя произшествія показались мнѣ согласными съ историками Іустиномъ, Плутархомъ и Квинтомъ Курціемъ; и естьли бы они не были сходны, то бы я не подумалъ, что имѣю право ихъ перемѣнять, хотя искренно признаться, я думаю, что авторъ (здѣсь не наименовавшійся) есть какой нибудь плѣнникъ Французской, которой, зная Греческой языкъ, занимался во время своего плѣна сочиненіемъ сихъ Анекдотовъ, и написалъ ихъ на свиткахъ, дабы дать имъ видъ древности, и привесть ихъ въ почте-

 ніе,

ніе; что въ то время было нѣкоторымъ образомъ Романа, а не точною исторіею. Но какъ бы то ни было, только чтобъ Публика была симъ сочиненіемъ довольна; моя работа не будетъ безполезна, и мой трудъ сдѣлается мнѣ драгоцѣннымъ чрезъ ея сужденіе, всегда почитаемое разумными людьми.

ГРЕЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ.

Два дни спустя послѢ славнаго сраженія при АрбеллахЪ, на которомЪ АлександрЪ Великій всеобщимЪ разбитіемЪ Даріева войска и его несчастною смертію сдѢлался обладателемЪ Персидскаго государства; и вЪ то самое время, когда среди торжества своего онЪ оказывалЪ чувствуемое имЪ удовольствіе, ПринцЪ Аридей, братЪ его (котораго ФилиппЪ, Царь Македонскій, отецЪ ихЪ, имѢлЪ отЪ младой дѢвицы города Ларисссы, называемой Филиною), прохаживался скученЪ и печаленЪ на брегахЪ рѢки Лисы сЪ ЛинономЪ, своимЪ любимцемЪ и наперсникомЪ, о которомЪ слухЪ также носился, что онЪ былЪ ему родственникЪ со стороны Филины, его матери, которую напрасно почли плясавицею, подЪ тѢмЪ предлогомЪ, что она понравилась Царю Филиппу своимЪ

плясаніемъ, отправляемымъ ею съ совершенною легкостію и пріятностію. Она была дочь Неандра, стараго Офицера арміи Царя Филиппа, которой, будучи удрученъ лѣтами, удалился въ *Лариссу*, гдѣ жилъ съ своею дочерію весьма посредственнымъ имѣніемъ.

По проведеніи больше двухъ часовъ въ глубокомъ молчаніи, Аридей пламенными очами пристально взирая на своего любимца, сказалъ ему: признайся, любезный *Линонъ*! что мое состояніе жестоко; ты былъ свидѣтелемъ всѣхъ оскорбленій и гоненій, мною испытанныхъ, съ самаго дня рожденія моего отъ Царицы Олимпіи, вдовы Царя Филиппа, моего отца; она не только что воспрепятствовала Александру препоручить мнѣ какую нибудь знатную должность въ своей арміи и приличное его брату правленіе, но и столь сильно обнесла меня предъ нимъ, что я не получаю отъ него ни малѣйшихъ приказовъ, а всегда переношу его жестокости. Олимпія не престаетъ гнать кровь матери моея, которой она не можетъ простить того, что она похитила у нее серд-

сердце ея супруга. Я все то сдѣлалъ, что только могъ, дабы заслужить почтеніе у Царя. Я сражался какъ простой солдатъ, Александръ былъ самъ тому свидѣтелемъ; поелику онъ меня видѣлъ, какъ я ранилъ своею саблею начальника Персидской конницы, которымъ онъ за два дни былъ атакованъ, предводительствуя своею ротою, и котораго онъ напослѣдокъ имѣлъ славу повергнуть къ стопамъ своимъ, и умертвить его съ меньшею опасностію.

Истинно, Государь! отвѣчалъ *Лимонъ*, нещастіе ваше есть на самомъ высочайшемъ степени, всѣ о васъ соболѣзнуютъ, и ропщутъ на неправосудіе, Царемъ вамъ воздаваемое; никто не сомнѣвается ни о вашей честности, ни о вашей храбрости; но естьлибъ мнѣ позволено вамъ говорить искренно! Говори, отвѣчаетъ ему Аридей, и не скрывай ничего отъ меня; представляй себѣ, что я не что иное, какъ частной простой человѣкъ и твой другъ; Царь, лишающій меня честей и должностей Принца, не позволяетъ мнѣ имѣть теперь другихъ названій. Съ вашего позволенія, продол-

должалъ Линонъ, я вамъ признаюсь, что вы не сохранили молчанія въ присутствіи Царя. Онъ разсказывалъ, какимъ образомъ напалъ и убилъ своею рукою Начальника непріятельской конницы, всѣ Придворные похваляли его неустрашимость, въ то время, какъ казалось, что вы хотѣли уменьшить его славу, сказывая, будто бы вы его ранили прежде; Государи такого нрава, какой имѣетъ Александръ, суть столь ревностны къ своимъ дѣяніямъ, что злодѣйствомъ кажется ихъ глазамъ, хотѣть ихъ раздѣлить успѣхи, и относить ихъ къ другимъ, а не къ нимъ самимъ. Онъ не почелъ худымъ выговоръ, вами сдѣланной Парменіону, которой въ день сраженія правилъ лѣвымъ крыломъ арміи, когда вы дали ему примѣтить ошибку, имъ сдѣланную, въ то время, когда онъ разширялъ слишкомъ свою пѣхоту противъ конницы Мазея, вмѣсто того, чтобъ ее сомкнуть, дабы придать ей большую силу, и возпрепятствовать, чтобъ не могли ворваться въ ряды. Привѣтствіе, хотя не справедливое, вами въ семъ случаѣ сдѣланное Александру,

ару,

дру, принудило его улыбнуться, смотря на васъ, когда вы приписали бѣгство Мазеево съ конницею его, хотя побѣдоносною, новости Александровой побѣды, разпространившейся во всей непріятельской арміи.

Я въ томъ согласенъ, сказалъ Аридей, я не правъ; я не разсудилъ довольно, чтобы Царю, моему брату, не пріятно было всегда слышать всѣ истинны; я долженъ бы былъ знать о слабости его. Но съ сего времени что мнѣ дѣлать? Поелику онъ мнѣ запретилъ являться предъ себя, сказавъ мнѣ съ насмѣшкою, какъ ты слышалъ, что естьли бы я былъ столь великій Полководецъ, и столь храбрый человѣкъ, то бы лучше сдѣлалъ, естьли бы сталъ стараться о завоеваніи какого нибудь государства. Послѣ такого отвѣта я ему не покажусь; я даже рѣшился выѣхать завтра поутру, и искать того, что боги мнѣ опредѣлятъ. Я имѣю намѣреніе начать путешествіе въ Аѳины; они суть обиталище, въ которомъ сіяютъ наивеличайшіе умы Греціи; я тамъ могу снискать просвѣщенія и наставленія частнѣйшія,

не-

нежели въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, дабы мнѣ освѣдомиться о пути, по которому долженъ я слѣдовать, и о мѣстѣ, въ которомъ я долженъ остаться. Я не хочу взять съ собою никого, кромѣ одного простаго слуги; постарайся, чтобъ все было готово къ восходу солнечному.

Линонъ исполнилъ его приказанія, и возвратившись въ палаты Аридея, на разсвѣтѣ дня отправились, не сказавъ о томъ никому, всякой сѣдши на лошадь, какъ было приказано отъ Принца, послѣдуемы будучи однимъ слугою, называемымъ Флавіемъ, которому Линонъ до безконечности вѣрилъ, и которой ему служилъ съ давнихъ лѣтъ.

Аридей принялъ сію предосторожность, чтобъ никто не могъ узнать о пути, имъ предпринятомъ; а естьли бы онъ взялъ экипажъ, приличнѣйшій своему чину, то бы гораздо было труднѣе скрыть. Онъ проѣхалъ Караманію и Месопотамію наискорѣйше, какъ ему было возможно, и радовался, что не попался ни на какую худую встрѣчу на дорогѣ, когда въ

одинъ

одинъ вечеръ при прибытіи въ крѣпость Агну, не далеко находящуюся отъ Аѳинянъ, проѣжжая лѣсомъ, почувствовалъ, что ранила его стрѣла на зашейкѣ весьма легко, оцарапавши только кожу. Онъ обращается; но его удивленіе умножилось безконечно, когда онъ увидѣлъ, что напали на него восемь человѣкъ, одни съ саблями, другіе вооруженные стрѣлами, требовавшіе у него денегъ, и приказывавшіе ему сойти съ лошади. Аридей началъ защищаться саблею, убилъ перваго, предъ него представшаго, и гнался за другимъ бѣгущимъ, устрашеннымъ приключеніемъ своего начальника, которой былъ убитъ; лошадь сего разбойника спотыкнулась, и упавши, разбила голову своего господина о камень. Аридей нападаетъ на другихъ для вспоможенія своимъ людямъ, и радуется, видя третьяго не въ состояніи сражаться, котораго Флавій пронзилъ копіемъ, нашедши его испугавшагося подъ его лошадью, у которой Линонъ отрубилъ голову саблею. Двое другихъ изъ сихъ воровъ, будучи также ранены Линономъ, котораго рука чудною силою поражала

все

все то, что противупоставлялось его шествію, думали о побѣгѣ, и ушли въ лѣсъ.

Аридей не разсудилъ за благо за ними гнаться, онъ пріуготовлялся продолжать свой путь, какъ вдругъ увидѣлъ человѣка, изъ лѣсу выходящаго, которой сталъ на колѣни, и повергся къ ногамъ его лошади, говоря ему: Государь! сжалься надъ однимъ изъ твоихъ подданныхъ! Аридей, сперва почетши его за вора, остановился; сомнѣвался однакожъ, думая, что тутъ употребляема была хитрость, дабы его остановить, ожидая большаго числа сихъ злодѣевъ, которыхъ бы другіе сыскали, какъ Линонъ, смотря на него съ большимъ вниманіемъ, воскликнулъ: какъ! это ты Филонъ? По какому случаю находишься ты въ такомъ худомъ обществѣ? Государь! отвѣчалъ онъ ему, исторія столь долга, что не можно теперь ее разсказать. Но ежели Государь благоволитъ мнѣ сдѣлать милость, принять меня въ свою службу: то я надѣюсь себя оправдать, и дать ему знать, что я не виноватъ, хотя бы въ семъ меня обличали.

чали. Боги были бы весьма милостивы для такого нещастнаго, каковЪ я, естьли бы послѢ того, что со мною случилось, могЪ я имѢть щастіе служить брату Царя моего; поелику я МакедонянинЪ. У меня здѢсь есть лошадь, готовая меня везти за вами, ежели Государь мнѢ то позволитЪ.

Аридей согласился, чтобЪ онЪ за нимЪ слѢдовалЪ, увѢрившись отЪ Линона вЪ томЪ, что онЪ сознаетЪ его человѢкомЪ честнымЪ, что онЪ называется ФилономЪ, и былЪ долгое время употребляемЪ для пастьбы слоновЪ арміи.

ФилонЪ тотчасЪ взялЪ свою лошадь, и поѢхалЪ за ПринцомЪ АридеемЪ, которой, приказавши ему кЪ себѢ приближиться, заставилЪ сказывать его приключеніе для увеселенія вЪ пути.

Государь! сказалЪ ему ФилонЪ, мое упражненіе сЪ самаго юношества было пасти слоновЪ арміи; я вЪ семЪ столь сильно упражнялся, что слухЪ о мнѢ носится, будто бы я вЪ томЪ совершенно успѢлЪ, и знаю всѢ лѢкарства, имЪ приличныя. РанусЪ, бывшій упра-

вишелемЪ слоновЪ Филиппа Царя Македонскаго, нашего Царя, а вашего знаменишаго родишеля, послалЪ меня нѣкогда сыскашь для смошру слона, любимаго ЦаремЪ, кошорой былЪ боленЪ. Я по нещасшію принялЪ смѣлосшь сказашь ему, чшо обЪ немЪ сшоль худо сшарались, чшо и пособишь шому не можно. РанусЪ весьма осердился на меня, почелЪ меня не знающимЪ; и какЪ онЪ былЪ удивишельной силы, шо произнесши вс҃ѣ ругашельсшва на меня, кошорыя гнѣвЪ его влагалЪ ему вЪ усша, ждалЪ меня вЪ шомЪ же вечерЪ на дорогѣ кЪ водопою, по кошорой я гонялЪ слоновЪ, и бросившись на меня, причинилЪ мнѣ многія удары палкою, находившеюся у него вЪ рукахЪ. Я ошбѣгалЪ изЪ почшенія кЪ нему; но наконецЪ видя его идущаго ко мнѣ со шпагою, взялЪ камень, и онымЪ сшоль сильно вЪ него бросилЪ, чшо онЪ, пораженЪ будучи вЪ грудь, упалЪ, и его шпага, переломившись о камень, конецЪ свой сшоль далеко вонзила вЪ шѣло его, чшо онЪ ошЪ него умерЪ шого же часа, не будучи вЪ сосшояніи произнесшь ни одного слова.

КакЪ

Какъ на насъ смотрѣло много людей, которые не столь были миролюбивы, чтобъ насъ разлучить: то вдругъ бросились на меня, и отвели въ темницу, гдѣ я пробылъ два дни, не видя никого такого, которой бы взялъ на себя трудъ принесть мнѣ не много пищи. Я никакъ не сомнѣвался, чтобы меня не хотѣли уморить гладомъ, какъ въ третій день рано поутру увидѣлъ я пришедшаго въ темницу человѣка, котораго я узналъ; поелику я его видалъ многократно въ свитѣ Царицы Олимпіи; онъ, называя меня по имени, сказалъ мнѣ съ изумленнымъ взоромъ: Филонъ! я пришелъ тебѣ сказать жестокую новость: Царь, будучи въ отчаяніи о смерти Рануса, имъ любимаго, столь сильно на тебя разгнѣвался, что не хочетъ тебѣ оказать милости; онъ приказалъ умертвить тебя скорѣйшимъ образомъ; остается одно токмо средство для спасенія твоей жизни. Тебя выпустятъ изъ темницы въ сіе самое утро, дадутъ денегъ и хорошую лошадь; но надобно, чтобъ ты принялъ на себя трудъ отвезти маленькую дѣвочку, которой еще

нѣтъ двухъ лѣтъ, на берега Каспійскаго моря до города, называемаго Тугна, гдѣ находится великолѣпной замокъ; ты тамъ найдешь госпожу, называемую Гортенсіею, которой ты отдай сего младенца, ни о чемъ больше не освѣдомляясь. Запрещаютъ также тебѣ никогда не возвращаться въ Македонію; твое любопытство, или твое возвращеніе не ложно будетъ стоить тебѣ жизни. Рѣшись скорѣе; поелику естьли день настанетъ, то уже не будетъ времени тебѣ спасти жизнь. Я не колебался, принялъ предложеніе, и обѣщался исполнить въ точности все то, чего отъ меня требовали. Въ то же время сей человѣкъ меня оставилъ, и съ минуту спустя, возвратился, приказывая мнѣ за собою слѣдовать, вложивши мнѣ въ руку кошелекъ, наполненной золотомъ. Двери моея темницы были отворены, и никто не возпротивился моему выходу. Я шелъ за моимъ предводителемъ, которой доставилъ мнѣ обѣщанную лошадь. Женщина, мнѣ не извѣстная, положила на мои руки маленькую дѣвочку, о которой мнѣ говорили; она много плакала, но

не

не могла кричать; поелику у нее лежалъ на рту платокъ. Я положилъ ее, какъ только лучше для нее мнѣ возможно было, на переднюю часть сѣдла моей лошади, и по приказаніямъ, мнѣ даннымъ отъ сего человѣка, поѣхалъ я по большой дорогѣ, которая мнѣ попалась. По справедливости я имѣлъ великую нетерпѣливость удалиться отъ страны, опасаясь быть паки посаженнымъ въ темницу. Я отнялъ платокъ, находившійся на рту маленькой дѣвочки, и лаская ее, наконецъ остановилъ ея вопли. Я взиралъ на сего младенца, и находилъ его весьма красивымъ. Я продолжалъ свой путь безъ всякаго приключенія чрезъ многіе дни, даже до того времени, какъ пріѣхалъ въ Тугну, гдѣ безъ труда сыскалъ Гортенсію; поелику я уже подъѣзжалъ, то она встрѣтила меня на дорогѣ, и спрашивая меня, не изъ Македоніи ли я ѣду? и не имѣю ли приказанія ей отдать сію малую дѣвочку, сказала мнѣ, что она называется Гортенсіею. Я послушался, какъ мнѣ то приказали. По томъ Гортенсія увѣдомила меня, чтобъ я

 не

не ѣхалъ далѣе по этой дорогѣ, что это мнѣ было точно запрещено, чтобъ я ѣхалъ прямо къ полудню но чрезъ Арменію. Я думалъ, что было бы опасно тому возпротивиться, тѣмъ паче, что вся страна мнѣ была непріятна съ того времени, какъ я избѣжалъ опасности, которой подпалъ въ моемъ отечествѣ. Не знаю, какая была судьба маленькой дѣвочки; что касается до моей, то бродивши изъ провинціи въ провинцію, *пришелъ* въ *окружности Лакедемона*, гдѣ жилъ около шестнатцати, или семнатцати лѣтъ весьма хорошо по моему нраву, по благопріятству маленькой коммерціи лошадей, въ которую я вмѣшался; она доставляла мнѣ пропитаніе; я бы и теперь ее *отправлялъ*, естьлибъ за три дни до сего не случилось со мною нещастія. Возвращаясь изъ Лакедемона, купивши восемь хорошихъ лошадей, и имѣя съ собою одного мальчика, помогавшаго мнѣ ихъ вести, напали на меня воры въ лѣсу; они суть тѣ самые, которыхъ вы убили. Я хотѣлъ нѣсколько попротивиться; но малой, мнѣ служившій, подъѣхавъ

ко

ко мнѣ, поелику я не имѣлъ на него никакого подозрѣнія, схватилъ меня за горло, и принудилъ уступить, и за ними слѣдовать. Они привели меня въ средину лѣса, гдѣ препоручили мнѣ пасти собственныхъ моихъ лошадей, которые съ сего времени служили имъ верьховыми лошадьми; и мнѣ явно запретили удаляться отъ стада подъ опасеніемъ жизни. Сіи разбойники со мною всегда весьма худо поступали, между прочими тотъ, которой мнѣ служилъ. Я узналъ изъ смѣшанныхъ ихъ разговоровъ, но мною понятыхъ, что онъ меня имъ продалъ, и увѣдомилъ ихъ о моей дорогѣ. Я молилъ безпрестанно боговъ, чтобъ они мнѣ подали благопріятной случай вырваться изъ рукъ ихъ; въ чемъ однако я не могъ успѣть, хотя мы довольно совершили пути въ три дни; поелику изъ Лакедемона мы близко подошли къ Аѳинамъ. Мы были въ потаенномъ мѣстѣ сего лѣса въ ожиданіи добычи, когда вы появились, и когда они на васъ напали къ своему нещастію. Я, не имѣя чести васъ знать, имѣлъ намѣреніе тотчасъ убѣжать во время сшибки,

жи, ежели бы мнѣ послужило щастіе найти какую нибудь лошадь, будучи пѣшъ, безъ шпаги и другихъ оружій, на краю лѣса, откуда я былъ свидѣтелемъ удивительной вашей храбрости. Не будучи въ состояніи подать вамъ помощь, я принужденъ былъ тамъ оставаться даже до того времени, какъ получилъ лошадь и оружія. Какъ скоро вы поразили Мамορру, бывшаго нашего атамана, то на убѣжавшую въ лѣсъ его лошадь я хотѣлъ сѣсть, *итти сражаться* за васъ и дѣйствовать копіемъ, висѣвшимъ у сѣдла; но я имѣлъ столько труда ее догнать, что когда я догналъ ее, то увидѣлъ уже васъ побѣдоносныхъ, а воровъ издыхающихъ въ пыли и обращенныхъ въ бѣгство, что меня принудило повергнуться къ вашимъ стопамъ, въ надеждѣ за вами слѣдовать, какъ вы мнѣ сдѣлали милость, на то согласились.

Я весьма доволенъ, сказалъ Аридей, что избавилъ тебя отъ толь опаснаго общества; поелику ежели бы начальникъ воиновъ тебя съ ними поймалъ, хотя бы совсѣмъ невиннаго, однако

ты

ты былЪ бы вЪ великой опасности тояжЪ самыя казни, какЪ и сіи разбойники. Но дивись вЪ семЪ тому, что праведные боги рано, или поздно наказываютЪ содѣваемыя беззаконія по мѣрѣ преступленія. Ты виноватЪ вЪ воровствѣ сея малыя Македонянки; ты похитилЪ надежду какой нибудь славной фамиліи. Вотще ты надѣешься себя извинить, говоря, что это было единственное средство спасти тебѣ жизнь; она столь мало достойна почтенія безЪ добродѣтели, что лучше лишиться ее сЪ невинностію, нежели продолжать ее беззаконіемЪ.

ВидЪ АѳинЪ остановилЪ тогда его разговорЪ; онЪ не могЪ надивиться великолѣпію храмовЪ и другихЪ зданій, которыхЪ онЪ видалЪ описанія, показавшіяся ему несравненно ниже того, что онЪ примѣтилЪ. ОнЪ вЪѣхалЪ вЪ Дипилонскія вороты, и проѣхалЪ часть города, не зная, гдѣ ему слѣзть сЪ лошади. ФилонЪ, примѣтивЪ то, сказалЪ ему: Государь! ежели бы я осмѣлился принять вольность вамЪ предложить, чтобЪ вы остановились у знакомаго мнѣ старика на улицѣ ПниксѢ,

 близЪ

близъ храма Музъ: то я думаю, что вы тамъ довольнѣе будете, нежели въ какомъ другомъ мѣстѣ сего города. Онъ человѣкъ добродѣтельнѣйшій, всякой на него взираетъ съ почтеніемъ; и дабы вамъ его похвалить, то, я думаю, довольно будетъ сказать вамъ, что онъ другъ Платоновъ, котораго вся земля знаетъ славу мудрости и ученія. Аридей на это согласился. Фидонъ поѣхалъ нѣсколько впередъ, и далъ знать старику Ксимандру о достоинствѣ гостя, котораго онъ къ нему привелъ остановиться, чѣмъ онъ по видимому былъ весьма доволенъ.

Ксимандръ вышелъ навстрѣчу Аридею, и хотѣлъ стать предъ нимъ на колѣни; но Аридей далъ ему знакъ приближиться, и говоря ему на ухо, приказалъ оставить всѣ сіи тщетныя почести, потому что онъ хотѣлъ почитаться за простаго путешественника, любопытствующего видѣть страну. Ксимандръ повиновался его приказаніемъ, и помогши ему слѣзть съ лошади, повелъ его въ горницу, весьма хорошо убранную, но въ которой не примѣтно было ни въ чемъ пышности

ности и великолѣпія, блиставшихъ тогда во всѣхъ другихъ Аѳинскихъ Дворахъ.

Когда пришло время ужинать, то Принцъ былъ угощаемъ безъ излишества, какъ онъ то приказалъ; онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ Ксимандръ, его хозяинъ, сѣлъ за столъ подлѣ его съ Линономъ. Они разговаривали о нравахъ Аѳинянъ. Аридей восхищался, узнавши много подробностей, бывшихъ прежде сего ему неизвѣстными; и въ то время, когда Ксимандръ ему о томъ разсказывалъ, онъ не могъ надивиться мудрости ихъ законовъ.

На другой день хозяинъ повелъ его по всему городу, разсказывая ему напередъ всегда о всѣхъ красотахъ, достойныхъ его вниманія, которыхъ онъ ему изъяснилъ начало и исторію.

Онъ увидѣлъ Пирею, сію гордую и столько прославленную пристань, театръ Регилловъ, храмы Музъ, Минервы, Парѳенона, и наконецъ всѣ чудеса, которыми Аѳины украшены, и которыя суть удивленіемъ вселенныя и изумленіемъ всѣхъ чужестранныхъ.

Вы видите, Государь! сказалъ Ксимандръ, удивительныя красоты; но

по

по моему мнѣнію вы не видали еще достойнѣйшей вашего примѣчанія Академіи, гдѣ живетъ мудрый Платонъ; онъ одинъ стоитъ больше, нежели всѣ другія рѣдкости Аѳинъ. Я весьма буду радъ, отвѣчалъ Аридей, естьли могу услышать его; и я чуствую къ тому столь сильное желаніе, что не могу не вѣрить, чтобы это не было тайное побужденіе боговъ, которое мнѣ то внушаетъ.

Тогда Ксимандръ повелъ его въ Академію, гдѣ находился Платонъ посреди многихъ младыхъ людей, которыхъ онъ наставлялъ. *Матерія*, взятая имъ того дня, была о свойствѣ боговъ; разговоръ его уже продолжался: Аридей поклонившись ему, сѣлъ на лавку, опредѣленную чужестраннымъ, успокоивши знакомъ руки нетерпѣливость Ксимандра, которой хотѣлъ дать знать объ немъ Платону, дабы онъ могъ воздать ему почести, приличныя его чину.

Аридей слушалъ со вниманіемъ Платоновъ разговоръ, и весьма удивлялся, слыша, какъ онъ говорилъ, что худо знаютъ истинное мнѣніе Философовъ, естьли думаютъ, что они до-

допускали многихЪ боговЪ. НѢтЪ! вскричалЪ онЪ, одинЪ только есть; никогда мудрецы, ученые и разумные люди не думали противное. СатурнЪ, ЮпитерЪ, НептунЪ, ПлутонЪ, Меркурій, АполлонЪ и всѢ прочіе, которыхЪ почитаютЪ богами, и которымЪ построили храмы, не могли бы совершенно наполнить понятіе, которое мы имѢемЪ о безконечномЪ существѢ. Исторія и преданіе насЪ научаютЪ, что они были нѢкогда такіе же смертные, какЪ и мы; хотя они были великіе люди и герои, которыхЪ слава распространилась по отдаленнѢйшимЪ странамЪ, однако какими несовершенствами и пороками не были обмараны? СатурнЪ пожиралЪ своихЪ дѢтей, ЮпитерЪ непрестанно былЪ занятЪ стараніемЪ опорочивать невинность женскаго пола, и во зло употреблять ихЪ слабость. НептунЪ, АполлонЪ не имѢли ли ужасныхЪ пороковЪ? На Меркурія была возложена ЮпитеромЪ самая подлѢйшая и самая презрительнѢйшая должность; честной человѢкЪ весьма бы осердился, естьли бы подумали, что онЪ способенЪ кЪ равной

ной должности. Однако сїи суть боги, которыхъ ослѣпленіе народное почитаетъ, испрашиваетъ отъ нихъ милостей, и для которыхъ жрецы ихъ храмовъ для своей собственной выгоды требуютъ приношеній и жертвъ. Нѣтъ ни одного такого порока, сколько бы онъ ни могъ быть мерзокъ, которой бы не находилъ одного изъ сихъ ложныхъ боговъ себѣ покровителемъ. Ихъ обоженіе точно не что иное есть, какъ тайное одобреніе своихъ пороковъ, которые поврежденіе человѣческаго сердца усыновляетъ, дабы оставить себѣ *больше свободы подражать* имъ, предаваясь самымъ постыднѣйшимъ страстямъ. Слово *Богъ* должно намъ представлять Существо самодержавное, Владыку вселенныя; Существо совершенное, и слѣдовательно непричастное пороковъ естества поврежденнаго; наконецъ Существо всемогущее, что не можно согласовать съ симъ безчисленнымъ множествомъ божествъ; поелику Его всемогущество, ежели оно есть истинно, не должно имѣть нужды въ чуждой помощи, чтобы заставить исполнять Свои повелѣнія

и волю. Мы находимъ даже противорѣчіе и ослѣпленіе, естьли разсматриваемъ сіе великое число боговъ; поелику ежели одного довольно, то не нужно допускать многихъ, потому что въ различныхъ приключеніяхъ вселенныя или они были бы одинакаго мнѣнія, или различнаго; естьли одинакаго, то разумъ насъ сперва научаетъ, что не должно умножать существа безъ нужды; естьли различнаго, то которой будетъ сильнѣе, и которой переможетъ; ежели они всѣ боги, то тотъ, которой бы былъ обязанъ уступить, не былъ всемогущъ, и слѣдовательно не былъ бы и Богъ. Откроемъ очи, любезные ученики мои! престанемъ попускать, чтобъ насъ обманывали слѣпыя предразсужденія, которыя ввело невѣжество, неосновательный страхъ поддерживаетъ, и которыя истинна, просвѣщенная разумомъ, должна уничтожить. Я еще болѣе говорю, мы не почитаемъ ихъ за истинныхъ боговъ, простой народъ только ихъ почитаетъ таковыми, котораго изъ политики оставляютъ въ семъ грубомъ невѣжествѣ. Мы признаемъ только одного, котораго называ-

зываемъ между нами Судьбою, которому прочіе народы дали различное наименованіе; однако сіе не перемѣняетъ Его всемогущества, ни Его сущности; все зависитъ отъ Него, Онъ ни отъ кого не зависитъ; все отъ Него произходитъ, и мы не можемъ съ разумомъ сходнѣе думать, какъ что Онъ произходитъ отъ Самаго Себя. Тѣ, которые писали исторіи сихъ баснословныхъ божествъ, не могутъ не согласиться сами, что всѣ боги, которыхъ дѣянія они повѣствовали, покорены Судьбѣ, и должны необходимо повиноваться Ея непреложнымъ опредѣленіямъ, всегда исполняемымъ, какія бы усилія ни дѣлали, дабы имъ возпротивиться. Нужно ли о семъ больше говорить для отверстія очей? Завтра я буду съ вами говорить о дѣйствіяхъ сего безконечнаго Существа и о Его прекраснѣйшемъ твореніи, которое есть то отношеніе, каковое мы къ нему имѣемъ.

Аридей, видя, что сей разговоръ кончился, подошелъ нѣсколько поближе къ Платону, которой извинился предъ нимъ въ томъ, что не принялъ

его

его получше. Но какъ онъ пришелъ на концѣ его разговора, то не хотѣлось ему прервать оный, дабы воздать ему его почести, будучи увѣренъ, что онъ проститъ ему это въ угодность сему славному юношеству, которое взяло на себя трудъ притти слушать его, и просилъ его войти съ нимъ въ покой его, которой былъ не великолѣпенъ; поелику одна связь составляла горницу, кабинетъ и лабораторію. Аридей, удивляясь тому, что онъ уже отъ него слышалъ, согласился на то съ удовольствіемъ.

Платонъ тотчасъ отворилъ дверь, находящуюся въ Академіи, и ввелъ туда Аридея съ послѣдующими за нимъ. Описаніе мѣста было бы столь не любопытно, что оно не стоитъ времени, которое употреблено бы было на разсказываніе онаго. Нѣкоторыя рукописи составляли его библіотеку; нѣтъ ничего безполезнаго въ уборахъ, но только нужная простота безъ всякаго украшенія.

Платонъ спросилъ Аридея, котораго онъ почиталъ господиномъ прочихъ по почестямъ, ему воздаваемымъ,

въ какое онъ вступилъ состоянiе? и изъ какой страны онъ прiѣхалъ? На что Аридей отвѣчалъ, что не предвидѣнныя несчастiя принудили его оставить свое отечество, что онъ даже до сего времени отправлялъ должность воинскую, и что онъ родился въ окружностяхъ Каспiйскаго моря. И такъ конечно, сказалъ ему Платонъ, вамъ не безъизвѣстно несчастiе Дарiево со всею его фамилiею и быстрыя завоеванiя Александра. Аридей при семъ словѣ воздохнулъ, что примѣтивши Платонъ, сказалъ ему: не были ли вы какимъ нибудь Полководцемъ несчастнаго Дарiя? Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ Аридей, я служилъ въ побѣдоносной армiи; и какъ я бы васъ привелъ въ сомнѣнiе, скрывши отъ васъ истинну, то я признаюсь, что я Аридей, братъ Александровъ, которому счастiе столько благопрiятствовало, сколько мнѣ было противно. Я могу себя ласкать, что исполнилъ должности въ разсужденiи Государя моего брата, и на сраженiяхъ, гдѣ я находился простымъ солдатомъ, не начальствуя, стараясь искоренить у Александра худыя

мысли,

мысли, вперенныя ему о мнѣ; не могши получить инаго награжденія, кромѣ жестокостей, которыя дошли до такого излишества, что видя себя безъ надежды, самъ себя сослалъ въ заточеніе, дабы сыскать нѣкоторыя приключенія, достойныя такого Принца, каковъ я, и стараться посредствомъ совѣтовъ, которые я намѣренъ принять, узнать путь, по которому мнѣ должно итти. Слушая вашу Академическую рѣчь, я столь былъ сильно убѣжденъ о злоупотребленіи ложныхъ божествъ, какъ и о истиннѣ одного высочайшаго Существа, что никакъ не сомнѣваюсь, чтобы мое путешествіе не было слѣдствіемъ его вдохновенія. Вы не можете о томъ сомнѣваться, сказалъ Платонъ; ежели бы въ моей власти было подать вамъ случай къ оказанію вашей храбрости, я бы ничего не пощадилъ, дабы привесть васъ въ состояніе открыть знаменитую кровь, отъ которой вы происходите; но одни слова и совѣты, которые могу я вамъ дать, составляютъ все мое счастіе, и единственныя блага, которыми я обладаю; я даже осмѣливаюсь

 ска-

сказать, что владѣнія мірскія не составляютъ предмета моихъ желаній. Я чувствую, такъ какъ и всѣ люди, что ничто здѣсь не можетъ меня совершенно удовольствовать; едва получимъ мы то, чего съ великою горячностію желали, какъ сердце наше и сознаетъ его ничтожество, и отвращается отъ него, какъ отъ ложнаго предмета, неспособнаго успокоить его и сдѣлать щастливымъ. Непостоянство нашихъ желаній доказываетъ безсмертіе нашей души; она есть существо одушевленное и животворящее, которое наивеличайшія вещественныя сокровища не могутъ удовольствовать, и необходимая нужда вѣрить бытію высочайшаго Существа, которое насъ сотворило, не имѣетъ въ насъ нужды, и сохраняетъ насъ по благости Своей до времени награжденія, которое Оно восхощетъ намъ дать, и которое можетъ быть есть одно исполненіе нашихъ желаній, которыми бы мы могли быть довольны. Добро не можетъ происходить ни отъ кого другаго, кромѣ Его; зло есть слѣдствіе погрѣшностей, въ которыя насъ погружаютъ заблу-

заблужденія нашего воображенія. Какое бы великое дѣло ни предпринимали, Великій Государь! чтобъ добродѣтель была всегда побудительною причиною вашихъ дѣйствій; не теряйте ее никогда изъ вида, она утѣшаетъ въ ужаснѣйшихъ злополучіяхъ; напротивъ одинъ порокъ въ состояніи сдѣлать насъ несчастливыми. Мы укоряемъ сами себя безпрестанно, что учинили худое дѣйствіе, хотя успѣхъ онаго былъ благопріятенъ нашимъ желаніямъ. Сердце, мучимое праведными угрызѣніями, не можетъ вкушать никакого благополучія, и чувствуетъ само въ себѣ, что оно сдѣлалось недостойнымъ того блага, котораго имѣло право ожидать. Это будетъ содержаніемъ моей рѣчи, которую я буду говорить завтра въ Академіи, доказавши прежде, что наша безсмертная душа есть подобіе онаго высочайшаго Существа. Таковы суть мнѣнія богопочитанія народа, живущаго въ Іудеи. Описанія, которыя о нихъ я читалъ, мнѣ всегда казались удивительными. Жертвоприношенія, отправляемыя тамъ народомъ въ храмѣ Іерусалимскомъ, мнѣ

 кажут-

кажутся одними во вселенной, которыя бы были приносимы съ достоинствомъ, и могли бы заслужить жертву и богопочитаніе смертныхъ.

Аридей, послѣдуемый Линономъ и Ксимандромъ, возвратился по томъ, поблагодаривши Платона за наставленія его и просвѣщенія, которыми онъ чуствовалъ себя сильно пронзеннымъ. Онъ пошелъ къ своему хозяину въ намѣреніи пробыть у него до другаго дня, какъ прохаживаясь въ городѣ, узналъ, что вчерашняго дня путешественникъ обьявилъ, что происходитъ война между Тиромъ Царемъ Кардуэльскимъ, котораго столица есть Загенъ, и Жадуломъ Царемъ Котатискимъ.

Вскорѣ онъ принялъ намѣреніе туда итти для пріисканія себѣ должности. Линонъ, которому онъ въ томъ изъяснялся, заставилъ его подумать о выборѣ, которой онъ долженъ былъ дѣлать въ намѣреніи, имъ предпринятомъ, что не было бы разумно итти съ представленіемъ своея помощи Царю Коташискому, что онъ былъ бы въ опасности слишкомъ извѣдать гоненія

нія сего Двора; поелику Царь Жадулъ, говорилъ онъ ему, родственникъ Царицы Олимпіи, вашей непріятельницы, то бы она вѣрно вооружила всѣхъ злодѣевъ противъ васъ, которымъ бы приказала вложить Царю о васъ худыя мысли, которой бы также въ удовольствіе своей родственницы не могъ вамъ воздавать все то, что должно, и вы не получили бы ничего, кромѣ печалей, вмѣсто всякаго награжденія. Я то сознаю, отвѣчалъ Аридей; но мое намѣреніе есть итти къ Тиру Царю Кардуэльскому. Мнѣ всегда описывали его Царемъ правосуднымъ. Я также весьма увѣренъ, что отъ него получу чинъ, какъ скоро онъ меня узнаетъ. Я горю нетерпѣливостію туда ѣхать. Но я не буду скоро доволенъ, поелику переѣздъ великъ; ибо Загенъ его столица находится у Каспійскаго моря, простираясь къ Македоніи; и такъ не будемъ терять болѣе времени, поѣдемъ поскорѣе. Съ завтрашняго дня, естьли только можно. Все готово, отвѣчалъ Линонъ, вы будете удовлетворены.

Поутру съ разсвѣтомъ дня Принцъ поблагодарилъ Климандра, которой, не желая взять денегъ за издержку, причиненную ему Принцомъ, не могъ отговориться отъ принятія алмаза.

Путешествіе продолжалось больше мѣсяца, такъ что Аридей ничего не нашелъ на дорогѣ достойнаго примѣчанія. Наконецъ онъ пріѣхалъ ко вратамъ Загена, гдѣ прежде нежели позволили ему войти, спросили его, кто онъ таковъ? Аридей отвѣчалъ, чтобъ отвели его къ Царю; потому что ему только одному онъ могъ о себѣ сказать. Какъ свита его была не многолюдна, то приворотной Капитанъ не имѣлъ никакой трудности, и довольствовался только тѣмъ, что его проводилъ самъ съ дватцатью человѣками стражей до палатъ Царскихъ.

Какъ скоро онъ туда прибылъ, то Тиръ, будучи увѣдомленъ о прибытіи чужестранца, ожидалъ его въ залѣ аудіенціи съ своими первыми Офицерами. Онъ сидѣлъ на великолѣпномъ коврѣ. Лима, или начальникъ правосудія и его Совѣта сидѣлъ у ногъ его на правой сторонѣ, Капитанъ Гвардіи на лѣвой.

Сія

Сія зала была чрезвычайно длинна. Какъ онъ въ нее вошелъ, то Капитанъ Царской гвардіи его узналъ, видѣвши его въ Сидонѣ, куда онъ былъ посылаемъ отъ своего Царя для поздравленія Александра съ полученіемъ побѣды подъ Иссомъ, которая первая была одержана надъ Даріемъ. И такъ приближившись къ уху Царя, обьявилъ ему, что сей чужестранной былъ Аридей братъ Александровъ. Вдругъ Царь всталъ, и его поздравилъ, такъ какъ чинъ его того требовалъ. Аридей былъ такъ изумленъ, что вмѣсто привѣтствія, къ которому онъ готовился, какъ простой путешественникъ ему сказалъ: Милостивѣйшій Государь! вамъ опредѣлено кончить мои нещастія. Образъ, которымъ вы благоволили меня принять, подаетъ мнѣ лестную надежду для будущаго; доселѣ награжденіе моей должности и моихъ трудовъ, понесенныхъ въ службѣ Александра, моего брата, была его ненависть, или по крайней мѣрѣ его холоднокровіе; вы меня удостоиваете милостей не только прежде нежели я могъ вамъ доказать мое усердіе къ вашимъ услу-

гамъ въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ бы вы за благо разсудили меня въ оныя употребить, но еще прежде, нежели вы узнали, что конецъ моего путешествія есть тотъ, чтобъ служить подъ вашими знаменами. На что Тиръ отвѣчалъ, подавъ ему свою руку: я съ удовольствіемъ принимаю такого Принца, каковъ есть вы; побѣда, пріобыкши слѣдовать за кровію, столь знаменитою, какова ваша, безъ сомнѣнія будетъ благопріятна моимъ оружіямъ, а наипаче когда я окажу должное вамъ правосудіе, ввѣривши вамъ правленіе моихъ войскъ. Аридей поклонился низко, и отвѣчалъ объятіямъ Царя Тира безконечною благодарностію; но когда онъ хотѣлъ удалиться по томъ, то Царь далъ ему знать, что необходимо нужно, чтобъ онъ за нимъ слѣдовалъ на Совѣтъ, которой они хотѣли имѣть на тотъ конецъ, чтобъ установить, за какой бы способъ приняться для защищенія себя отъ своихъ непріятелей; и въ то же самое время, приказавши ему сѣсть подлѣ себя, повелѣлъ, чтобъ всякой садился на свое мѣсто. По томъ обратившись

къ

къ Лимѣ: поелику, сказалъ ему, жестокой Жадулъ, Царь Котатискій, въ противность союзнымъ и мирнымъ трактатамъ, столько разъ нами повторяемымъ, покровительствуетъ своею рукою бунты и грабительства, которыя его подданные производятъ немилостивно на моихъ границахъ, что онъ возъимѣлъ смѣлость противъ народнаго права худо поступать съ Посланниками, которыхъ я къ нему посылалъ, дабы его о томъ увѣдомить, и изтребовать у него на то правосудіе: отвергнемъ силу силою и сдѣлаемъ такъ, чтобъ наши подданные наслаждались спокойно плодомъ повиновенія, которымъ они намъ должны, и которымъ я доволенъ. Принцъ Аридей, находящійся подлѣ меня, будетъ начальствовать надъ моимъ войскомъ. Я увѣренъ, что всѣ похвалятъ мой выборъ, и что довольно его наименовать для составленія ему похвалы. Солдаты Царя Жадула разсѣяны по многимъ мѣстамъ моихъ областей, гдѣ они совершаютъ неслыханныя свирѣпости. Я надѣюсь, что они при видѣ моего войска скроются, и будутъ

искать

искать своей безопасности, возвращаясь въ свою страну.

Справедливо милостивѣйшій Государь! сказалъ Аридей, что они не дерзнутъ показаться предъ ваши войска; но сколько потеряете времени, ища ихъ и гонясь за ними изъ убѣжища въ убѣжище? Не разсудите ли вы лучше итти прямо къ Котатису, которой есть его столичной городъ, и ускорить осадою онаго. Жадулъ безъ сомнѣнія прикажетъ возвратиться всѣмъ своимъ войскамъ *для сопротивленія вашей побѣдѣ*, и ваши границы симъ средствомъ отъ нихъ тотчасъ будутъ свобождены.

Я соглашаюсь на вашъ совѣтъ, сказалъ Царь. Ступайте, и исполните великое намѣреніе, которое вы предприняли; мои войска находятся уже въ походѣ къ странѣ Котатиса, гдѣ я приказалъ ихъ собрать на моихъ границахъ. Подите, соедините ихъ въ составъ арміи, будьте ихъ начальникомъ, и управляйте ими, какъ вамъ за благо разсудится, ваше мнѣніе и проницаніе вашихъ совѣтовъ заслуживаютъ всецѣлую повѣренность.

Лима и всѣ другіе члены Совѣта, не имѣя ничего противосказать поступку столь мудрому, встали, и чрезъ низкой поклонъ дали знать, что они были тогожъ самаго мнѣнія; такимъ образомъ всякой вышелъ.

Аридей на другой день отправился, простившись съ Царемъ, ведя всегда съ собою своего любезнаго Линона и своихъ двухъ слугъ. Онъ пріѣхалъ въ Богою на границу, куда въ скоромъ времени собрались послѣ войска по приказаніямъ, присланнымъ имъ отъ Царя Тира. Принцъ сдѣлалъ имъ прилѣжной смотръ, и находя ихъ довольно въ добромъ порядкѣ, пошелъ къ Кошатису, куда пришедши, началъ осаду, и продолжалъ ее столь сильно, какъ ему только возможно было.

Между тѣмъ Царь Жадулъ весьма испугался, никогда не могши думать, чтобы напали на него не прогнавши и не побѣдивши войскъ, которыя разграбили Кардуэльскія границы: по причинѣ сей ложной безопасности онъ мало запасъ съѣстныхъ припасовъ; не многочисленной его гарнизонъ не подавалъ надежды къ сопротивленію чрезъ долгое

гое время арміи; почему онъ поспѣшилъ возвратить солдатъ посланныхъ имъ для разграбленія, съ непремѣннымъ приказаніемъ, чтобъ, какъ скоро они соберутся, шли для скорѣйшаго нападенія на лагерь осаждающихъ. Ожидая сію помощь, онъ оборонялся такъ, какъ ему возможно было, даже не осмѣливаясь дѣлать вылазокъ, опасаясь слишкомъ ослабить свое войско, оберегающее Котатисъ, и не возпротивиться приступу, ежели бы былъ принужденъ выдержать, что его до крайности устрашало, не могши возпрепятствовать, чтобъ усиліе тарановъ Аридеевой арміи не сдѣлало знатнаго пролома въ градскихъ стѣнахъ, гдѣ находилось весьма мало препятствія; потому что осажденные, опасаясь недостатка въ стрѣлахъ, ими дѣйствовали весьма рѣдко, примѣтивъ, что осаждающіе изъ политики на нихъ стрѣлъ не пускали, хотя они ихъ видѣли въ непокрытомъ мѣстѣ на валу, опасаясь, чтобъ тѣ же самыя стрѣлы не были употреблены противъ ихъ самихъ.

Царь

Царь Жадулъ довольствовался только тѣмъ, что приказалъ выкопать рвы, и построить заборы позади пролома для защищенія его, не сомнѣваясь, чтобы поутру на другой день не сдѣлали къ нему приступа. Онъ приказалъ поставить въ порядокъ всѣ свои войска позади забора, и ожидалъ времени; но будучи удивленъ, что не видитъ противъ обыкновеннаго ни какого движенія въ непріятельской арміи, не зналъ чему приписать сіе *спокойствіе*, какъ услышалъ отъ солдата, которой по благопріятству темноты имѣлъ щастіе притти въ городъ, что его войска пришли, и что когда онъ отправлялся, они рѣшились на разсвѣтѣ дня напасть на Тирову армію, которая, не зная, говорилъ онъ, ихъ прихода, была бы захвачена въ своемъ лагерѣ.

Жадулъ взошелъ на башню для узнанія того, что происходило внѣ города; онъ примѣтилъ густую пыль, и слушая, не могъ сомнѣваться по смѣшеннымъ крикамъ, которыми воздухъ былъ наполненъ, чтобы двѣ арміи не начали сражаться. Тотчасъ онъ съ

нее

нее сходитЪ, дабы сдѣлать вылазку, и помочь своимЪ войскамЪ; но Аридей, узнавши отЪ гонцовЪ, имЪ безпрестанно сЪ одной стороны на другую посылаемыхЪ для избѣжанія всякаго нечаяннаго нападенія, что Жадуловы войска шли на помощь граду, оставилЪ часть своей арміи вЪ тайномЪ мѣстѣ подЪ изгородами на покрытыхЪ дорогахЪ, ведя сЪ собою остатокЪ своихЪ войскЪ, которой онЪ почиталЪ весьма довольнымЪ для разбитія непріятелей, хотящихЪ на него напасть, вЪ чемЪ онЪ успѣлЪ столь совершенно, что нападши на нихЪ нечаянно, и захвативши ихЪ вЪ то самое время, когда они ни мало кЪ тому не готовились, и что напротивЪ того они думали сдѣлать на него нападеніе вЪ лагерѣ его, столь страшное учинилЪ вЪ нихЪ кровопролитіе, что остатокЪ вЪ весьма маломЪ числѣ убѣжалЪ, будучи устрашенЪ; одна изЪ нихЪ часть, убѣжавши вЪ башню, находящуюся на дорогѣ, и заперши ея двери изнутри, почитала себя быть вЪ безопасности; но ЛинонЪ сЪ корпусомЪ конницы, гнавшейся за бѣгущими, туда пріѣхавши,

ѣхавши, совѣтовалъ имъ здаться на милость, чему они не захотѣли повиноваться. Линонъ слѣзъ съ лошади, и запоромъ, найденнымъ имъ по случаю, съ двухъ или трехъ ударовъ пробилъ дверь; чѣмъ они были столь устрашены, что не осмѣливаясь защищаться, пали на колѣни, и просили милосердія. Линонъ, тронутый ихъ раскаяніемъ, охотно согласился даровать имъ животъ, и приказавши перевязать, привелъ ихъ въ лагерь Принца Аридея, гдѣ они безпрестанно разсказывали о чудномъ дѣйствіи силы начальника Линона.

Что касается до Царя Жадула, то онъ, сдѣлавши вылазку, имъ предпріятую, и думая, что онъ никого не найдетъ на своемъ пути, столь удивился, видя нападающія на своихъ людей войска, бывшія въ тайномъ мѣстѣ, что вошелъ съ поспѣшностію въ городъ въ ожиданіи вѣсти о сраженіи, которому онъ внималъ не ясно съ башни, на которую взошелъ.

Аридей, побѣдивши своихъ непріятелей, возвратился въ торжествѣ и соединился съ солдатами, оставленны-

 ми

ми имъ въ тайномъ мѣстѣ для обороны лагеря и возпрепятствованія вылазкамъ. Онъ съ радостію узналъ то, что случилось съ Жадуломъ, и какъ послѣ потерянія части своего гарнизона вошелъ онъ постыдно въ городъ.

Онъ приказалъ отдохнуть своей арміи въ остаткѣ дня, дабы лучше расположить къ приступу, которой хотѣлъ сдѣлать на другой день. Онъ самъ пошелъ осмотрѣть окружности города, дабы узнать, не можно ли сдѣлать какого нибудь ложнаго нападенія въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, чтобъ отвратить непріятеля своего на ту сторону, и симъ средствомъ приступъ сдѣлать не столь кровопролитнымъ. Въ сумерьки проходя чрезъ каменистую гору, сопровождаемъ только Линономъ, увидѣлъ молодаго человѣка, довольно хорошо одѣтаго, съ своимъ слугою, которой сражался съ шестью человѣками, изъ которыхъ одинъ держалъ на своей лошади младую дѣвицу, употреблявшую всѣ усилія, дабы свободиться изъ рукъ его, и просящую помощи. Аридей и Линонъ взяли свои шпаги, и бросившись на нихъ,

тот-

тотчасъ увидѣли молодую дѣвицу свободною, и шесть всадниковъ, обратившихся въ бѣгство во всю прыть.

Аридей и Линонъ думали, что она по видимому была ранена; но они были возободрены, видя ее вдругъ повергающуюся къ стопамъ ихъ, что самое сдѣлалъ также молодой человѣкъ, которой сказалъ Аридею, не признавая однако его: Государь! да вознаградятъ тебя боги за правосудное дѣйствіе, тобою теперь учиненное! Вы спасли мою жизнь; поелику я намѣренъ былъ погибнуть лучше, нежели уступить прекрасную Клару силѣ ея похитителей; сдѣлайте милость, позвольте намъ за вами слѣдовать, дабы довершить вамъ свои благодѣянія, которыя вы намъ оказали.

Аридей слѣзъ съ лошади, и поднимая обоихъ, обнялъ, свидѣтельствуя имъ радость, которую онъ получилъ отъ того, что помогъ имъ кстати. Линонъ отдалъ свою лошадь Кларѣ, и всѣ вмѣстѣ поѣхали по дорогѣ къ лагерю и къ палаткѣ Принца, которая не очень была далеко.

На дорогѣ молодой человѣкъ обтерши потъ и пыль, покрывшіе его лице, разговаривалъ съ Линономъ, въ то время, какъ Принцъ говорилъ съ прекрасною Кларою. Они весьма удивились, узнавши одинъ другаго. Когда Линонъ произнесъ громко имя Эвандра, сына Леонатова (такъ звали сего молодаго человѣка), то Аридей остановился, и узнавъ его также, сказалъ ему: какъ, Эвандръ! это ты? и ты меня не узналъ? Ахъ Государь! сказалъ Эвандръ, простите, и припишите мой проступокъ смятенію, которымъ я былъ объятъ; по справедливости онъ не извинителенъ, потому что я не узналъ моего Принца и брата моего Царя. Но какой случай завелъ тебя въ сіи мѣста? и какъ ты узналъ прекрасную Клару? Въ сей вечеръ, какъ вы успокоитесь, я надѣюсь, что вы оба мнѣ разскажете частныя приключенія, которыя завели васъ сюда. Не сомнѣвайтесь въ участіи, которое я въ томъ приму, и что я сдѣлаю все то, что будетъ зависѣть отъ меня для содѣланія вашего спокойствія и вашего счастія. Я знаю, Эвандръ! сколько ты достоинъ по-

почтенія; что какъ Александръ не воздалъ должнаго тебѣ правосудія, то ты принужденъ былъ оставить его армію. Я тебѣ скажу также, для чести и удовольствія твоего, что едва ты уѣхалъ, какъ онъ тебя публично похвалилъ, приказалъ тебя искать, и умертвилъ злодѣя Барота, Офицера его гвардіи, тебя обвинившаго, дабы оправдать самаго себя въ сугубой измѣнѣ, въ которой онъ былъ виноватъ, содержа дружбу съ непріятелемъ, и получая отъ него письма на твое имя.

Разговоръ симъ кончился. Аридей и прекрасная Клара сошли съ лошади. Аридей повелъ ее за руку въ свою палатку, приказывая Эвандру и Линону за собою слѣдовать; онъ хотѣлъ, чтобъ они съ нимъ откушали.

Послѣ ужина Аридей приказалъ, чтобъ поутру на разсвѣтѣ дня все было готово для учиненія приступа; по томъ сѣвши подлѣ Эвандра и Клары, время уже, сказалъ онъ имъ, исполнить данное вами мнѣ слово въ разсужденіи увѣдомленія меня о вашихъ приключеніяхъ. Я толикую имѣю

къ тому нетерпѣливость, что никакъ не хочу оставить до утра, потому что по всѣмъ наружностямъ мы завтра другими будемъ заняты мыслями.

Тотчасъ Клара начала говорить: Я не могу, Государь! жаловаться на свои нещастія; потому что столь великому Принцу, каковъ вы, одолжена я ихъ окончаніемъ, и что безъ моихъ злощастій я не имѣла бы можетъ быть чести васъ знать. Я называюсь Кларою; *я знаю, что я была похищена въ самой нѣжной младости*; и когда разумъ открылъ мнѣ очи, то я увидѣла себя въ замкѣ Коташискомъ въ числѣ невольницъ съ небольшимъ отличіемъ отъ другихъ, которыхъ иногда заставляли мнѣ служить. Къ щастію моему четыре года тому назадъ, какъ меня оставили у Принцессы, находившейся тогда тамъ въ заключеніи, которая вамъ не должна быть неизвѣстна; поелику она есть Эвридикія, дочь Аминта, племянница Филиппа Царя Македонскаго, вашего знаменитаго отца. Она тамъ препровождаетъ жизнь подъ именемъ Селлы,

ды, которое заставили ее взять вмѣсто своего, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ. Мнѣ не прилично хвалить ея дѣйствія и ея добродѣтели, онѣ несравненно превосходятъ мои силы; я должна довольствоваться, удивляться только имъ. Ея станъ и ея красота суть совершеннѣйшія; одинъ взглядъ ея впечатлѣваетъ почтеніе въ самыхъ дерзостнѣйшихъ. Я видѣла многократно, какъ она удерживала стремленія страстнаго Жадула, когда онъ по *своей глупости* *открылъ* ей свою страсть. Нѣтъ ничего такого, что бы сей Царь не употребилъ, дабы быть отъ нее любимымъ. Четыре уже года тому назадъ, какъ она находится во власти его, но всегда безполезно; никогда онъ къ ней не подходилъ, не извѣдавши ея презрѣнія. Я нахожусь въ твоей власти, говорила она ему, нѣсколько дней тому назадъ; но подумай о неравенствѣ, каковое находится между твоею и моею кровію. Олимпія, предавшая меня въ твои руки, весьма много имѣла старанія и силы, дабы успѣть въ своихъ намѣреніяхъ, и учинить сіе злодѣяніе; но

я буду имѣть довольно мужества, дабы тебя презирать; естьли бы я была столь подла, что тебя послушалась, то бы заслужила ту обиду, которую мнѣ сдѣлали. Возврати мнѣ свободу, отошли меня въ мое отечество, и наконецъ сдѣлайся достойнымъ меня получить, естьли ты на то отваживаешься. Воображаешь ли ты, перемѣнивши мое имя, и давши подлое, какъ плѣнницѣ, чтобъ я была дочь Аминта и двоюродная сестра Александру? Принцессы моей крови почитаютъ всѣхъ людей ниже себя, одинъ только Герой можетъ меня тронуть; ты еще весьма удаленъ отъ этого.

Жадулъ во время выговоровъ столь жестокихъ пребывалъ недвижимъ, дѣлался блѣднымъ, и потупивши глаза, выходилъ, ничего не отвѣчая, такъ что я очень много удивлялась, сколько особы Царскія вперяютъ почтенія. Кажется, что величество боговъ, начертанное на лицѣ ихъ, обезоруживаетъ въ одно мгновеніе самыя дикія и варварскія сердца; потому что Жадулъ изъ всѣхъ людей есть самый свирѣпѣйшій и самый вспыльчивѣйшій, за-

ко-

коловши своею рукою многихЪ своихЪ любовницЪ при малѣйшемЪ неудовольствіи, или при малѣйшемЪ подозрѣніи ревности, которою онЪ былЪ возмущаемЪ. Когда послѣ отказа Принцессина я видѣла его выходящаго, то вЪ толикой приходила страхЪ, что часто принимала смѣлость докладывать Принцессѣ, что надлежало бы поступать сЪ нимЪ сЪ большею тихостію, опасаясь слишкомЪ раздражить его бѣшенство и его *отчаяніе*.

АхЪ, *моя любезная Клара!* отвѣчала она мнѣ, *сколь трудно себя умѣрить вЪ присутствіи ненавистнаго тиранна, которой помогаетЪ наглости нашихЪ непріятелей, и думаетЪ смягчить сердце гоня! Я Принцесса знаменитѣйшей крови во вселенной; корона Македоніи мнѣ принадлежитЪ, поелику мой дядя ФилиппЪ завладѣлЪ ею для того только, что по смерти моего дѣда, Царя Пердикка, былЪ избранЪ опекуномЪ Аминта, моего отца, которой еще былЪ весьма молодЪ для царствованія и правленія своими областями самимЪ собою.*

Филиппъ былъ столь увѣренъ о справедливости моихъ правъ, что приказалъ меня воспитать въ приличномъ мнѣ чинѣ, и льстилъ меня тысячу разъ надеждою быть нѣкогда супругою сына его Александра.

Но послѣ его смерти, весьма скоропостижной къ моему нещастію, вдова его Олимпія все употребляла для премѣненія моей судьбы; она искала случая отмстить моему отцу Аминту за то, что она его обвиняла, будто бы онъ былъ участникомъ въ любви Филиппа ея мужа съ Клеопатрою, и будто бы онъ былъ причиною, что Филиппъ узналъ ея хитрости съ подлымъ Неитенабомъ, которой подъ принятымъ образомъ бога Марса препровождалъ съ нею время въ храмѣ.

Я находилась въ городѣ Едессѣ, гдѣ воздавали мнѣ почести, приличныя моему чину. Ввечеру, какъ я мылась въ банѣ, и когда находилась со мною одна только изъ моихъ женщинъ, нещастная наперсница, прельщенная Олимпіею, я пришла въ крайнее изумленіе, увидя четверыхъ солдатъ въ маскахъ, входящихъ въ то

мѣ-

мѣсто, въ которомъ я находилась, обыкновенно неприступное для людей. Сіи солдаты безъ всякаго почтенія меня схватили, и посадили меня въ коляску, не смотря на мой крикъ. Дверь сада была отворена, и какія бы угрозы я ни дѣлала, но они меня препроводили безъ милосердія до сего замка, гдѣ больше уже четырехъ лѣтъ нахожусь плѣнницею Жадула, Министра свирѣпостей Олимпіи. Послѣ всего сего ты хочешь, чтобъ я ласково съ нимъ поступала, и опасалась его раздражить? Но ахъ! какъ ты худо меня знаешь! онъ слишкомъ безчеловѣченъ, и для того не кончитъ мои мученія, умертвивъ меня; сіе бы было величайшею милостію, какую бы я могла отъ него получить. И какъ онъ столь нaглъ, что говорилъ мнѣ о своей страсти: то бѣшенство столь сильно обладаетъ моими чувствами, что я сама себя не знаю. Любовь можетъ ли когда нибудь тронуть сердце, когда оно носитъ на себѣ черты злодѣя, покрытаго кровію и беззаконіями.

Признаюсь, что, выслушавши ее, не имѣла я болѣе силы къ изысканію причинъ

чинЪ для сопротивленія сЪ ея отчаяніемЪ; я только воздыхала тайно, и сожалѣла обЪ ней; я ходила за нею вЪ каждой вечерЪ гулять вЪ садЪ.

КакЪ мы вошли, два дни тому назадЪ, и когда была ночь, то одна черная невольница мнѣ сказала тихонько, что Царь хотѣлЪ со мною поговорить вЪ саду: я не смѣла противиться его приказаніямЪ; и какЪ я не знала о томЪ, что онЪ мнѣ хотѣлЪ сказать, то я сказала для извиненія Принцессѣ, *что я позабыла мой ящичекЪ сЪ мушками вЪ гротѣ,* гдѣ она мнѣ велѣла сѣсть подлѣ себя. Когда я нѣсколько отошла, то Царь ко мнѣ подошелЪ; онЪ былЪ одинЪ сЪ ТріеломЪ, своимЪ МундшенкомЪ: прекрасная Клара! сказалЪ онЪ мнѣ, *ты слышала многократно,* какимЪ недостойнымЪ образомЪ Селла со мною поступала; я имѣлЪ бы право меньше имѣть кЪ ней почтенія, нежели сколько я оказывалЪ до сего времени; но прежде нежели кЪ тому прибѣгну, вЪ знакЪ моей кЪ ней милости изведаю всѣ средства тихости. Я ввѣряю тебѣ свои выгоды; я знаю крайнюю довѣренность, каковую

она

она къ тебѣ имѣетъ; и такъ ты одна можешь содѣлать мое щастіе; нѣтъ награжденія, котораго бы ты не могла надѣяться, естьли ты ее приклонишь въ мою пользу. Вотъ Тріелъ, мой Мундшенкъ, котораго щастіе есть самое славнѣйшее въ моемъ государствѣ; онъ мнѣ признался, что съ того времени, какъ увидѣлъ тебя на балконѣ Селлы въ послѣдній день манежной игры, онъ тебя обожаетъ, и не можетъ быть щастливымъ безъ тебя. Я согласенъ, чтобъ ты была его супругою; хотя ты невольница, однако я тебѣ доставлю чинъ, которой произведетъ зависть въ вельможахъ моихъ областей; я приказалъ, чтобъ на всякомъ часу ему позволяли ходить въ покой Селлы, дабы тамъ видѣть тебя; ты будешь ему давать отчетъ въ успѣхѣ, какой произведешь въ мою пользу въ сердцѣ твоей госпожи. Я ласкаю себя надеждою, что ты въ томъ успѣешь, и избавишь меня отъ труда, которой бы я долженъ былъ принять, начиная мстить тебѣ за ея презрѣнія; завтра ввечеру въ этомъ же часу Тріелъ будетъ здѣсь; ты его увѣдомишь о распо-

положенiи Селлы, такъ называли Эвридикiю.

Что касается до Трiела, то онъ не сказалъ ни слова, а только смотрѣлъ на меня такимъ образомъ, которой заставилъ меня покраснѣть и потупить глаза.

Я оставила ихъ, будучи столь испугана и внѣ себя, что едва могла дойти до покоя Принцессы, куда пришедши, впала въ обморокъ. Принцесса, которой милости ко мнѣ всегда были велики, пришла сама на помощь; она ничего не позабыла, дабы привестъ меня въ чувство. Я такъ перемѣнилась, когда увидѣла свѣтъ, что изъ жалости она меня обняла, сказавъ мнѣ: что съ тобою сдѣлалось, моя любезная Клара? Ахъ, моя Государыня! съ слезами я ей отвѣчала, для чего вы мнѣ не дали умереть? Я хочу, чтобъ ты отъ меня ничего не скрывала, сказала она мнѣ, и одною своею рукою отирала сама мои слезы; тогда безъ разсужденiя я ей вѣрно разсказала все то, что мнѣ говорилъ Царь. Глаза ея омочились слезами; я повергласъ къ стопамъ ея; и какъ она меня обнимала, дабы меня поднять, то я осмѣлиласъ

то

то же сдѣлать еще; моя дерзость не только ей не понравилась, но и произвела въ ней больше сожалѣнія, и придала силу ея бодрости. Я соглашаюсь на то, сказала она мнѣ, чтобъ ты его ласкала надеждою; я тебя слишкомъ люблю, и для того не снесу, чтобъ ты была жертвою его жестокостей; скажи ему, что ты говорила со мною въ его пользу; но что я тебя приняла съ такою гордостію, что ты уже *опасаешься*, чтобы не лишиться *ея довѣренности*: несправедливо, чтобъ моя къ нему ненависть обратилась на любезную мою Клару. Ежели тебѣ не противно быть супругою Тріела, то я согласна на твое щастіе, какую бы скуку ни могла я чувствовать, лишившись тебя. Какъ, Государыня! вскричала я! вы почитаете меня способною къ такому вѣроломству? Сколь достойна я сожалѣнія, что вы столь мало меня знаете! Нѣтъ, я вамъ никогда не измѣню; всѣ нещастія, которыми бы онъ могъ меня удручить, суть ничто въ сравненіи съ лишеніемъ вашихъ милостей и вашего присутствія. Тріелъ его наперсникъ и его любимецъ;

эти

эти одни названія довольны внушить мнѣ противъ него ужасъ.

Принцесса, не отвѣчая мнѣ больше, обняла меня нѣжно, и по томъ велѣла войти женщинамъ (которымъ она приказала вытти во время нашего разговора), дабы онѣ ложились спать; она приказала, какъ весьма довольно случалось, чтобъ мнѣ приуготовили кровать въ ея горницѣ; мы препроводили всю ночь, разсуждая о нашей нещастной участи, не утѣшаясь ни малѣйшею *лестною надеждою, видѣть* ее когда *нибудь* пріятною.

На другой день ввечеру Принцесса столько утрудилась, что не пошла въ садъ, и я сидѣла съ нею, какъ въ назначенномъ на канунѣ отъ Царя часу пришла ко мнѣ невольница, и увѣдомила меня, что спрашиваетъ меня нѣкто у канала, не желая мнѣ сказать, какъ онъ таковъ. Я не хотѣла туда итти, и извинялась болѣзнію Принцессы, какъ она мнѣ приказала сама, говоря, что лучше мнѣ итти къ нему, нежели ожидать, чтобъ онъ дерзнулъ войти въ мой покой, какъ Царь далъ ему на то позволеніе; поелику

лику мы не сомнѣвались, чтобы это не былъ Тіэлъ.

Я повиновалась. Подходя къ нему, думала, что онъ повергнется къ моимъ стопамъ, и сдѣлаетъ самое нѣжнѣйшее объявленіе, но совсѣмъ не такъ; онъ сдѣлалъ самое необыкновенное, совершенно его достойное. Буду ли я столько несчастливъ, государыня моя! сказалъ онъ мнѣ, что не получу мѣста въ вашемъ сердцѣ, когда любовь меня принуждаетъ вамъ пожертвовать моимъ чиномъ и моимъ счастіемъ? Чести, на которыя я возведенъ по милости Царя, подаютъ мнѣ смѣлость избирать въ знаменитѣйшихъ фамиліяхъ государства, между тѣмъ какъ я взираю только на невольницу, и не могу безъ нее жить счастливо. Царь повелѣлъ мнѣ спросить у васъ объ успѣхѣ порученной вамъ коммисіи предъ Селлою; я ожидаю вашего отвѣта для довершенія его и моего счастія.

Правда, отвѣчала я съ великимъ смущеніемъ, я невольница, какъ вы меня о томъ увѣдомляете; и такъ я должна удивляться, чтобы такой великой господинъ, каковъ есть вы, хо-

тѣлъ столь сильно унизиться. Ежели бы мнѣ было позволено вамъ дать совѣтъ, то бы я вамъ показала, что союзы столь неравные никогда не бываютъ щастливы; богъ брака рѣдко одобряетъ глупости любви, и я себя чувствую неспособною изъѣдать его своенравіе. Хотя я невольница, однако имѣю сердце благородное и высокое; оно презираетъ гордость и порокъ, добродѣтель одна только можетъ его сдѣлать чувствительнымъ. Должно заслужить меня, чтобъ получить мою руку; судите послѣ сего о томъ, чего должны отъ меня ожидать. Я разсказала Селлѣ (поелику я не смѣла ее назвать иначе въ публикѣ) весь Царской разговоръ, которой онъ мнѣ препоручилъ; моя искренность заставляетъ меня вамъ также сказать, что ничего къ нему не прибавила я отъ себя, поелику я не только не намѣрена помогать Царю въ намѣреніяхъ его, но еще была ему противна. Селла мнѣ отвѣчала, что она лучше бы избрала смерть, и что сіе было бы величайшею милостію, каковую бы могла она изтребовать отъ Царя. Вы знаете теперь наши

наши мнѣнія, вы можете вѣрно о семъ разсказать вашему господину. Тотчасъ, не ожидая его отвѣта, я оставила его весьма изумленна, сколько мнѣ можно было примѣтить, и пришла къ Принцессѣ, находившейся въ крайней нетерпѣливости узнать, что бы такое происходило.

Я ей разсказала изъ слова въ слово, и имѣла счастіе быть похваленною отъ нее во всемъ томъ, что я сказала.

Съ сего времени мы были довольно спокойны; но въ нынѣшнее утро примѣтили, что происходили великія движенія въ городѣ, о которыхъ мы не знали, какъ ввечеру евнухъ сказалъ, что Царская армія была разбита отъ непріятельской, что самъ онъ былъ принужденъ возвратиться въ городъ, опасаясь быть плѣнникомъ; но мы не знали имени нашихъ осаждателей, какіе бы вопросы ни могли дѣлать, какія бы подозрѣнія ни имѣли во время цѣлаго мѣсяца, а только слышали непонятные крики. Въ сей вечеръ нѣсколько прежде захожденія солнца въ то самое время, какъ Принцесса утрудившись уснула на подушкахъ:

что любопытство мое заставило меня взойти вверьхъ на башню, которая находилась вверху ея горницы, дабы освѣдомиться о шумѣ, и узнать нѣчто. Я увидѣла многихъ людей на дворѣ нашихъ палатъ противъ обыкновенія страны, которая запрещала въ нихъ входить; судя потому, что происходило нѣчто весьма чрезвычайное, я сошла съ поспѣшностію, дабы увѣдомить Принцессу. Но, великіе боги! въ какое пришла я удивленіе, когда нашла на лѣстницѣ Тріэла съ пятью человѣками весьма непригожаго лица! Тріэлъ, бросившись ко мнѣ, сказалъ мнѣ грубымъ голосомъ и повелительнымъ: государыня моя! не смотря на ваши презрѣнія и вашу несправедливую жестокость, я пришелъ доказать вамъ крайность моей нѣжности. Царь видя, что въ скорости потеряетъ столичной свой городъ послѣ разбитія своей арміи и великаго пролома, сдѣланнаго непріятелями въ нашихъ стѣнахъ, и разъяренъ будучи недостойными образами послѣдняго отвѣта Селлы, вами мнѣ сдѣланнаго отъ нее, прежде нежели выйдетъ изъ города, и оставитъ

побѣ-

побѣдителю; приказалъ умертвить всѣхъ женщинъ, находящихся въ сихъ палатахъ, онъ хочетъ ими пожертвовать своему праведному гнѣву; съ великимъ трудомъ наконецъ получилъ я отъ него милость, чтобъ вы одни были изъ того изключены; ступайте за мною, или вамъ остается жить одинъ только часъ. Какъ? сказала я ему, вы хотите, чтобы я оставила мою любезную Принцессу? Жизнь была бы мнѣ ненавистна послѣ такой подлости; и какъ я хотѣла убѣжать въ дверь ея комнаты, то онъ меня удержалъ за руку и отдалъ своимъ спутникамъ; они меня схватили, и провезли чрезъ городъ, такъ что никто ни мало не внималъ моимъ крикамъ. Въ толикомъ народъ находился смятенiи! Жены и дѣти, бѣжа со всѣхъ сторонъ, наполняли воздухъ ужасными воплями. При выходѣ изъ города посадили меня на лошадь въ объятiя одного изъ моихъ похитителей, и мы еще весьма мало совершили пути, какъ я примѣтила Эвандра, котораго я узнала, потому что онъ спасъ мою жизнь однажды на охотѣ, когда моя лошадь испугалась,

 и

и хотѣла было меня бросить на камни, какъ онъ подвергнулъ себя ея бѣшенству, и остановилъ ее среди ея бѣгу. Я ему кричала, чтобъ онъ мнѣ помогъ, хотя похититель, меня державшій, положилъ мнѣ руку на ротъ; но великодушіе Эвандра принудило подать помощь несчастной бѣдной. Онъ имѣлъ съ собою одного только слугу, тотчасъ, взявъ шпагу, остановилъ Тріила, ѣхавшаго напереди. Сраженіе хотѣло только начаться, какъ вы появились, Государь! и какъ ваше одно присутствіе обезоружило сихъ злодѣевъ, нашедшихъ свое спасеніе токмо въ одномъ бѣгствѣ. Но увы! въ сіе время, въ которое я вамъ разсказываю сію печальную повѣсть, можетъ быть Принцесса, больше несчастная, нежели я невольница, жестокимъ образомъ кончила свои дни, или находится въ смертоносной нуждѣ слѣдовать за Жадуломъ, которой ее прикажетъ взять прежде своего отъѣзда, и не будетъ столь счастлива, чтобъ нашла столь знаменитаго избавителя, каковъ есть вы.

Вы не можете повѣрить движенiямъ, которыми я смущенъ, отвѣчалъ Аридей; мы услышимъ повѣсть приключенiй Эвандровыхъ, когда отдохнемъ, и будемъ спокойнѣе. Ночь уже давно наступала; моя нетерпѣливость не позволяетъ мнѣ ничего другаго, какъ только дать нужныя приказанiя, чтобъ все было готово для нападенiя на проломъ завтра на разсвѣтѣ дня. Я не могу скоро помочь Принцессѣ; хотя бы кровь, меня съ нею соединяющая, къ тому меня не обязывала; однако наша есть должность покровительствовать несчастныхъ, и наипаче тѣхъ, которые произходятъ отъ крови столь знаменитой и столь добродѣтельной, какова есть ея.

Тотчасъ онъ пошелъ самъ изъ ряда въ рядъ собирать опредѣленныхъ къ первому приступу; онъ поставляетъ потомъ въ порядокъ войска, долженствовавшiя имъ помогать; и какъ скоро день насталъ, то давши знакъ, первой самъ взошелъ на проломъ со шпагою. Вотще непрiятели противостали его храбрости; вездѣ становится пусто, куда онъ ни идетъ; неустрашимый Линонъ по-

всюду слѣдовалъ за нимъ, и помогалъ имъ. Ничто не могло имъ противостоять. Всѣ Полководцы и солдаты, видя его подвергающагося опасности съ толикою неустрашимостію, толикую оказали храбрость, и столь страшное учинили кровопролитіе, что меньше нежели въ часъ непріятели, будучи устрашены, уступили проломъ, и оставили городъ на разграбленіе.

Аридей съ Эвандромъ и Линономъ видя, что они не имѣли больше предъ собою непріятелей, пошли въ палаты, дабы сыскать тамъ Принцессу; они увидѣли, что двери ея отворены, и нѣкоторыхъ невольниковъ, которые устрашившись, бѣгали то туда, то сюда Аридей старался ихъ ободрить, обнадеживая, что никакого зла имъ не будетъ учинено. Онъ спросилъ ихъ, не знали ли они, гдѣ находится Селла; но онъ не могъ узнать отъ нихъ объ ней никакихъ вѣстей, кромѣ того, что ввечеру прошедшаго дня Селла и Клара скрылись, такъ что не могли узнать, въ какую сторону онѣ поѣхали, ни того, что съ ними случилось, что слышали, что Царь

Жа-

Жадулъ говорилъ Тріэлу, своему Мундшенку: пойдемъ искать Селлу; я хочу ее видѣть мертвую, или живую прежде моего отъѣзда; она мнѣ причинила несчастіе, надобно, чтобъ я ей за то отмстилъ.

Городъ былъ оставленъ на разграбленіе во время двухъ часовъ, въ которые солдаты нашли довольно того, чѣмъ бы наградить труды, которые они понесли во время осады. Однѣ палаты Принцессы остались только цѣлы; присутствіе Принца и его приказанія возпрепятствовали солдатамъ туда войти.

Во время сего смятенія Аридей приказалъ Линону (которой былъ совершенно знаемъ и почитаемъ его арміею, послѣ славныхъ дѣйствій, имъ учиненныхъ) итти къ себѣ въ палатку сыскать Клару и привести ее, для того, чтобы помощію ея можно было узнать основательнѣйшія вѣсти о Принцессѣ, что ей было бы удобнѣе, нежели такимъ чужестраннымъ, какъ они; потому что на нихъ взирали съ ужасомъ, и что они не знали ни ходовъ

въ палатахъ, и никого такого, которой бы имъ могъ указать.

Нѣсколько времени спустя, пришла Клара съ Диноломъ; но безполезно было ея исканіе во всѣхъ углахъ палатъ, и спрашиваніе у всѣхъ ей извѣстныхъ, съ которыми она могла встрѣтиться; она не могла ничего о ней узнать; потомъ пошла въ садъ, пробѣжала всѣ гроты и скрытнѣйщія мѣста, призывая непрестанно Принцессу громкимъ голосомъ. Малая надежда, которою она себя ласкала, начала было изчезать, какъ Аридей увидѣлъ трясущіяся нѣкоторыя вѣтви терновъ, возращенныхъ около гробницы Іефры (первой жены Жадула, находящейся въ рощицѣ весьма удаленной, о которой весьма мало имѣли старанія); онъ туда приближился, и увидѣлъ нѣкоторое движеніе сквозь терновыя спицы.

Клара, взиравщая на то пристально, догнала Принца, и весьма была изумленна, слыша слабый гласъ, ей говорящій: какъ! это ты моя любезная Клара? ты еще не погибла? Ахъ, государыня! вскричала Клара, сколь я счастлива, что васъ нашла! и сколько

вы причинили намЪ безпокойствія! благодарите Принцу Аридею, васЪ искавшему; онЪ пришелЪ васЪ свободить послѣ побѣды, одержанной имЪ надЪ вашимЪ тиранномЪ, которой обратился вЪ бѣгство. Тогда Принцесса, посмотрѣвши на Аридея пристальнѣе, узнала его, хотя весьма довольно прошло времени, какЪ она его не видала, и хотя его черты весьма перемѣнились; по томЪ выдираясь мало помалу изЪ мѣста, вЪ которое убѣжала, обняла Принца, своего двоюроднаго брата, которой, пораженЪ будучи сіяніемЪ ея красоты, хотя вЪ видѣ весьма простомЪ, сдѣлался почти недвижимЪ и сЪ великимЪ трудомЪ ей сказалЪ прерывающимся голосомЪ: моя побѣда, Государыня! была бы слишкомЪ не совершенна, и я не могЪ бы вкушать ея пріятностей, естьли бы не избавилЪ васЪ отЪ жестокаго тиранства, которому вы были подвержены. СЪ того времени, какЪ любезная Клара мнѣ разсказала о гоненіяхЪ, которыя безчеловѣчной ЖадулЪ употреблялЪ противЪ васЪ, я не желалЪ побѣдить, какЪ только для того, чтобЪ возвратить

вамЪ

вамЪ свободу, и мною пожертвовать безЪ изъятія всему тому, что вамЪ угодно будетЪ мнѣ приказать; я слишкомЪ счастливЪ, естьли вы не презираете моихЪ услугЪ и естьли вы подаете мнѣ случай кЪ оказанію вамЪ ревности, меня оживотворяющей. Вы были во власти тиранна, хотѣвшаго предписать вамЪ законы, но теперь вы имѣете право повелѣвать самимЪ побѣдителемЪ. Эвридикія покраснѣла, а особливо когда глаза ея встрѣтились сЪ глазами Принца, *исполненными почтительной нѣжности.* Я была бы, отвѣчала она, весьма не благодарна, естьли бы не помнила вѣчно ваши благодѣянія, которыя я отЪ васЪ получаю; но я васЪ прошу не отдавать мнѣ свою власть, она находится у васЪ вЪ хорошемЪ употребленіи, и для того я почту за свое щастіе и славу слѣдовать такому побѣдителю.

Я почитаю себя столько щастливою, что еще опасаюсь, чтобы мое настоящее счастіе не было привидѣніемЪ; а тебя, любезная Клара! какой милостивой богЪ могЪ привесть ко мнѣ? Я узнала вчера, пробудившись отЪ сна,

отЪ

отъ одной изъ моихъ невольницъ, что вѣроломный Тіэлъ получилъ отъ Царя позволеніе тебя похитить, и что онъ исполнилъ свое намѣреніе. Всѣ мои женщины меня увѣрили, что онѣ тебя видѣли ѣдущую по двору въ объятіяхъ твоихъ похитителей; я подошла тотчасъ къ окну, но уже ты выѣхала, и видя еще людей въ дворцѣ, я не сомнѣваюсь, чтобы и я не изъвѣдала ту же самую участь, тѣмъ паче, что меня увѣдомили, что передняя дверь моея комнаты была заперта снаружи, и что на лѣстницѣ находилось великое число неизвѣстныхъ людей.

Тотчасъ, какъ окно моего кабинета, находящееся въ садъ, довольно низко было, то я рѣшилась, не думая много, и выскочила потише, какъ мнѣ возможно было; по счастію я никакого себѣ не причинила вреда, и довольно имѣла силы и бодрости уйти въ ту пещеру, въ которой вы меня нашли; я тамъ скрылась подъ сею гробницею въ ожиданіи того, чтобы было можно богамъ сдѣлать со мною.

Ми-

Минуту спустя, я услышала крикЪ, и что меня призывали громкимЪ голосомЪ; пришли искать меня сЪ факелами. ЖадулЪ и ТріэлЪ, которыхЪ я узнала, были напереди; но хотя многократно они проходили около мѣста, вЪ которое я спряталась, однако я имѣла счастіе не быть ими примѣченною. На разсвѣтѣ дня всѣ люди ушли изЪ сада, и я пребывала вЪ семЪ скрытномЪ мѣстѣ вЪ страхѣ до того времени, какЪ тебя увидѣла. Все то, что я знаю, состоитЪ вЪ томЪ, что нѣсколько послѣ восхожденія солнца я видѣла Царя Жадула блѣднаго и обезображеннаго сЪ яростными очами проѣзжающаго садЪ во всю конскую прыть, и вЪѣхавшаго вЪ каменныя вороты, чрезЪ которыя выходятЪ отсюда и изЪ города, невидимы будучи ни отЪ кого.

Справедливо, моя Государыня! отвѣчала Клара, я была похищена вчера отЪ дверей вашея комнаты ТріэломЪ; я была бы также еще вЪ его власти безЪ храбрости Принца, меня отЪ него свободившаго. ВамЪ-то, Великій Государь! сказала ему Эвридикія, одолже-

жена я всемЪ моимЪ счастіемЪ; вы, возвративши мнѢ Клару, равное доставили счастіе тому, что свободили меня отЪ рукЪ тиранна, меня гнавшаго. АхЪ, Государыня! сказалЪ ПринцЪ, сколь мнѢ пріятно, что я могЪ быть вамЪ полезенЪ; я чувствую, что изЪ всѢхЪ дѢйствій моея жизни сіе есть самое лестнѢйшее. Но не потеряемЪ больше здѢсь времени, идите вЪ сіи палаты, вЪ которыхЪ вы находились плѢнницею, доказать, что вы родились царствовать.

ТотчасЪ онЪ подалЪ ей руку, которую она приняла, и вошли вЪ замокЪ, куда сЪ минуту послѢ принесли Принцу маленькой ящичекЪ, гдѢ находились Царскіе драгоцѢнные камни, найденные вЪ кабинетѢ его. Аридей взялЪ его, и подавая ПринцессѢ: вамЪ, Государыня! сказалЪ онЪ ей, принадлежитЪ онЪ; поелику ЖадулЪ имѢлЪ намѢреніе возложить корону на вашу главу. Вы насмѢхаетесь, отвѢчала Эвридикія; я бы ихЪ не приняла ни изЪ чьей другой руки, кромѢ вашей.

По томЪ Аридей, отдавши нужныя приказанія для безопасности мѢста, и по-

поставивши крѣпкой гарнизонъ, велѣлъ войти Принцессѣ въ маленькую коляску, въ которую она непремѣнно желала Клару посадить подлѣ себя. Принцъ съ Эвандромъ и Линономъ сопровождали ихъ верьхомъ, и проѣзжая такимъ образомъ, провожаемы были корпусомъ войскъ въ царство Кардуэльское; по нѣкоторыхъ дняхъ ѣзды они туда прибыли безъ всякаго злоключенія.

Тиръ, Царь Кардуэльской, узнавши о прибытіи побѣдоноснаго Принца, вышелъ изъ Загена къ нему навстрѣчу; онъ слѣзъ также съ лошади для принятія его. Аридей хотѣлъ повергнуться къ стопамъ его, но Тиръ его удержалъ, и обнимая сказалъ ему: я признаю брата Александра Великаго; предъ вами-то вся земля должна смириться; поелику побѣда не была бы мнѣ благопріятна, естьли бы вы не приняли попеченія о моей арміи. Милостивѣйшій Государь! отвѣчалъ Аридей, славу ея вы должны приписывать только храбрости вашихъ воиновъ, желавшихъ отмстить за своего Царя, котораго милости не престаютъ возвѣщать. Городъ и царство

Ко-

Коташиское находятся теперь подъ вашими законами; но я увѣренъ, что Ваше Величество получите больше удовольствія, когда узнаете, что ваши побѣдоносныя оружія избавили отъ рукъ свирѣпаго Жадула Принцессу Эвридикію, дочь Аминта, моего дяди, которую я вамъ представляю. Тиръ, тотчасъ ставши однимъ колѣномъ на землю, хотѣлъ поцѣловать руку Принцессину; но она изъ почтенія не дала ему ее, сказавъ ему: какъ, Милостивѣйшій Государь! я вамъ обязана моею свободою, и въ то самое время, когда нѣтъ благодарностей, которыхъ бы я вамъ не должна была воздать, дабы вамъ засвидѣтельствовать мою благодарность, вы хотите меня предупредить почестями, мнѣ ни мало не принадлежащими? Я не могу весьма живо изъяснить вамъ моей радости и моей чувствительности, отвѣчалъ Царь. Идите въ мои палаты съ Принцомъ, и располагайте всемъ тѣмъ, что его храбрость мнѣ сохранила.

Тогда взялъ Принцессу за руку, посадилъ ее въ карету, и желалъ, чтобъ Аридей сѣлъ подлѣ нее; по

томъ

томЪ сѣвши самЪ вЪ другую, вЪѣхали вЪ городЪ при звукѣ барабановЪ и трубЪ посреди двухЪ рядовЪ солдатЪ, поставленныхЪ вЪ порядокЪ на улицахЪ, по которымЪ надлежало имЪ ѣхать. Напереди каретЪ по обыкновенію страны ѣхалЪ ГерольдЪ на богатоубранной лошади, держа вЪ одной рукѣ шпагу обнаженную, а вЪ другой лавровый вѣнецЪ, и кричалЪ громко: народы! покланяйтесь побѣдителю Царскаго непріятеля. Его торжество безопаснымЪ дѣлаетЪ ваше щастіе; и когда онЪ ни произносилЪ сіи слова, весь народЪ повергался лицемЪ на землю. Они вошли такимЪ образомЪ вЪ Царской ДворецЪ; и когда день началЪ склоняться кЪ вечеру, то видна была иллюминація и радостные огни повсюду.

ВЪ ожиданіи ужина вЪ то время, когда Принцесса отдыхала, Царь, отошедши на сторону, освѣдомился чрезЪ Аридея о частностяхЪ осады и о приказаніяхЪ, имЪ данныхЪ прежде своего отъѣзда для его услуги и безопасности мѣста, чѣмЪ Царь былЪ весьма доволенЪ. ОнЪ хотѣлЪ по томЪ узнать,

узнать, какимъ образомъ онъ нашелъ Принцессу. Аридей разсказалъ ему о томъ подробно, такъ какъ и о приключеніяхъ Клары, что было причиною того, что Царь, любопытствуя узнать остатокъ исторіи, вошелъ въ залу, въ которой онъ оставилъ Принцессу съ Кларою, и видя у нихъ Эвандра съ Линономъ, обратившись къ Эвандру, сказалъ ему съ благосклоннымъ видомъ: я весьма сожалѣю, что не такъ васъ принялъ, какъ вы то заслуживаете; потому что я не узналъ достойнаго сына Леоната. Сколько вы мнѣ сдѣлаете удовольствія! и сколь много я приму участія во всемъ томъ, что до васъ касается, естьли какъ скоро ужинъ кончится, вы намъ разскажете, какъ вы столь благовременно были тогда въ Котатисѣ, чтобы вамъ возпротивиться похищенію прекрасной Клары! Мы всѣ будемъ кушать за однимъ столомъ; Линонъ, о котораго славныхъ дѣйствіяхъ и храбрости меня Принцъ увѣдомилъ, тутъ же будетъ съ нами. Герои всегда дѣлаютъ честь Царскому столу. Эвандръ и Линонъ хотѣли изъ почтенія къ

нему въ томъ извиниться; но когда Царь приказалъ имъ то непремѣнно, то они повиновались.

Ужинъ былъ великолѣпной, прiятной концертъ былъ слышимъ во время кушанiя. Какъ скоро они встали изъ за стола, то Царь, взявши за руку Принцессу, повелъ ее въ комнату покойной Царицы, умершей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оставивши Царю своему супругу Принца и Принцессу, которые были тогда отъ трехъ до четырехъ лѣтъ.

Клара, опершись на Эвандра, слѣдовала за своею великсю госпожею, потомъ Аридей съ своимъ любезнымъ Линономъ. Какъ только они пришли, то Царь, взявъ Аридея за руку, приказалъ Эвандру и Линону за собою слѣдовать; потому что надлежало оставить Принцессу успокоиться. Онъ ихъ привелъ въ садъ на земляной валъ, и обратившись къ Эвандру, сказалъ ему: вы обѣщались мнѣ удовольствовать мое любопытство о приключенiяхъ вашей жизни съ того времени, какъ вы оставили Дворъ Александровъ; вы

мнѣ

мнѣ сдѣлаете удовольствіе, не отлагая далѣе.

Милостивѣйшій Государь! отвѣчалъ Эвандръ, хотя они мало достойны вниманія Вашего Величества, однако я долженъ для моей славы вамъ повиноваться. Какъ скоро Александръ запретилъ мнѣ показываться предъ себя, не желая слушать моего оправданія, я отправился, будучи въ отчаяніи и въ крайней печали, ни съ кѣмъ не простившись, не увѣдомивши также Леоната, моего отца, опасаясь, хотя не виноватъ, чтобы, разгнѣванъ будучи противъ меня, не поступилъ со мною худо и меня не побранилъ; столь я его почиталъ ревнительнымъ къ чести и добронравію. Мое первое намѣреніе, въ томъ признаюсь къ стыду моему, было ѣхать въ Персію, и повергнуться къ стопамъ Дарія, которой одну еще только баталію проигралъ Александру; но когда я разсудилъ, что сдѣлался бы измѣнникомъ своему отечеству, и что не надлежало бы никогда входить въ Македонію: то моя досада изчезла, и разумъ заступилъ ея мѣсто; я обратился къ Каспійскому

морю, странствуя безъ всякаго точнаго намѣренія. Я вспомнилъ, что Жадулъ, Царь Котатискій, былъ родственникъ Царицы Олимпіи, такимъ образомъ я рѣшился къ нему итти съ представленіемъ моихъ услугъ; и я за благо разсудилъ, какъ я довольно имѣлъ денегъ и дорогихъ каменьевъ для содержанія себя чрезъ долгое время, ожидать благопріятнаго случая, дабы себя сдѣлать извѣстнымъ. Я жилъ у вдовы, которыя сынъ находился въ Царской гвардіи. Онъ говорилъ мнѣ, чтобъ и я просилъ о принятіи себя тудажъ: я на сіе согласился, и гдѣ находился почти около шести мѣсяцовъ. Нѣкогда, какъ Царь ѣздилъ на охоту для увеселенія Эвридикіи, которую я зналъ подъ именемъ только Селлы, я тамъ увидѣлъ прекрасную Клару; ея веселой взглядъ и порядокъ ея чертъ столь сильно меня поразили, что естьли бы не было явно запрещено приближаться къ ней безъ позволенія Царскаго, то бы я принялъ смѣлость ей дать знать ея побѣду; но разсуждая еще, что будучи въ такой должности, я весь-

ма

ма бы худо былъ принятъ отъ дворцовой госпожи: то хранилъ молчаніе, и довольствовался ей удивляться столько, сколько мнѣ возможно было, смотря на ее. По случаю лошадь, на которой она сидѣла, испугалась обезьяны, вскочившей ей на спину, и въ то самое время, какъ она хотѣла повергнуть ее на камни, то я, находясь по щастію на ея проходѣ, едва схватилъ ее за узду, и ее остановилъ; Клара по милости своей благодарила меня за то такими благодарными словами, что я довершилъ дѣло, отдавъ ей оружія. Охота кончилась, всѣ разъѣхались, и я возвратился къ своей вдовѣ столько печаленъ, что не могъ произнести ни одного слова. Я искалъ самыхъ удаленнѣйшихъ мѣстъ, дабы единственно заняться прекрасною Кларою, которой я узналъ имя, но съ которой говорить мнѣ было не возможно. Я сто разъ на дню былъ подъ Царскими окошками, дабы увидѣть, не покажется ли она; но я весьма рѣдко имѣлъ сіе щастіе; больше всего случалось мнѣ ее видѣть въ дни манежной игры, въ которые она со-

провождала Принцессу на ея балконъ, да еще онѣ весьма рѣдко дѣлали честь празднику своимъ присутствіемъ. Я узналъ къ умноженію моего злощастія, что Тріэлъ, Мундшенкъ Царской, влюбился въ нее, что Царь ему позволилъ взять ее за себя. Сія вѣсть, сдѣлавшаяся извѣстною во всемъ городѣ, меня привела въ отчаяніе; я преставалъ ласкаться быть когда либо щастливымъ, когда ваша армія пришла для осады нашего города. Не прилично мнѣ разсказывать вамъ подробно объ осадѣ, а особливо когда послѣ Принцъ Аридей лучше то исправить, нежели бы какъ я могъ. По сдѣланіи пролома я примѣчалъ со дня на день, что безпокойствіе Царево усугублялось, и я узналъ, что онъ долженъ дѣлать вылазку, между тѣмъ, какъ его армія, которая была собрана, должна сражаться съ вашею. Я не былъ въ деташементѣ; поелику былъ призванъ для охраненія Царскихъ палатъ. Я видѣлъ Царя, возвращающагося въ страхѣ и внѣ самаго себя; и поелику я почиталъ его Государемъ жестокимъ и ревнивымъ: то опасался ху-

худаго для Принцессы и ея женщинъ, такъ что я извѣдывалъ со всѣхъ сторонъ, нѣтъ ли чего нибудь новаго. Одинъ изъ дворцовыхъ солдатъ, которые охраняютъ первыя двери палатъ, поутру спросилъ меня тихонько, согласенъ ли я сдѣлать свое щастіе? И какъ я ему показался на то склоннымъ, потому что я ему ничего не отвѣчалъ: то онъ сказалъ мнѣ, что Тріэлъ предъ захожденіемъ солнца съ позволенія Царскаго долженъ похитить одну изъ женщинъ Селлиныхъ, и вывезть ее за городъ чрезъ каменныя вороты, которыя одни только ваша армія не могла осадить. Какъ я не сомнѣвался, чтобы это не была Клара, узнавши отъ общаго слуха: то ему и обѣщался быть согласнымъ; онъ тотчасъ написалъ мое имя на лоскуточкѣ бумаги, находившемся въ кармане его, и назначилъ мнѣ мѣсто у дверей палатъ въ пять часовъ послѣ полудня. Я ему обѣщался тамъ быть, и ему сказалъ, что между тѣмъ я пойду приказать то, что касается до моихъ дѣлъ, и захвачу деньги, у меня находящіяся, чѣмъ онъ былъ

весьма доволенъ; но я совсѣмъ не намѣренъ былъ устоять въ своемъ словѣ. Напротивъ того смотрѣвши бодрымъ окомъ весь день, когда увидѣлъ сего солдата съ нѣкоторыми другими при двери палатъ, и что всякой изъ нихъ имѣлъ лошадь: то рѣшился ожидать ихъ на дорогѣ у каменныхъ воротъ, гдѣ еще не прошло часа, какъ увидѣлъ всю толпу, предводительствуемую Тріэломъ, послѣдуемымъ пятью человѣками, изъ которыхъ одинъ держалъ въ своихъ рукахъ Клару, противящуюся и просящую безполезно помощи. Я взялъ съ собою одного только слугу малаго храбраго, на котораго я много надѣялся, и которой всегда вѣрно за мною слѣдовалъ по выѣздѣ моемъ изъ Македоніи. Я, приближившись къ нимъ, и схвативши за узду лошади Тріэловой, его остановилъ, такъ что онъ меня не узналъ; потому что я сбросилъ шапку Царской гвардіи, и надѣлъ на себя другое платье; но взявши шпагу, только что мы хотѣли начать сраженіе, весьма неравное для меня, на которомъ безъ сомнѣнія я былъ бы побѣжденъ, какъ Аридей появил-

явился на моей сторонѣ, что причинило столько страха Тріалу и его свитѣ, что они оставили Клару, и ушли въ городъ въ тѣ же вороты, которыми вышли. Я знаю прочее, сказалъ Царь; вся ваша жизнь едва можетъ быть довольна къ оказанію благодарности, ему должной; но уже теперь весьма поздно, пождемъ завтрашняго дня для оказанія ему съ моей стороны нѣкоторой благодарности.

Царь вошелъ въ свои палаты, куда приказалъ своимъ Офицерамъ привести Принца, Эвандра и Линона въ великолѣпныя комнаты для препровожденія въ нихъ ночи.

Поутру, какъ скоро они узнали, что Царь всталъ, вошли въ покой его, и весьма были изумлены, видя пришедшихъ туда Принцессу и Клару. Разговоръ былъ весьма дружеской и весьма остроумной; Царь, какъ можно было ему лучше, говорилъ съ веселымъ нравомъ, ожидая исполненія приказаній, имъ данныхъ.

Когда все было готово, то давши одну руку Аридею, а другую Принцессѣ, повелъ ихъ въ залу къ Царскому

пре-

престолу, гдѣ онъ имъ приказалъ непремѣнно сѣсть одному подлѣ другаго, чему они не прежде повиновались, какъ извинившись столько, сколько имъ возможно было.

Тотчасъ начальникъ правосудія и знаменитѣйшіе Офицеры государства, предшествуемы военными Герольдами, въ церемоніальномъ платьѣ при звукѣ барабановъ, трубъ и другихъ инструментовъ, пришли къ нимъ, и поверглись къ стопамъ ихъ, что самое учинила послѣ младая дѣвица, одѣтая такъ, какъ описываютъ богиню побѣды, имѣющую на раменахъ двенатцать невольниковъ съ малымъ Амуромъ у ея ногъ, которая, проговоривши имъ свое привѣтствіе въ краткихъ словахъ, поднесла Принцу шпагу, украшенную алмазами. Тотчасъ Амуръ приближился, и открылъ маленькой ящичекъ, положивши его на колѣни Принцессы, въ которомъ находились плюмажъ и браслетъ изъ прекраснѣйшихъ восточныхъ камней.

Аридей и Эвридикія не могли еще найти случая къ засвидѣтельствованію Царю своея благодарности, какъ во-

вошелъ куріеръ отъ Мена, которому Аридей препоручилъ правленіе Котатиса прежде своего отъѣзда, и подалъ Царю его письмо, которой отдалъ его Аридею, говоря ему: отъ васъ, Государь! я хочу узнать первую вѣсть о вашемъ завоеваніи. Аридей разпечаталъ письмо, и читалъ:

Милостивѣйшій Государь!

Ваши побѣдоносныя оружія не имѣютъ больше никакой опасности, Царя Жадула уже не стало; онъ утопился, желая перейти чрезъ рѣку, дабы избавиться отъ одного изъ вашихъ Офицеровъ, которой узнавши его, гнался за нимъ съ четырьмя всадниками. Но напрасно вы содержите гарнизонъ въ семъ мѣстѣ, сердце народа совершенно вамъ посвящено; видны только одни празднества и радостные огни, слышно только ваше имя, и имя Принца Аридея; они столь показали отвращенія къ памяти свирѣпостей Жадуловыхъ, что нашедши въ числѣ мертвыхъ тѣло Тріэла, его Мундшенка и его любимца, тащили его по улицамъ, и бросили въ рѣку, дабы лишить его почестей погребенія. Не извѣстно,

что

что сдѣлалось со всѣми женщинами дворцовыми. Принцъ Аридей запретилъ дѣлать надъ ними всякое ругательство подъ штрафомъ казни; попались нѣкоторые изъ нихъ навстрѣчу на дорогахъ, иныя сопровождаемыя, а другія однѣ, которыя по видимому слѣдовали добровольно и съ удовольствіемъ за тѣми, которыя ихъ вели. Вашего Величества вѣрноподданной Мена.

Аридей, взявши за руку Эвридикію, сошелъ по томъ съ престола; Принцесса, обратившись къ Царю, сказала: Вашему только Величеству позволено возводить на чести и благодѣтельствовать вамъ одолженнымъ; излишество вашей щедроты меня приводитъ не въ состояніе засвидѣтельствовать должную благодарность; я возлагаю на Принца, моего двоюроднаго брата, трудъ то исправить предъ толь Великимъ Монархомъ.

Аридей тотчасъ сказалъ: Милостивѣйшій Государь! естьли бы было возможно вамъ доказать искренность нашихъ сердецъ, то я точно увѣренъ, что вы были бы совершенно удовлетво-

творены нашею жертвою; но вы дѣлаете благо по щедрости и величеству души, вамъ столь свойственной, такъ что удовольствіе, изъ того чувствуемое, дѣлаетъ сердце ваше довольнымъ.

Я бы находился на верьху моей радости, сказалъ Царь, естьли бы могъ васъ сдѣлать щастливыми, какъ вы то оба заслуживаете; изберите въ областяхъ моихъ, ежели есть что нибудь такое, что бы достойно было васъ, я изъ того ничего не выключаю. Принцъ его благодарилъ словами покорнѣйшими и почтительнѣйшими, показывая ему, что по его мнѣнію должность его призывала въ области Александровы, гдѣ бы онъ жилъ скрывшись до того времени, пока слава возвѣститъ имъ учиненное въ Котатисѣ; и онъ не сомнѣвается, что Царь, его братъ, услышавъ объ этомъ, почтетъ его достойнымъ исправленія какой нибудь должности въ своей арміи, что Тиръ не могъ не похвалить, не смотря на печаль, имъ предвидѣнную отъ его отъѣзда.

Во время еще пребыванія Аридея и Эвридикіи въ Загенѣ Линонѣ, прохажи-

ваясь ввечеру при свѣтѣ луны на валу города къ рощѣ, гдѣ видна была пріятная зеленость, украшенная быстротекущимъ и глубокимъ источникомъ, примѣтилъ двухъ женъ, одну младую, а другую нѣсколько постарше, вышедшихъ изъ сада, котораго дверь была еще отворена, и охраняема только двумя старыми невольницами. Не сомнѣваясь, чтобы сіи женщины не были отмѣннаго чина, онъ посторонился, дабы имъ дать свободу прогуливаться, какъ онъ услышалъ ихъ крикъ, и увидѣлъ льва, которой схватилъ младшую, и держа ее въ своихъ зубахъ, спѣшилъ ее унесть. Линонъ взялъ саблю въ руку, и побѣжалъ ему навстрѣчу; и по щастію, находясь на его проходѣ (предъ малымъ мостомъ, сдѣланнымъ на источникѣ съ двумя древами, лежащими одно подлѣ конца другаго, дабы способнѣе можно было переходить на лугъ), первымъ ударомъ отсѣкъ ему переднюю лапу. Левъ, чувствуя себя раненнымъ, тотчасъ оставляетъ свою добычу и бросается на своего наступателя; но Линонъ, котораго рука была удивительной силы, такія пред-

при-

принялъ въ разсужденіи его мѣры, что другимъ ударомъ отсѣкъ ему голову, и повергъ мертва къ своимъ стопамъ.

Тотчасъ онъ пошелъ для поднятія младой дѣвицы, которую нашелъ лежащую въ обморокѣ, и думалъ, что она мертва; но ея подруга, которая была ея тетка, и двѣ старыя невольницы, ободрены будучи смертію льва, приближившись, привели ее въ чувство; и нѣсколько послѣ, какъ она очувствовалась, двѣ невольницы взяли на руки, и ушли съ поспѣшностію въ садъ. Линонъ хотѣлъ было удалиться, но младая дѣвица просила его за ними слѣдовать, говоря ему: идите, государь! я васъ о томъ прошу, дайте знать моему отцу о способѣ, которымъ вы великодушно подвергли въ опасность свою жизнь, дабы спасти мою. Онъ за ними слѣдовалъ. Входя, встрѣтилъ великое число слугъ, вооруженныхъ копіями и косами, которые, услышавши крикъ, шли на помощь, и нѣсколько подалѣе онъ нашелъ Тамандра, господина дому, человѣка весьма стараго и дряхлаго, которой также шелъ, опершись на невольника, на вѣсть, ему ска-

 зан-

занную, что по видимому приключилось какое нибудь нещастіе его сестрѢ ЛеонеѢ, или его дочери Ливіи; поелику слышали ужасной крикЪ у дверей сада находящихся на валЪ. СтарикЪ, будучи испуганЪ, кЪ нимЪ подходя, вскричалЪ: что такое сдѢлалось? АхЪ, мой любезный родитель! отвѢчала Ливія, чѢмЪ я не обязана великодушному воину, за нами слѢдующему? безЪ него я бы была сожрана львомЪ, меня схватившимЪ...

ЛинонЪ приближился кЪ нему, говоря, сколь онЪ былЪ радЪ, что нашелЪ случай ей сдѢлать услугу; и сколь для него было бы лучше награжденія за трудЪ, имЪ подЪятой, естьли бы прекрасная Ливія не была ранена. Ежели я и ранена, отвѢчала она, то весьма мало, я чувствую весьма легкую боль вЪ боку; но я думаю, что это ничто. Что касается до Тимандра, онЪ столь былЪ испуганЪ, что не могЪ говорить, и взиралЪ только то на того, то на другую.

Они вошли вЪ домЪ, гдѢ ЛинонЪ остался на нѢкоторое время вЪ залѢ между тѢмЪ, какЪ раздѢвали Ливію, которую нашли только оцарапанною острі-

остріемъ львиныхъ зубовъ, прошедшихъ сквозь ея одѣянія до ея кожи. Послѣ какъ ея раны, которыя были весьма легки, были омыты виномъ и масломъ: то велѣли Линону войти въ кабинетъ, въ которомъ Ливія была положена на софѣ. Тимандръ прибѣгъ къ нему съ распростертыми объятіями, и не преставалъ его обнимать, и предлагать ему все то, что отъ него зависѣло, въ знакъ своея благодарности. Мало бы было, повторялъ онъ ему многократно, вамъ дать половину моего имѣнія въ уплату за то, что вы мнѣ сдѣлали, какъ безъ васъ бы я лишился моей любезной дочери, драгоцѣннѣйшей вещи и единственнаго утѣшенія моей старости. Но, государь! скажите пожалуйте мнѣ, кому я симъ обязанъ? поелику я не имѣю чести васъ знать; вы мнѣ кажетесь быть чужестранцемъ, котораго мнѣ боги послали.

Я отъ Двора Принца Аридея, отвѣчалъ Линонъ; я всегда за нимъ слѣдовалъ по выходѣ его изъ Македоніи, которая есть наше отечество. Поелику вы Македонянинъ, сказалъ Тимандръ, то безъ сомнѣнія вы знаете

городъ Кассандрію, откуда я выѣхалъ; она была мѣстомъ моего рожденія. Я весьма радъ, что мы оба изъ одной Македонской страны; видѣли ли вы и слышали ли что нибудь о старомъ Термогонѣ? Онъ мнѣ оказалъ такую услугу, которую я никогда не позабуду. Я былъ его союзникъ; я остался въ младости сиротою безъ имѣнія и безъ покровительства; онъ принялъ на себя трудъ воспитать меня; и какъ увидѣлъ, что я въ такихъ лѣтахъ, въ которыя могу путешествовать, отдалъ меня въ науки и упражненія, такъ какъ бы я былъ его сынъ. Наконецъ на осмьнатцатомъ году моего возраста, давши мнѣ наставленія, по мнѣнію его нужныя младому человѣку, онъ мнѣ далъ денегъ, и послалъ меня въ иностранные Дворы для моего усовершенствованія и узнанія различныхъ нравовъ отдаленныхъ народовъ. Я видѣлъ Аѳины, Лакедемонъ, Багдадъ, Вавилонъ, и обратился потомъ къ Каспійскому морю съ старымъ слугою, весьма разумнымъ человѣкомъ, котораго любезный покровитель мой ко мнѣ приставилъ.

Я,

Я, проходивши изъ провинціи въ провинцію, узналъ, что Термогонъ скончалъ свои дни; я подумалъ, что безполезно бы было мнѣ возвратиться въ Кассандрію. Мое щастіе, или, лучше сказать, боги меня препроводили сюда, гдѣ я сталъ жить съ богатою вдовою, которую за себя взялъ, что привело меня въ состояніе сдѣлаться извѣстнымъ, и получить высокой Оберъ-Интендантской чинъ.

Удивительно бы было, сказалъ Линонъ, естьли бы я не зналъ имя Термогона; потому что онъ былъ мой дѣдушка съ стороны моея матери Фульгенціи, бывшей его дочери. Вы сынъ Фульгенціи и внукъ Термогоновъ? вскричалъ Тимандръ въ радостномъ восторгѣ; сколь я щастливъ, что нашелъ его въ васъ! сдѣлайте милость, подайте мнѣ случай оказать себя не неблагодарнымъ къ благодѣяніямъ дѣда и внука.

Но уже поздно, сказалъ Линонъ; позвольте мнѣ возвратиться къ моей должности, и итти къ Принцу Аридею, которой безъ сомнѣнія былъ бы безпокоенъ, естьли бы я далѣе замедлилъ.

Линонъ пришелъ къ Аридею и Эвридикіи, бывшимъ вмѣстѣ, и разсказалъ имъ свое приключеніе. Аридей ему сказалъ, что уже Царь о томъ знаетъ подробно; но что не знаетъ подробно, кто бы такой былъ тотъ; поелику ему сказали, что онъ былъ незнакомой.

На другой день поутру Царь собралъ совѣтъ о сборахъ въ своемъ кабинетѣ по обыкновенному, гдѣ онъ узналъ отъ Тимандра еще обстоятельнѣе о томъ, что происходило, и о имени избавителя *Ливіи*. Царь обрадовавшись, что это былъ Линонъ, любимецъ Аридеевъ, послалъ его сыскать, и велѣлъ просить Принца Аридея, чтобъ онъ пришелъ съ нимъ въ кабинетъ его, гдѣ находился еще старый Тимандръ. Какъ только онъ вошелъ, то Царь, подая ему руку, сказалъ ему: я уже узналъ отъ Принца Аридея, какая была ваша честность и ваша храбрость. Тимандръ надзиратель моихъ сборовъ, мною весьма почитаемый, требовалъ у меня позволенія васъ наградить, такъ какъ вы того заслуживаете; и я знаю, что онъ имѣетъ при-

причину думать, что все его богатство къ тому не было бы довольно, вы ему спасли безконечно драгоцѣннѣйшую вещь; сія самая вещь можетъ вамъ заплатить за то. Линонъ смутившись и изумившись, потупилъ очи, и не зналъ, что отвѣчать; но Аридей сказалъ ему: Государь мой! сколько бы мнѣ ни прискорбно было съ нимъ разставаться, однако, какъ я всегда желаю ему добра, то не возбраню ему повиноваться вашимъ приказаніямъ и пользоваться вашими милостями; я согласенъ на то, что вы ему предлагаете, будучи увѣренъ чрезъ описаніе, мнѣ отъ него сдѣланное, о прелестяхъ и красотѣ Ливіи, которыми его сердце живо тронуто. Ежели бы я не намѣренъ былъ сдѣлать его щастливымъ, сказалъ Тимандръ, то бы я не принялъ смѣлости просить Его Величество о томъ ему предложить; но мнѣ казалось вчера ввечеру, что онъ смотрѣлъ на нее съ прилѣжаніемъ, съ удовольствіемъ, и не оставилъ ее безъ печали; сама Ливія то примѣтила съ радостію, хотя она не смѣла мнѣ въ томъ признаться.

Безполезно ожидать долгое время, сказалъ Царь; велите моимъ именемъ Ливіи притти сюда, я постараюсь поспѣшить симъ бракомъ, на что Линонъ ничѣмъ другимъ не могъ отвѣчать, какъ только низкимъ и почтительнымъ наклоненіемъ всего своего тѣла.

Нѣсколько спустя времени, пришла Ливія, будучи убрана всемъ тѣмъ, что имѣла драгоцѣннѣйшаго; она вошедши, удивилась, видя Линона одѣта штофною епанчею, унизанною жемчугомъ, которую Царь приказалъ принести изъ гардероба; она повергласъ къ стопамъ Царя, которой ее поднялъ и сказалъ ей: Ливія! возпротивищься ли ты благодарности, которую Тимандръ хочетъ засвидѣтельствовать великодушному Линону? ты его награда; по обыкновенію добрыхъ родителей онъ не хочетъ употреблять свою власть, а оставляетъ тебѣ свободу рѣшить его судьбу. Ливія при семъ разговорѣ столь казалась изумленною, что потупивши глаза, отвѣчала столь низкимъ голосомъ, что не возможно было слыщать, кромѣ

по-

послѣднихъ словъ, которыя были... Весьма бы я была неправа, естьли бы возпротивилась приказаніямъ моего Царя и желаніямъ моего родителя. Линонъ въ сію минуту благодарилъ Царя и Принца Аридея покорнѣйшими словами, и просилъ позволенія у Его Величества засвидѣтельствовать свое почтеніе и свои удовольствія Тимандру и Ливіи, что онъ учинилъ въ весьма кратких словахъ.

Онъ еще не кончилъ, какъ Эвридикія, Эвандръ и Клара пришли, будучи увѣдомлены о томъ, что произходило. Царь взялъ Ливію за руку, и сопровождаемъ будучи всею своею свитою, привелъ ее въ храмъ Реи, которой особливо покланялись въ Загенѣ, гдѣ она сочеталась бракомъ съ Линономъ.

Сей великій день и многіе слѣдующіе были торжествованы пирществами, конными рысталіями и другими увеселеніями, которыя Царь могъ найти для украшенія брака дочери своего любимца съ любимцемъ Принца Аридея, которой съ своей стороны поднесъ

 ве-

великолѣпные подарки, такъ какъ и Принцесса Эвридикія.

Аридей и Принцесса остались еще на нѣсколько времени у Царя Тира, которой не преставалъ ни въ одинъ день воздавать имъ почести; но наконецъ видя, что они непремѣнно рѣшились ѣхать: то, одаривъ ихъ богато, далъ имъ провожатыхъ даже до границъ ихъ областей.

Прощаніе было самое нѣжнѣйшее; по улицѣ встрѣчались непрестанно знаки Царскаго великолѣпія. Наконецъ пріѣхавши къ пограничнымъ мѣстамъ государства Кардуэльскаго, поцѣловавши своего любезнаго Линона, его сопровождавшаго, и одаривши Офицеровъ и провожатыхъ всадниковъ, всякаго по своему чину, поѣхалъ по дорогѣ къ Романіи, къ странѣ Архипелага, и прибылъ въ городъ Калибу, которой Александръ приказалъ великолѣпно выстроить въ честь своея лошади Буцефала, котораго замокъ обнесенъ будучи осьмью башнями, удивляетъ чужестранцовъ правильностію своихъ зданій. Главнокомандующій города постарался воздать имъ почести, прилич-

личныя брату и двоюродной сестрѣ его Царя.

Эвридикія въ крайней находилась нетерпѣливости туда пріѣхать, думая тамъ найти Аминта своего отца. Аридей равнымъ образомъ довольствовался тѣмъ, что везетъ ему его дочь; но они узнали, въѣзжая въ городъ, что нѣсколько меньше мѣсяца, какъ онъ скончался послѣ весьма долговременнаго паралича.

Эвридикія столь великую почувствовала отъ того печаль, что занемогла, и была бы въ крайней опасности жизни безъ попеченій своея любезныя Клары и Принца Аридея; они ничего не забыли учинить для возвращенія ея здравія, которое однакожъ не прежде, какъ по прошествіи больше нежели двухъ мѣсяцовъ возстановилось.

Какъ скоро стало ей получше, то Аридей приказалъ сдѣлать великолѣпныя похороны Аминту, и воздвигнуть знаменитый монументъ; по томъ когда время нѣсколько разогнало печали Принцессины, то Аридей далъ ей знать, что, лишившись своего отца, лучше бы ей было слѣдовать за нимъ, бу-

будучи его супругою, нежели просто его двоюродною сестрою, тѣмъ паче, что Олимпія, ея непріятельница, была бы весьма рада, нашедши случай потемнить ея славу худыми разговорами, чрезъ что Принцесса рѣшилась соединить свою судьбу съ судьбою Принца Аридея. Она получила руку его на гробницѣ Аминта своего отца въ присутствіи Клары и Эвандра; но безъ всякой пышности, не думая, чтобы было благопристойное дѣло торжествовать и представлять радостное зрѣлище такъ скоро послѣ смерти ея отца, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ скончался.

Но едва они пробыли нѣкоторое время въ Калибѣ, какъ услышали, что Александръ умеръ, будучи отравленъ ядомъ въ Бавилонѣ. Въ семъ убивствѣ подозрѣвали многихъ различныхъ особъ; между прочими Олимпію его мать и Антипатра, первую по мщенію, а послѣдняго по гордости.

Какъ скоро они услышали сію вѣсть, то не почли за нужное еще остаться долѣе. Аридей и Принцесса его супруга съ свитою своею отправились съ по-

поспѣшностію, и пріѣхали въ Вавилонъ, гдѣ застали безконечныя смятенія между Намѣстниками Александра, дабы узнать, кто бы такой былъ избранъ его преемникомъ; тамъ находилась столь великая толпа народа, что для ея отдаленія принуждены были приказать запереть двери палатъ; одни были привлечены туда любопытствомъ, другіе любовію къ своему Царю: плачь и крикъ раздавались повсюду. Персы, остригши свои власы, запустили свои бороды, казались также отчаянны, какъ и Македоняне. Всѣ стенали, получивъ также вѣсть, что Царица Сизигамбисъ, Даріева мать, слѣдовавшая за побѣдителемъ съ того времени, какъ она была взята на сраженіи при Иссѣ, будучи тронута тѣмъ, что поступалъ онъ съ нею не такъ, какъ съ плѣнницею, но какъ съ Царицею, не восхотѣла принять никакой пищи съ той самой минуты, какъ узнала о смерти, и лишилась жизни отъ глада и отчаянія при концѣ пятаго дня.

Аридей и Эвридикія освѣдомлялись точно о всемъ томъ, что происходило; однако не показывали, что они берутъ

въ

въ томъ участіе, и будто бы также безъ всякаго намѣренія.

Между тѣмъ Эвандръ, едва пріѣхалъ, какъ желая видѣть Леоната своего отца, побѣжалъ его искать, и освѣдомляяся, въ какомъ бы мѣстѣ онъ могъ его найти. Была уже почти ночь, какъ проходя вдоль по лагерю, онъ узналъ его по его голосу, сидящаго между многими Офицерами подъ однимъ деревомъ для отдохновенія отъ усталости, которую они получили во время дня при смотрѣ, сдѣланномъ знатному корпусу пѣхоты.

Тогда не говоря ему ничего, прежде повергся къ стопамъ его, и обнялъ его колѣни. Леонатъ, узнавшій его, объятъ былъ столь нечаянною радостію, что могъ только дрожа ему сказать: мой любезный сынъ! какой милостивый богъ тебя возвратилъ моей любви по потеряніи тебя отъ несправедливаго подозрѣнія? Принцу Аридею, отвѣчалъ Эвандръ, я долженъ жизнію и щастіемъ, которымъ я теперь владѣю; онъ также благоволилъ сказать, что я былъ сознанъ невиннымъ отъ самаго Александра. Пойдемъ его благодарить, сказалъ Леонатъ;

натѣ; ты мнѣ на дорогѣ разскажешь все то, что съ тобою случилось, и вскорѣ они пошли въ городъ.

Какъ переходъ былъ довольно долгой, то Эвандръ имѣлъ время разсказать подробно свои приключенія, не упущая даже никакого обстоятельства своей любви къ Кларѣ, къ чему онъ присоединилъ осаду Котатиса. Леонатѣ по благоразумію ничего не восхотѣлъ отвѣчать, дабы имѣть время освѣдомиться прежде, кто такая была Клара, въ которую онъ ему казался столь быть влюбленнымъ, и имѣть по томъ свободу послѣ на то дать свое согласіе, или тому возпротивиться, естьли бы то за благо разсудилъ.

Какъ скоро Аридей увидѣлъ ихъ входящихъ въ свой покой, въ которомъ онъ находился съ Эвридикіею, своею супругою, и Кларою, то всталъ, и подходя съ разпростертыми объятіями къ Леонату: любезный соотечественникъ мой! воскликнулъ онъ; сколь я радъ, что нашелъ въ моей жизни случай сдѣлать вамъ удовольствіе! Такіе герои, какъ вы, Государь! отвѣчалъ Леонатѣ, всегда оказываютъ знаме-

менитыя милости; наконецъ наша благодарность и нашъ долгъ будутъ совершенно соединены къ вашимъ услугамъ.

Вѣсть о возвращеніи Эвандра и благодарности его отца съ толикою разнеслась скоростію, что тотчасъ увидѣли всѣхъ входящихъ вельможъ государства, которыя различными выраженіями поздравляли Леоната съ щастіемъ, что нашелъ сына, и показывали Эвандру печаль, ими чувствуемую отъ потерянія его чрезъ ложное обвиненіе, которому они, всѣ увѣряли его, *что никогда не могли повѣрить.*

Собраніе было многочисленно. Клара въ сіе время ушедши въ уголъ горницы, сѣла прямо паникадила, освѣщаемаго четырьмя свѣчами; ея прекрасной станъ, бѣлизна ея лица и острота ея глазъ, такое напечатлѣніе произвели въ сердцѣ Іолая, сына Антипатрова, сопровождавшаго своего отца, что приближившись къ ней, съ почтительнымъ видомъ сказалъ ей: я не знаю, государыня! не всѣ ли красавицы Вавилона пожелаютъ зла Принцессѣ Эвридикіи за то, что она привезла васъ сюда, дабы торжествоватъ

надъ

надъ всѣми ихъ любовниками. Государь мой! сказала она съ изумленнымъ видомъ (поелику она въ сію минуту примѣтила, что Эвандръ на нее смотрѣлъ), слухъ мнѣ всегда давалъ знать, что храбрость была участью Офицеровъ арміи Александровой; но признаюсь, что я не знала ихъ волокитства, и почитала ихъ больше простосердечными. Наконецъ, не ожидая Іолаева отвѣта, ушла, и сѣла за креслами Эвридикіи.

Іолай, имѣя къ ней довольно почтенія, былъ весьма изумленъ столь скорымъ уходомъ, и не теряя ее изъ вида, извѣдывалъ такъ всѣ ея дѣйствія, что его ревность заставила его примѣтить, что во взорахъ ея и Эвандровыхъ находилось совершенное сходство; тотчасъ ярость овладѣла разумомъ его и сердцемъ. Онъ почиталъ Эвандра за щастливаго въ любви соперника, и вышелъ вонъ для ожиданія его въ намѣреніи побиться съ нимъ, рѣшившись не уступать ему Клару, какъ развѣ съ лишеніемъ своея жизни.

По томъ, какъ вся компанія разошлась, то боги попустили, что Анти-

патръ, которой всегда имѣлъ много почтенія и любви къ Эвандру съ самой его нѣжнѣйшей младости, взялъ его за руку и просилъ отужинать у себя.

Іолай, будучи въ отчаяніи, видя своего соперника съ своимъ отцемъ, не почелъ за должное откладывать далѣе свое намѣреніе, и что онъ ничего не можетъ сдѣлать лучше для исполненія, какъ подойти къ нимъ, воображая, что онъ найдетъ благопріятной случай, не будучи примѣченъ отъ своего отца. Онъ приближился къ уху Эвандрову, и ему сказалъ весьма тихо, что онъ имѣетъ нѣчто ему сообщить, естьли онъ пожелаетъ итти на валъ. Онъ столько испугался, что звукъ его голоса ему измѣнилъ, такъ что Антипатръ, услышавши то, сомнѣваясь, что тутъ есть нѣчто непонятное, велѣлъ ему за ними слѣдовать; и какъ скоро они вошли, въ домъ, то Антипатръ, видя его внѣ себя: какое побужденіе ярости можетъ тебя оживотворять? сказалъ ему; что тебѣ сдѣлалъ Эвандръ, что ты на него смотришь съ толикимъ гнѣ-

гнѣвомъ? Я хочу узнать это, иначе я на тебя осержусь; Леонатъ, его отецъ, и я отдадимъ тебѣ правосудіе, естьли то заслуживаетъ его. Эвандръ, будучи удивленъ, и какъ бы недвижимъ, отвѣчалъ: государь! я не могу причинить досады Іолаю, потому что по моемъ возвращеніи я его только и видѣлъ въ залѣ Принца, гдѣ ни о чемъ съ нимъ не говорилъ. Іолай, знавшій столь непремѣнную волю своего отца, что надлежало ему сказать какую нибудь причину, тотчасъ сказалъ: вы меня обругали; я говорилъ съ Кларою въ залѣ Принца, какъ одинъ вашъ взоръ, мною примѣченной, принудилъ ее оставить меня грубо; таковое безчестіе не должно быть снесено безъ наказанія отъ такого человѣка, каковъ есмь я. Довольно сего, сказалъ Антипатръ; я понимаю яснѣе, нежели какъ ты думаешь; ты влюбился въ Клару, ты почитаешь Эвандра своимъ соперникомъ; вотъ причина твоего бѣшенства. Но выслушай меня, мы теперь въ той самой минутѣ, которая рѣшитъ, кому изъ насъ достанется государство вселенныя. Вы о

ней можете нѣкогда спорить, такѣ какѣ и всякой другой; поелику ты мой сынѣ. Леонатѣ, Эвандровѣ отецѣ, есть мой другѣ; онѣ обьявилѣ, что не ищетѣ высокой чести. Послѣ сего весьма не прилично тебѣ, какѣ ты великій политикѣ, вѣ то самое время, когда надлежало бы позабыть всѣ прежнія самыя досаднѣйшія ссоры для снисканія благосклонности и почтенія отѣ всѣхѣ людей, желать безѣ причины поссориться сѣ Эвандромѣ. Ежели Клара его любитѣ, *то какое ты* имѣешь право вѣ *томѣ* имѣ препятствовать и ихѣ возмущать? Ежели ты достоинѣ быть моимѣ сыномѣ, то пожди, какѣ звукѣ оружій престанетѣ, и не давай себѣ времени предаваться любви. Вѣ то время чрезѣ твои старанія и твои услуги постараешься больше заслужить твоихѣ соперниковѣ. Вотѣ совѣты, которые долженѣ я тебѣ дать, какѣ доброй отецѣ; но какѣ твой господинѣ я тебѣ запрещаю подѣ наказаніемѣ жизни имѣть ссору сѣ Эвандромѣ и его ругать, я тебѣ приказываю жить сѣ нимѣ согласно; онѣ весьма охотно позабудетѣ все то, что

про-

произходило. Выслушалъ ли ты меня? перестань упрямиться.

Эвандръ, не прерывавшій сего разговора, отвѣчалъ, что онъ былъ бы въ отчаяніи, побранившись съ Іолаемъ, и что онъ во всю свою жизнь будетъ дѣлать все то, что только можно, дабы сдѣлаться достойнымъ его дружбы. Іолай, примѣчая изъ очей Антипатровыхъ желаніе, чтобъ онъ повиновался, обнялъ Эвандра, которой съ своей стороны то же учинилъ съ искренностію, и сожалѣлъ объ немъ сердечно; но Іолай, будучи объятъ досадою, холоднокровнѣе въ семъ поступилъ, въ намѣреніи сыскать когда нибудь благопріятнѣйшій случай отмстить и погубить своего сопротивника.

Послѣ ужина, за которымъ говорили о важныхъ вещахъ, Антипатръ ввелъ Эвандра въ свой кабинетъ, гдѣ онъ былъ весьма радъ, узнавши всѣ Аридеевы приключенія и его; по томъ они разстались до другаго дня, какъ узнали о прибытіи Олимпіи, матери Александровой и дочери Неоптолема, Царя Молосскаго, возвратившуюся изъ

 Эпи-

Эпира, гдѣ Александръ ея братъ царствовалъ, и куда Царь, ея сынъ, послалъ ее два почти года тому назадъ, будучи обиженъ насмѣшкою, которую она однажды ему сдѣлала въ разсужденіи того, что какъ онъ желалъ почитаться сыномъ Юпитеровымъ, она, насмѣхаясь ему, сказала: по крайней мѣрѣ не поссорьте меня съ Юноною, которую я не знаю; поелику я страшусь ея ревности, на что онъ столь осердился, что велѣлъ сказать ей чрезъ Антипатра, чтобъ она *отправилась* въ Эпиръ къ своему брату, подъ тѣмъ предлогомъ, что не смотря на любовь, имъ всегда чувствуемую къ своей матери, хотя онъ ей простилъ совершенно въ своемъ сердцѣ; однако узнавши, что многіе Полководцы его арміи съ негодованіемъ на нее врирали, и даже осмѣливались ее обвинять въ смерти Царя Филиппа, его отца, для сохраненія къ себѣ любви Офицеровъ и солдатъ въ Персидской войнѣ онъ не могъ раздумать ее удалять, дабы отнять до малѣйшаго случая къ роптанію, но что наступитъ щастливѣйшее время, въ которое онъ, открывщи

крывши истинну въ ея пользу, воздвигнетъ ей изваянія для заглажденія безчестія, которое ей причинили симъ неправеднымъ обвиненіемъ. Какъ скоро Олимпія пріѣхала, то приняла предосторожности съ Полиспервхономъ, однимъ изъ Намѣстниковъ Александровыхъ, одолженнымъ ей своимъ возведеніемъ на честь. Онъ былъ вопервыхъ простымъ солдатомъ, о которомъ она постаралась, и на котораго она возлагала свою довѣренность. Сей Полиспервхонъ изъ благодарности, какъ скоро Александръ умеръ, не преминулъ ее увѣдомить, и до ея возвращенія освѣдомлялся точно о всемъ, дабы увѣдомлять ее о томъ; онъ постарался также послать къ ней войска, покорныя его правленію, какъ скоро она ему дала знать о своемъ отъѣздѣ, и что въ то самое время она въѣхала съ величественнымъ видомъ.

Олимпія пріѣхавши, хотѣла сдѣлаться Царицею государства, и себѣ его покорить; она ласкала себя, что въ томъ успѣетъ, видя, что безъ прекословія исполняли ея приказанія; но узнавши, что Намѣстники Александро-

сандровы и всѣ войска сказали прямо, что они не хотятъ быть управляемы женщиною, но что желаютъ истиннаго Царя, которой бы водилъ ихъ самъ на сраженіе, и ихъ ободрялъ своимъ примѣромъ. Она думала, что безопаснѣе для нее помогать избранію Царя, которой бы былъ ей долженъ своимъ чиномъ, и въ знакъ благодарности ввѣрилъ бы ей часть верьховной власти; будучи увѣдомлена еще отъ Полисперхнона, что Александръ предъ своею смертію отдалъ свое Царское кольцо Пердикку, не объяснивши точно, когда просили назначить себѣ преемникомъ, а только сказалъ, что онъ желалъ бы, чтобы сей былъ достойнѣйшій, что сіе предпочтеніе многіе почли за выборъ и тайное согласіе.

Какъ она ненавидѣла Пердикка: то, дабы не прямо возпротивиться его избранію, она приказала Полисперхнону сыскать ей кого нибудь для исполненія того, что она выдумала, дабы остановить намѣренія Пердикка. Государыня! сказалъ онъ ей: я не думаю, чтобъ вы не имѣли чего нибудь опасаться; съ сей стороны находится раз-

дѣ-

дѣленіе и ревность столь великая между Намѣстниками покойнаго Царя, что совершенно едва ли не одинъ изъ двухъ будетъ выбранъ. Не видно никого склоннымъ къ подаванію голоса своему товарищу, всякой почитаетъ другихъ выше себя; также узналъ я нынѣшняго утра, что дабы сдѣлать помѣшательство первому собранію, представятъ сына Барсины, или изберутъ опекуна послѣднему сыну, имѣющему родиться отъ Роксаны, въ ожиданіи, какъ онъ будетъ въ состояніи царствовать самъ собою. И вотъ, прервала грубо Олимпія, чего я наипаче опасаюсь. Постарайтесь, чтобъ выборъ опекуна палъ непремѣнно на Пердикка. Какъ! для полученія себѣ милости отъ Роксаны онъ сдѣлалъ бы Персовъ сильнѣйшими, и меня бы еще отдалилъ. Нѣтъ! я не снесу сего; сыщите, я вамъ еще повторяю, кого нибудь такого, которой бы могъ съ хитростію исполнить намѣреніе, мною предпріятое, дабы тому воспротивиться. Я знаю, сказалъ Полисперхонъ, человѣка разумнаго, которымъ я многократно пользовался; онъ называется

 Ти-

Тимеемъ. Хотя онъ не имѣетъ никакого чина, но хитръ, проворенъ и вкрадчивъ. Только чтобъ онъ былъ скроменъ, сказала Олимпія; я его наставлю столь хорошо, что отвѣчаю вамъ объ успѣхѣ. Приведи его сего вечера въ мою комнату чрезъ малую дверь сада; но наипаче постарайся, чтобъ никто не примѣтилъ.

Полисперхнонъ вышедши, не преминулъ увѣдомить Тимея, и его привелъ въ означенное мѣсто въ показанномъ часу, какъ ему было приказано.

Тотчасъ, какъ Олимпія его примѣтила, пришла къ нему съ веселымъ видомъ, и сказала: Тимей! требуется сдѣлать услугу матери покойнаго вашего Царя, не подпадая никакой опасности. Полисперхнонъ мнѣ отвѣчалъ за васъ; слушайте, что я вамъ скажу: Александръ не имѣетъ дѣтей, достойныхъ престола Македонскаго; поелику матери ихъ суть Персіянки, какъ сынъ Барсины, такъ и послѣдній, которымъ Роксана беременна; но онъ оставилъ Аридея, своего брата, наслѣдникомъ своихъ добродѣтелей, а не вспыльчивости; страшное бы было неправе-

правосудіе, естьли бы лишили его столь хорошаго права. Но какъ я не могу сомнѣваться, чтобъ онъ не имѣлъ соперниковъ, которые захотятъ сдѣлать, чтобъ его кротость и милосердіе почли дѣйствіями глупости; та по совѣту Полисперхонову я обратила очи на ваше благоразуміе и вашу способность испровергнуть тайной умыслъ его непріятелей. Трудность не столь велика, какъ вы думаете; подите завтра поутру въ линіи лагеря, остановитесь въ корпусѣ гвардіи, и вложите мысли въ солдатъ армейскихъ, что Аридей достоинъ вами повелѣвать, что корона ему принадлежитъ, и ему приличествуетъ лучше, нежели кому нибудь другому; что онъ храбръ, неустрашимъ и великой Полководецъ, чего онъ оказалъ опыты при осадѣ Котатиса въ услугу Тира Царя Кардуальскаго; потому что сіе есть единственное средство для предупрежденія и избѣжанія междоусобныхъ браней, которыя почти суть неизбѣжимыя слѣдствія младолѣтныхъ Царей; къ чему вы присоедините еще, что онъ Македонянинъ, и рожденъ отъ Македонян-

донянки; напротивъ того его дѣти, которыхъ представляютъ, не могутъ быть почитаемы иначе, какъ только невольниками, поелику ихъ матери Персіянки; по томъ придите, и увѣдомьте меня о разположеніяхъ, въ каковыхъ вы увидите войска. Тимей обѣщался исправить съ ревностію коммисію, которую Царица благоволила на него возложить. Тотчасъ, какъ насталъ день, онъ пошелъ изъ ряда въ рядъ, разглашая съ своей стороны все, что ему предписано было, и присоединяя по случаю, что онъ почиталъ быть приличнымъ намѣренію Олимпіи; и такимъ образомъ ходилъ чрезъ многіе дни послѣ, стараясь приходить во всѣ вечера для отданія вѣрнаго отчета Олимпіи, изъ чего она тѣмъ болѣе получила удовольствія, что онъ ее увѣрялъ, будто бы онъ примѣтилъ, что всѣ солдаты ихъ мнѣніе находятъ справедливымъ. Ежели это такъ, сказала Царица, то успѣхъ въ томъ извѣстенъ; Полководцы будутъ обязаны на то согласиться общему мнѣнію и склонности войскъ.

Меж-

Между тѣмъ Леонатъ и его сынъ Эвандръ, не увѣдомляя о томъ Аридея, то же дѣлали, дабы всѣхъ своихъ друзей склонить въ пользу Принца.

Наконецъ насталъ день собранія; оно началось чтеніемъ похвальнаго слова добродѣтелей покойнаго Царя; по томъ Пердиккъ положилъ кольцо, имъ полученное, посреди собранія; оно тутъ лежало долгое время, такъ что никто не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія. Молчаніе и удивленіе столь были глубоки, что естьли бы Пердиккъ его опять взялъ, то никто бы не усомнился, чтобы всѣ его не почли за своего Царя, и чтобы не покорились его приказаніямъ; столько имѣли почтенія и уваженія къ памяти Александровой, который сдѣлалъ его оберегателемъ сего кольца. Но отъ робости ли то, или боги опредѣлили противное, Пердиккъ довольствовался только сказать неосновательную рѣчь, въ которой онъ предложилъ избрать опекуна послѣднему сыну, которой скоро родится отъ Роксаны, или, ежели за лучшее почитали, избрать начальника, не давая ему Царскаго

титла; но только съ тѣмъ, чтобъ сохранить великія Александровы побѣды, не приказывая раздѣляться; а особливо въ такихъ странахъ, гдѣ были окружены отъ непріятелей. Неархъ сказалъ, что сына Барсины, уже родившагося, лучше бы было избрать, нежели ожидать послѣдняго отъ Роксаны, котораго не могли бы еще признать за Царя; поелику оба равно произошли отъ крови Царской и отъ равныхъ почти матерей. Потомъ Птоломей сильно возпротивился избранію сихъ дѣтей, которыхъ почиталъ полуплѣнными, и предложилъ привесть въ порядокъ всѣ дѣла впредь по согласію совѣта, на которой бы всѣ были собраны. Аристонъ во время сея неизвѣстности защищалъ избраніе Пердикка, говоря, что кольцо, данное ему Александромъ, было знакомъ его избранія, что Мелеагръ сильно отразилъ, и показалъ, что Пердиккъ искалъ короны, предлагая тому, которымъ Роксана была беременна; потому что онъ надѣялся быть его опекуномъ, и чрезъ то пріуготовилъ бы себѣ надежной путь къ возшествію нѣкогда на престолъ,

столЪ, не смѢя прямо обЪявить того вЪ настоящее время; поелику видѢлЪ, что вельможи противились его честолюбію. По томЪ обратившись кЪ солдатамЪ: для чего вы не спѢшите, сказалЪ онЪ имЪ, захватить сокровища вашего Царя? Сіе имѣніе вы ему пріобрѢли, и которое вамЪ принадлежитЪ, какЪ скоро онЪ самЪ находится не вЪ состояніи имЪ наслаждаться. ВскорѢ увидѢли движеніе вЪ войскахЪ; всякой солдатЪ, взявши оружіе, пріуготовлялся итти, какЪ ЛеонатЪ далЪ имЪ знать, что онЪ хочетЪ нѢчто говорить. Почтеніе, оказываемое кЪ одному изЪ ихЪ начальниковЪ, ихЪ остановило. Но тотчасЪ услышали Тимея, которой, почитая случай и время благопріятными (и будучи не знаемЪ ни кѢмЪ изЪ начальниковЪ, кромѢ Полисперхнона, которой всегда молчалЪ), возвысилЪ свой гласЪ, и вскричалЪ: какЪ! Македоняне! вы хотите самихЪ себя потребить! такое ли есть ваше намѢреніе, чтобЪ потерять вЪ одну минуту завоеванія, которыя вамЪ стоили толикой крови и трудовЪ? Ежели вы почитаете кровь Царскую, хотя смѢшан-

шанную съ кровію чужестранныхъ плѣнницъ Барсины и Роксаны: то сколь больше вы должны быть привязаны къ Принцу Аридею! Развѣ вы позабыли, что онъ сынъ Филипповъ и братъ Александровъ, что онъ родился между нами; клевета не дерзнула потемнить его добродѣтели. Почто медлимъ мы сохранить право, ему принадлежащее? Ежели онъ молчитъ, то сіе произходитъ отъ смиренномудраго страху не занять престолъ столь достойно, какъ покойной Царь. Но ежели вы меня не послушаете, и пожелаете изобрать другаго ему подобнаго: то лучше намъ разойтись; поелику нѣтъ надежды къ согласію.

Вся армія возплескала руками, трубы заиграли, и по всѣмъ сторонамъ раздавалось имя Аридеево, смѣшанное съ радостными восклицаніями.

Мелеагръ взялъ тотчасъ его за руку, и ведя въ палаты кричалъ первой: да здравствуетъ Царь Филиппъ! что самое было повторяемо всѣми солдатами съ толикимъ шумомъ и скоростію, что Царица Олимпія услышала о томъ вѣсть прежде возвращенія Тимеева,

ева, которой тотчасЪ продрался сквозь толпу народа, дабы ее о томЪ увѣдомить.

Олимпія тотчасЪ вышла изЪ своей комнаты, и пришла вЪ залу престола, гдѣ нашла Аридея, одѣтаго Царскими украшеніями, посреди чиновниковЪ и НамѣстниковЪ покойнаго Царя. КакЪ скоро Аридей ее примѣтилЪ, то всталЪ сЪ своего мѣста, и хотѣлЪ итти ей навстрѣчу; но она его предупредила, говоря ему: боги, покровители Македоніи, не могли намЪ дать яснѣйшаго и извѣстнѣйшаго доказательства своей милости, какЪ возводя васЪ на престолЪ; мы напослѣдокЪ увидимЪ царствующее правосудіе и добродѣтель. Государыня! отвѣчалЪ Аридей, дабы заслужить похвалу, которою вы по милости благоволите меня ласкать, мнѣ только нужно слѣдовать вашимЪ совѣтамЪ, которыхЪ прошу покорно меня не лишать.

Олимпія во все сіе время имѣла очи столь нѣжно устремлены на Аридея, что онЪ, примѣтивши то, покраснѣлЪ; что было примѣчено нѣкоторыми изЪ собранія, и причинило тайное роптаніе

вѣ залѣ, которое не прервалось бы, хотя Царица Олимпія и ушла, естьли бы не услышали великой шумѣ, причиненной криками солдатѣ, которые требовали посмотрѣть на своего Царя, и желали кѣ нему притти для поздравленія его сѣ своей стороны, что и было позволено.

Олимпія возвратилась вѣ свою комнату, гдѣ приказавши вытти всѣмѣ людямѣ, изключая *Лиру*, повѣренную ея сокровеннѣйшихѣ мыслей, пребывала столь долгое время вѣ молчаніи, потупивши очи, что *Лира* ей сказала: ежели бы мнѣ позволено было проникнуть вѣ тайны моея Царицы, то я изьявила бы мое удивленіе, видя ее столь печальную, когда все успѣваетѣ вѣ сходственность ея желаній. Ахѣ, моя нещастная *Лира*! сказала Олимпія, да соблаговолятѣ боги, чтобѣ я никогда опять не видѣла Аридея, я тебѣ запрещаю о семѣ говорить мнѣ больше, отѣ времени только и отѣ моихѣ размышленій я могу ожидать себѣ щастія. *Лира*, которая знала, сколь опасно было отвѣчать, замолчала и помогла ей по томѣ лечь на постель, не смѣя ска-

сказать ни одного слова. Какъ сія повѣренная спала всегда на канапе въ горницѣ своея госпожи, то она примѣтила, что Олимпія не спала во всю ночь, и слышала два, или три раза ее говорящую громко... Аридей... какъ! Аридей... не брежу ли я?

На другой день Аридей пошелъ осмотрѣть свою армію, прошелъ по всѣмъ рядамъ, сопровождаемъ только однимъ Пердиккомъ, которой его оставилъ при входѣ въ палаты, дабы исполнить намѣреніе, имъ предпріятое противъ Мелеагра, которому онъ не хотѣлъ простить того, что онъ сказалъ въ собраніи противъ него. Такимъ образомъ едва оставилъ онъ Царя, какъ нашедши Мелеагра, противъ воли своей, обошелся съ нимъ благосклонно, и удивился, когда Мелеагръ ему сказалъ, что его увѣдомили, будто бы онъ хотѣлъ его погубить, и былъ сердитъ на него. Народные разговоры, сказалъ Пердиккъ, бываютъ столь мало правдоподобны, что я удивляюсь, чтобы человѣкъ, столь мудрый и столь опытный, каковъ есть вы, могли имъ повѣрить, и по томъ разошлись.

Мелеагрѣ, примѣтившій смущенное лице Пердикка, не смотря на притворной отвѣтѣ, имѣ сдѣланной, и не полагаясь на его искренность, отдѣлилѣ свои войска, и сталѣ напереди своея пѣхоты, или Македонской фаланги, имѣ управляемой, намѣренѣ будучи содержать ихѣ вѣ готовности, узнавши, что произходитѣ ссора между пѣхотою и конницею, управляемою Пердиккомѣ, и что у нихѣ дѣло скоро дойдетѣ до рукѣ.

Онѣ почелѣ себя внѣ опасности, когда увидѣлѣ ѣдущаго Царя, которой, предупрежденѣ будучи Пердиккомѣ, приказалѣ, чтобѣ ему отдали начальниковѣ бунта. Царю повиновались. Взяли изѣ пѣхоты около трехѣ сотѣ, которые были выведены за ряды, и тотчасѣ подавлены слонами, прежде нежели Мелеагрѣ могѣ испросить имѣ милость, и прежде нежели какѣ Царь то приказалѣ, поелику его было намѣреніе паки разослать ихѣ по своимѣ мѣстамѣ, сдѣлавши жестокой выговорѣ; но Пердиккѣ, дабы его боялись, приказалѣ тайно исполнить сіе нещастное дѣло, о которомѣ Царь столь печа-

печалился, что только сказалЪ: это весьма безчеловѣчно; и думая, что вся ссора была прекращена, возвратился вЪ скорости.

Едва онЪ уѣхалЪ, какЪ МелеагрЪ, не находя себя вЪ безопасности, оставилЪ свою должность, и шелЪ кЪ палатамЪ. Но на пути, вошедши вЪ храмЪ, былЪ окруженЪ больше дватцатью человѣкЪ убійцами, которые его умертвили, не взирая на святость мѣста.

КакЪ скоро Царь получилЪ о томЪ вѣсть, и узналЪ обстоятельно: то сдѣлался столько печаленЪ, что не хотѣлЪ ни на кого взирать вЪ остаткѣ дня; но сколько бы онЪ ни былЪ обязанЪ Мелеагру за все то, что онЪ ему сдѣлалЪ во время его избранія; однако онЪ не почелЪ еще вЪ состояніи довольно утвердившимся, чтобы предпринять за то мстить Пердикку, о которомЪ всѣ увѣряли, что онЪ былЪ того виновникЪ. Для предупрежденія подобныхЪ нещастій приказалЪ онЪ, чтобЪ на другой день собрались на СовѣтЪ для назначенія новыхЪ достоинствЪ и всѣхЪ отличныхЪ должностей, которыя онЪ хотѣлЪ пожаловать

 сво-

своимЪ НамѢстникамЪ, сЪ тѢмЪ, чтобЪ послѢ они не имѢли никакой ссоры между собою.

Едва солнце взошло, какЪ всѢ собрались вЪ залу, вЪ которой Царь, извѢдавши ихЪ нравы и склонности, пожаловалЪ чины, которыхЪ они желали.

Пердикку, которой хотѢлЪ жить при ДворѢ, препоручено было правленіе арміи, сопровождающей Царя. Птоломей имѢлЪ правленіе Египта и всего того, что отЪ него зависѢло, подЪ именемЪ Сатрапа. ФилотЪ взялся править Киликіею подЪ тѢмЪ же самымЪ именемЪ, какЪ и Птоломей. ЛаомедонтЪ имѢлЪ Фригію, ЛеонатЪ страну Геллеспонта, ЭвменЪ принялЪ попеченіе о Каппадокіи, КассандрЪ о Каріи, ЛизимахЪ былЪ посланЪ во Фракію, а ФритонЪ вЪ Мидію. АнтипатрЪ избралЪ Македонію, которая ему была пожалована АридеемЪ, которой прежде, нежели разошлось собраніе, утвердилЪ еще вЪ своихЪ достоинствахЪ и правленіяхЪ всѢхЪ прочихЪ, которые АлександромЪ были опредѢлены, хотя они были вЪ отсутствіи.

Они были по видимому всѢ совершенно довольны честію, имЪ доставстав-

ставшеюся. Но сколь мало сердце человѣческое пребываетъ въ одинакомъ положенiи! Сiи Сатрапы, или Намѣстники Царскiе (поелику это на же самая власть подъ различными названiями) не могли наслаждаться спокойно своимъ щастiемъ, и подъ пустыми предлогами объявили войну для нападенiя на пограничныя государства.

Аридей, предвидѣвшiй сiе при ихъ опредѣленiи, употребилъ всѣ свои силы, дабы доставить имъ миръ; но примѣтилъ скоро, что онъ о томъ безполезно старался.

Ихъ честолюбiе, или ихъ ненависть однихъ противъ другихъ были сильнѣе, нежели всѣ возможныя старанiя, имъ предпринятыя для ихъ примиренiя, такъ что онъ не могъ сомнѣваться, чтобы и самъ не подпалъ величайшей опасности, естьли бы не думалъ о своихъ выгодахъ, о безопасности самаго себя и Царицы Эвридикiи, которая во все сiе время смятенiя и бунта пребывала въ палатахъ, гдѣ занималась только снисканiемъ у всѣхъ людей благосклонности чрезъ свои ласки и свой доступъ, въ ожиданiи благо-

пріятнаго времени быть увѣнчанною послѣ своего любезнаго супруга.

Олимпія была еще неспокойна, нещастная страсть къ Аридею объяла ея сердце; всякой день онъ приходилъ ее посѣщать. Лира, ея повѣренная, примѣтила, что въ присутствіи Царя Олимпія весьма была весела, что убиралась лучше, нежели какъ обыкновенно, для его принятія, и что пылалъ огонь въ ея очахъ, которой одна только любовь можетъ зажечь. Но какъ онъ выходилъ, то она принимала на себя видъ мрачной и задумчивой, такъ что ни съ кѣмъ не хотѣла видѣться, и даже раздѣваться, когда ложилась на постель, на которой по всѣмъ ночамъ слышала она ея вздохи.

Лира, которая къ ней совершенно была привязана, больше двятцати лѣтъ тому назадъ, хранила молчаніе долгое время. Въ одинъ вечеръ, когда были онѣ однѣ, примѣтила она, что Олимпія плачетъ, то осмѣлилась ей сказать: Государыня! именемъ боговъ прошу я васъ, откройте мнѣ причину вашей печали; или умертвите меня, а иначе я не могу быть въ семъ состояніи.

ніи. Безполезно, моя нещастная Лира! отвѣчала Олимпія; но дабы показать, доколѣ простирается моя къ тебѣ повѣренность, я хочу тебѣ открыть глубину моея души. Я люблю; и когожъ? . . . Аридея. Можешь ли ты сему повѣрить? Того, котораго я изгоняла непрестанно, котораго я предложила въ Царя, съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, чтобы Намѣстники Александра, моего сына, обладатели городовъ и арміи, его умертвили, дабы *не имѣть больше препятствія* своему честолюбію. Но его кротость, соединенная съ величествомъ Царской крови, возбудившая всѣ голоса въ его пользу, меня весьма наказала за послѣднюю сѣть, которую я ему думала поставить. Онъ сынъ любви; я о семъ не могу сомнѣваться, развѣ когда бы я его не знала; поелику сей жестокосердый старается о своемъ торжествѣ, и влечетъ меня за своею колесницею; нѣтъ ничего такого, чего бы я не учинила для возвращенія заблуждшагося моего разума съ того дня, какъ я увидѣла его на тронѣ. Тщетныя усилія! которыя послужили только къ тому,

дабы сдѣлать меня нещастнѣйшею! О Эвридикія! щастливѣйшая Принцесса! какъ любовь свирѣпо отмщеваетъ мнѣ за малыя нещастія, мною тебѣ причиненныя! Признаюсь, Лира! что побуждаема будучи гнѣвомъ противъ Аминта, ея отца, повѣреннаго любви Царя Филиппа, моего супруга, съ Клеопатрою, я ничего не пощадила для отмщенія за то отцу и его дочери. Я была обязана удержать свое негодованіе во время жизни моего супруга, но послѣ смерти его оно сдѣлалось сильнѣйшимъ. Нѣсколько послѣ времени я велѣла похитить Эвридикію изъ города Эдосскаго, гдѣ она была почитаема Принцессою; я ее приказала отвезть къ Жадулу, Царю Коташискому, моему родственнику, такъ что никто не могъ узнать, и какъ вдругъ онъ сдѣлался столь въ ее влюбленнымъ, что взялъ себѣ въ супружество. Когда Аминтъ, ея отецъ, получилъ вѣсть о похищеніи своея дочери, то столь сдѣлался боленъ въ Калибѣ, что лишился движенія членовъ даже до конца своихъ дней, случившагося около шести мѣсяцовъ тому назадъ; но ничто не мо-

можетъ сравниться съ яростію и отчаяніемъ, которыми я была мучима, когда увидѣла ихъ возвращающихся въ торжествѣ и облеченныхъ славою. Наконецъ, думая его погубить, предложивши въ Царя, я способствовала возвышенію его на честь; онъ владѣетъ сердцами солдатъ, и еще больше моимъ, такъ что я не могу себя ласкать ни малѣйшею надеждою, и что всѣ мои разсужденія не будутъ довольно сильны для возвращенія мнѣ спокойствія. Я чувствую излишество моего заблужденія, но не могу излѣчить себя отъ онаго; смерть, которую я ему хотѣла причинить, теперь есть моя надежда и единственное средство къ излѣченію моихъ нещастій. Ты меня обвиняешь въ своемъ сердцѣ; я то весьма заслуживаю; но по крайней мѣрѣ сожалѣй о мнѣ изъ благодарности за дружество, котораго, я думаю, подала тебѣ опыты.

Справедливо, государыня! сказала Лира, что было бы несравненно лучше быть въ состояніи располагать своимъ сердцемъ по своей волѣ для избѣжанія многихъ печалей и скукъ; но удовольствія,

ствія, вкушаемыя послѣ полученія труднѣйшей побѣды, кажутся сладостнѣйшими и чувствительнѣйшими. Вы любите Аридея, я сему ни мало не удивляюсь; его кротость и его величественный видъ выигрываютъ въ пользу его всѣ сердца; но не желая ласкать вашей страсти, я точно увѣрена, что препятствіе его супружества не будетъ непобѣдимо. Онъ рѣшится удобно развестися съ Эвридикіею, дабы возпользоваться выгодами, которыя онъ найдетъ въ вашемъ союзѣ; самая благодарность его обяжетъ сдѣлать вамъ честь за корону, которой бы онъ не получилъ безъ вашей помощи. Онъ не знаетъ своей къ вамъ обязанности, и былъ бы наинеблагодарнѣйшій изъ всѣхъ человѣкъ, естьли бы былъ способенъ забыть столь великое благодѣяніе. Позвольте мнѣ къ нему итти, и увѣдомить его о томъ, что вы сдѣлали для возведенія его на престолъ; о великой выгодѣ, которую онъ получитъ, соединяясь съ вами, и о крайней опасности, которой бы онъ подпалъ, ежели бы вы ему сдѣлались противны. Я сохраню вашу славу и ваши вы-

выгоды, какъ мнѣ лучше будетъ возможно; я ласкаю себя, что съ перваго разговора естьли его не склоню, то по крайней мѣрѣ много поколеблю. Поди, моя любезная *Лира*! сказала Олимпія; а иначе я ничего не могу сохранить въ семъ жестокомъ положеніи. Опиши ему крайнюю мою любовь, естьли ты то за благо разсудишь; я тебѣ позволю, и возвратись поскорѣе, какъ тебѣ будетъ возможно, принести мнѣ вѣсть о моей жизни, или смерти.

Лира поутру вышла изъ палатъ Олимпіи, и вошла въ Царскія, гдѣ, пришедши къ его покою, приставникомъ у дверей была упрошена подождать нѣсколько времени; потому что Царь былъ занятъ примиреніемъ ссоры, произшедшей между двумя низшими чиновниками его арміи, что сіе не больше часа продолжится; въ ожиданіи того времени онъ совѣтовалъ ей итти прогуляться въ садъ, гдѣ бы онъ не преминулъ ее увѣдомить, какъ скоро Царь будетъ въ состояніи ее слушать.

Лира пошла въ садъ, гдѣ прохаживаясь между померанцовыми древами, находящимися при концѣ перваго вала, при-

примѣтила Филона, лежащаго на дернѣ передъ фонтаномъ. Какъ она его узнала, то не могла возпротивиться любопытству къ нему подойти и сказать: Филонъ! по какому случаю вы здѣсь находитесь, послѣ запрещеній, мною вамъ сдѣланныхъ; знайте, что это было по приказанію Царицы Олимпіи, и что вы подпадаете великой опасности, показавшись здѣсь безъ ея позволенія.

Я совершенно помню, *отвѣчалъ* Филонъ, что вы мнѣ запретили возвращаться въ Македонію. Мы теперь не въ Македоніи находимся, а въ Вавилонѣ; но сверьхъ того Царь взялъ меня для своихъ услугъ предъ Аѳинами, избавивши меня отъ рукъ шайки разбойниковъ, которые меня принуждали остаться въ своемъ собраніи: съ сего времени по должности и изъ благодарности я за нимъ слѣдовалъ во всѣ его путешествія къ Царю Тиру, къ осадѣ Котатиса, и не оставлю его никогда дотолѣ, доколѣ онъ позволитъ мнѣ быть въ своей свитѣ. Поелику вы были при взятіи Котатиса, прервала

Лира,

Лира, не можете ли вы меня по случаю увѣдомить о томъ, что сдѣлалось съ маленькою Фульвіею, которую я тебѣ отдала около осьмнатцати лѣтъ тому уже назадъ. Я довольно знаю, что вы точно исполнили порученное вамъ дѣло, и ее отдали Гортензіи въ городѣ Туенѣ, какъ я вамъ то приказала; но вы не знаете, что Гортензія ее препроводила въ Котатисъ, къ Царю Жадулу, гдѣ она была воспитана подъ именемъ Клары; я была бы весьма рада, узнавши, какая была ея участь съ того времяни, какъ Аридей овладѣлъ замкомъ; поелику я слышала, что всѣ женщины, тамъ находившіяся, разбѣжались по своему произволенію, или погибли.

Филонъ, хотѣвшій узнать обстоятельнѣе, притворился не знающимъ, и не только ей не сказалъ, что Клара пріѣхала въ Вавилонъ съ Принцессою Эвридикіею, но напротивъ того показывалъ онъ ей, что Тріалъ, Мундшенкъ Царя Котатискаго, влюбившійся въ нее, рѣшился спастись съ нею чрезъ каменныя вороты, которыхъ дорога окружена ужасными стремнинами; по видимому

димому они были пойманы на пути; поелику нашли на другой день въ городѣ Загенѣ тѣло Тріэлово, пронзенное многими ударами. Я никакъ не думаю, чтобъ прежде ея оставленія онъ не принесъ ее въ жертву своей ревности, или своему отвращенію; поелику по исторіямъ, мнѣ разсказаннымъ въ городѣ, та же самая участь досталась всѣмъ его любовницамъ; однихъ закололь онъ самъ при малѣйшемъ подозрѣніи въ невѣрности, другихъ отравилъ ядомъ; по сему и она не воспользовалась счастливѣйшею судьбою; потому что подтверждаетъ мое мнѣніе то, что вытащили изъ сихъ стремнинъ у каменныхъ воротъ много женскихъ тѣлъ туда поверженныхъ. Я не сомнѣваюсь больше послѣ сего, что вы мнѣ сказали, прервала Лира, Царица Олимпія о семъ будетъ весьма печалиться; нѣсколько дней тому назадъ, она мнѣ говорила, что она желаетъ объ ней освѣдомиться, дабы ее возвратить, и нечаянно по томъ обрадовать Антипатра, ея отца, возвращая ему дочь его Фульвію, которую долгое время онъ безполезно искалъ. До-

вольно

вольно мнѣ мстить, говорила мнѣ Царица; поелику печали, имъ мнѣ причиненныя, обнося меня предъ Филиппомъ, моимъ мужемъ, кончились: надобно прекратить его наказаніе. Я ему разскажу веселую исторію о способѣ, которымъ я то узнала, за что онъ мнѣ будетъ весьма благодарить. Я увѣряла Царицу, что сіе не было бы трудно; поелику съ того самаго времени, какъ онъ ее лишился, не могъ узнать, какимъ образомъ она была похищена отъ его служанки, заснувшей въ саду съ маленькою дѣвочкою, игравшею подлѣ нее, что слуга дому его подкупленный схватилъ въ ту минуту, не будучи видимъ ни отъ кого, и мнѣ ее отдалъ при дверяхъ сада, гдѣ я находилась часто для ожиданія благопріятнаго случая, имъ мнѣ обѣщаннаго. Но продолжала Лира, поелику она уже мертва, о чемъ не можно сомнѣваться, и что по прошествіи толикихъ лѣтъ Антипатръ позабылъ, что онъ имѣлъ дочь: то сіе есть невозвратимое зло, о которомъ и говорить не должно. Вы будьте скромнѣе и не сказывайте нашего разговора; онъ вамъ

 сталъ

сталЪ бы дорогЪ. Царица Олимпія мщенія своего никогда не оставляетЪ несовершеннымЪ; досады, ей дѣлаемыя, не бываютЪ безЪ наказанія. Сохрани тайну; я сЪ своей стороны никому не скажу, что я сЪ вами встрѣтилась.

Они тамЪ еще были, какЪ пришли увѣдомить Лиру, что она могла имѣть аудіенцію сЪ ЦаремЪ. Она пошла за ПосломЪ, и была впущена придверникомЪ. Аридей, подавая ей руку сЪ ласковымЪ видомЪ, спросилЪ ее, чего она желала, и довольно ли щастливЪ, что имѣетЪ случай сдѣлать ей удовольствіе, или услужить чѣмЪ нибудь Царицѣ Олимпіи.

Лира, хотѣвшая скрыть прямую побудительную причину своего посольства, начала ему говорить: Ваше Величество благоволитЪ меня извинить, естьли я приму смѣлость говорить моему Царю, дабы узнать вѣстей о моемЪ двоюродномЪ братѣ ДимосѳенѢ, будучи племянница его матери Клеовулы; я не сомнѣваюсь, чтобЪ при вашемЪ путешествіи вЪ Аѳины вы не имѣли любопытства видѣть городЪ Мегару, гдѣ онЪ жилЪ со временЪ

сра-

сраженія при Херонеѣ въ Беотіи, на которомъ Царь Филиппъ, вашъ блаженной памяти отецъ, разрубилъ Аѳинянъ. Плачевное сраженіе для Димосѳена; поелику онъ потерялъ свою славу, и далъ знать всей вселенной (убѣжавши при первой сшибкѣ), что храбрость и краснорѣчіе не суть неразделимы; но день изъ щастливѣйшихъ для меня, поелику мое плѣнничество было началомъ щастія, которымъ я наслаждаюсь съ того времени при Царицѣ Олимпіи.

Мнѣ этого жаль, отвѣчалъ Аридей, что я не могу удовлетворить справедливому вашему безпокойствію; я не знаю также, живъ ли Димосѳенъ, или онъ заплатилъ долгъ природѣ; справедливо, что я видѣлъ городъ Мегару, но я столь мало тамъ пробылъ времени, что ни о чемъ не освѣдомился, и не могу васъ о томъ увѣдомить, о чемъ вы знать желаете. Великое для меня нещастіе, что я не зналъ, что тамъ жилъ краснорѣчивый Димосѳенъ; я не преминулъ бы его посѣтить, будучи увѣренъ, что его совѣты полезны, въ какомъ бы кто состояніи ни на-

ходился; я даже поздравляю Царицу Олимпію, что она имѣетъ у себя его родственницу, которой онъ безъ сомнѣнія внушилъ благородныя только мысли. Они суть столь высоки, прервала Лира, что Царица мать непрестанно заставляетъ меня повторять то, что я могла отъ него удержать въ памяти; наипаче то, что касается до Царей, которые дѣлаютъ щастіе народовъ, покоренныхъ ихъ законамъ, и которые должны торжествовать надъ своими страстями ко благу и выгодѣ своихъ подданныхъ, которыхъ они суть отцы и покровители. Я то сознаю, сказалъ Аридей; ежели мы раждаемся, дабы ими повелѣвать: то благоразуміе нашего правленія должно доставлять имъ благополучіе. Мы должны быть выше ихъ столько нашими добродѣтелями, сколько достоинствомъ, небомъ намъ даннымъ. Недовольно еще сего, сказала Лира (по словамъ Димосѳена), Царь долженъ всемъ жертвовать спокойствію своего государства, и покупать миръ, чего бы онъ ему ни стоилъ. Ежели бы я не опасалась выйти изъ границъ

ницЪ почтенія, мною вамЪ должнаго: што бы я вамЪ сдѣлала сравненіе, дабы показашь вамЪ, доколѣ простиралась мысль Димосѳенова о поступкѣ Царей. На примѣрЪ, вы любите Эвридикію, и вы имѣете причину, ея добродѣтели того заслуживаютЪ. Всякой похваляетЪ вашЪ выборЪ. Но вЪ сіе нещастное время смятенія и раздѣленія, когда вы имѣете случай не полагаться на всѣхЪ вашихЪ Намѣстниковъ, которыхЪ вы не знаете внутренности и тайныхЪ хитростей, которыхЪ Царица, ваша супруга, не можетЪ вамЪ открыть, ни вамЪ быть полезною никакимЪ образомЪ для соблюденія вашея короны и содержанія всѣхЪ вашихЪ подданныхЪ вЪ мирѣ, ежели бы вы нашли Царицу такую, какова есть Олимпія, которой часть вашихЪ НамѣстниковЪ обязана чиномЪ, которой они имѣли при Александрѣ ея сынѣ, она знаетЪ до точности всѣ выгоды и скрытныя намѣренія вельможЪ вашего двора; она васЪ привела бы вЪ состояніе чрезЪ свои мудрые совѣты предупредить, и узнать все, что могли бы умышлять противЪ васЪ,

 и

и слѣдовательно васъ сдѣлать совершеннымъ обладателемъ всѣхъ Александровыхъ областей. Ежели бы, говорю, сія Царица могла согласиться съ вами сочетаться бракомъ: то, не смотря на вашу любовь къ Царицѣ Эвридикіи, вы не должны бы были ее отвергнуть; поелику вы безъ нее подпали бы опасности видѣть себя Царемъ безъ государствъ, господиномъ безъ власти, и можетъ быть преданнымъ междуусобнымъ бранямъ, измѣненнымъ отъ всѣхъ тѣхъ, на которыхъ вы больше другихъ полагаетесь, поелику вы ихъ меньше знаете; наконецъ нещастнымъ, оставленнымъ отъ всѣхъ вашихъ начальниковъ. Сіи солдаты, избравшіе васъ себѣ Царемъ, могли бы по справедливости отъ васъ требовать отчета въ ихъ крови, которую бы вы пролили по упрямству. Вы теперь не свои, а принадлежите вашему народу съ того времени, какъ онъ васъ избралъ, и предпочелъ всѣмъ вашимъ соперникамъ.

Ежели это мнѣнія Димосѳеновы, отвѣчалъ Аридей такимъ голосомъ, которой изъявлялъ его презрѣніе, то

я

я точно ничего не лишился, что не видалъ его; я даже не удивляюсь, что онъ заслужилъ негодованіе своего *отечества*; ни тому, что онъ былъ способенъ оставить постыдно его армію; истинно честной человѣкъ не долженъ никогда нарушать клятвъ, имъ учиненныхъ, ни вѣрности, имъ данной. Поди къ Царицѣ, твоей госпожѣ, и оставь меня подумать о вашихъ ужасныхъ правилахъ.

Лира въ сію минуту вышла изъ залы весьма не довольна своимъ исправленіемъ дѣла, и нашла Олимпію, ее ожидавшую, въ крайнемъ безпокойствіи.

Между тѣмъ Эвридикія узнавши, что одна изъ женщинъ Олимпіи была съ Царемъ, весьма обезпокоилась, и не могла вообразить причины сего прихода; она пришла къ Царю, которой, опасаясь ее испугать, сказалъ ей только то, что касалось до новостей Димосѳена, которыя *Лира* весьма желала узнать, будучи его родственница, и о которомъ онъ не могъ ей дать никакого свѣденія. По томъ Царь, видя идущаго Филона, котораго онъ примѣтилъ, какъ онъ говорилъ съ *Лирою*

съ великимъ движеніемъ, призвалъ его, дабы спросить, о чемъ у нихъ былъ разговоръ, что они по видимому столь прилѣжно слушали одинъ другую. Филонъ тотчасъ воскликнулъ, что новости, мною узнанныя отъ Лиры, удивятъ Ваше Величество, а ей причинятъ радость; эта самая Лира, около осмнатцати лѣтъ тому назадъ, отдала мнѣ сію маленькую дѣвочку, которой Исторію я имѣлъ честь вамъ сказывать. Гортензія, у которой я имѣлъ приказаніе ее оставить, отвела ее въ Котатисъ къ Царю Жадулу, гдѣ она была воспитана подъ именемъ Клары. Какъ! это моя любезная Клара? сказала съ поспѣшностію Царица Эвридикія. Такъ, государыня! отвѣчалъ Филонъ; но вы еще больше будете изумлены, когда узнаете, что, дабы узнать тайну отъ Лиры, притворился, будто не знаю того, что съ нею сдѣлалось послѣ взятія Котатиса; я сказалъ ей, что Тріэлъ, влюбившійся въ нее, увезъ ее, и что по всѣмъ обстоятельствамъ, не могши ее сохранить, умертвилъ ее. Тогда Лира подумала, что ей не нужно

жно ничего скрывать, и сказала мнѣ, что Клара называлась Фульвїею, и была дочь Антипатрова, которую Олимпїя приказала похитить въ отмщенїе за досады, имъ ей причиненныя. О судьба! воскликнулъ Аридей, сколь приключенїя вселенныя подвержены твоимъ опредѣленїямъ! Онъ говорилъ еще, какъ Клара вошла; Эвридикїя обняла ее, и сказала: любезный другъ! знай, что ты Фульвїя, дочь Антипатра; ты не Клара и не моя невольница, ты теперь моя подруга. Государыня! отвѣчала Клара; милости ваши, оказываемыя мнѣ, столь для меня драгоцѣнны, что я сожалѣла бы о моемъ первомъ состоянїи, и думала бы, что весьма много потеряла, ежели бы (нашедши моего отца хотя въ возвышеннѣйшемъ достоинствѣ) я не могла заслуживать всегда вашей довѣренности.

Между тѣмъ Царь послалъ увѣдомить Антипатра, что онъ имѣетъ прїятную новость ему сказать. Антипатръ, будучи нетерпѣливъ, тотчасъ пришелъ къ Царю, гдѣ при входѣ Эвридикїя ему сказала: изъ всѣхъ подарковъ,

вамъ поднесенныхъ, вы ни единаго никогда не получали, которой бы вамъ сдѣлалъ столько удовольствія, сколько сей, которой я хочу вамъ поднесть; и взявши изъ руки у одной своей женщины ящичекъ съ драгоцѣнными камнями, которой приказала она принести, ожидая Антипатра, вынула изъ него маленькой браслетъ, украшенный алмазами, гдѣ былъ портретъ младенца, которой она ему и подала. Онъ отступилъ назадъ, будучи въ великомъ удивленіи, и возкликнулъ: *вотъ портретъ любезной моей Фульвіи, которой я лишился; онъ у нее былъ на рукѣ.* Она не погибла, отвѣчала Эвридикія, я возвращаю ее вамъ подъ именемъ Клары; ваше сердце не должно ее не сознать. Какъ! это ты, любезный мой младенецъ? сказалъ Антипатръ; я не могу въ этомъ сомнѣваться, ты подобіе покойной твоей матери; для чего я не узналъ тебя прежде? Нѣжныя движенія, мною къ тебѣ чувствуемыя, меня довольно въ этомъ утверждаютъ; и когда онъ прижималъ ее къ своему сердцу, то видимы были текущія слезы изъ очей отца и дочери,

не

не могущихъ ничего сказать одинъ другому.

Послѣ сихъ нѣжныхъ движеній Антипатръ, не престававвшій на нее смотрѣть со вниманіемъ, примѣтилъ бѣлое пятно, бывшее у нее на правой рукѣ нѣсколько повыше локтя: вотъ, сказалъ онъ, послѣдне доказательство, совершенно меня увѣряющее, что знакъ обожженія, которой неосторожность няньки причинила моей любезной дочери, позволяя ей шалить предъ огнемъ. Но, милостивѣйшій Государь! позвольте, чтобъ сыскали Іолая моего сына, что Царь и Царица приказали. Между тѣмъ они разсказали Антипатру все то, что узнали отъ Филона, и ему приказали то повторить еще самому; поелику онъ находился въ Царскомъ кабинетѣ; по томъ Царица изъяснила, какъ она сохранила браслетъ, о которомъ ей сказали, что онъ принадлежитъ Кларѣ, въ намѣреніи воспользоваться имъ нѣкогда, дабы доставить ей выгоднѣйшее мѣсто, думая, что она родилась отъ какой нибудь знаменитой крови.

Іолай,

Іолай, пришедши во время сего признанія, не зная того, что сказали, былЪ вЪ крайнемЪ изумленіи, видя Клару, вЪ присутствіи Царя и Царицы бѣгущую кЪ Антипатру сЪ разпростертыми обьятіями, и лобзающую его нѣжно; онЪ пребылЪ недвижимЪ при входѣ вЪ кабинетЪ, не смѣя итти далѣе. Подозрѣніе ревности кЪ своему отцу обьяло уже его сердце. КакЪ Фульвія, примѣтившая то: идите, мой любезный братецЪ! воскликнула она ему; идите, и обнимите меня! ОнЪ не зналЪ, что отвѣчать, какЪ АнтипатрЪ ему сказалЪ: вотЪ твоя сестра Фульвія. Іолай приближился, и обнялЪ ее, но сЪ толикою холодностію, что Фульвія за то ему сдѣлала выговорЪ; тогда пришедши вЪ разумЪ, поступилЪ вЪ томЪ сЪ большею горячностію, хотя постыжденЪ отЪ страсти, имЪ кЪ ней чувствуемой, и по томЪ возвратился поскорѣе, какЪ ему возможно было.

Выходя онЪ, встрѣтился сЪ ЭвандромЪ на лѣстницѣ, которому онЪ сказалЪ, подавая ему руки: будемЪ друзья; ты щастливѣйшій изЪ всѣхЪ человѣкЪ, и его оставилЪ, не ожидая его отвѣта.

ЭвандрЪ

Эвандръ сталъ изумленъ, но еще былъ болѣе, вошедши въ залу; онъ не осмѣлился подойти ближе, видя Клару подлѣ Антипатра, держимую одною его рукою, которую она часто цѣловала; но Антипатръ избавилъ его тотчасъ отъ безпокойствія, когда ему сказалъ: приближьтесь, мой любезный Эвандръ! и примите участіе въ моей радости; вы любили Клару, я вамъ позволяю любить мою дочь Фульвію; мы вамъ столько обязаны, что я согласенъ, чтобъ она сама за то вамъ заплатила. Іолай былъ твой соперникъ въ любви; онъ сдѣлается вашимъ другомъ. Пойдемъ, принесемъ богамъ за то благодарность, и дадимъ знать вашему отцу Леонату; между тѣмъ Царица благоволитъ сохранитъ къ Фульвіи, которую я оставляю у Ея Величества, тѣ же самыя милости, которыя она оказывала Кларѣ, и вставши, вышелъ съ Эвандромъ.

Олимпія въ своемъ покоѣ была волнуема страстію весьма различною; ея разумъ и ея сердце колебались между надеждою и яростію съ того времени, какъ Лира ей объявила о своемъ разго-

во-

ворѣ съ Царемъ, хотя она упустила часть его отвѣта, опасаясь повергнуть Олимпію въ отчаяніе; она ей довольно сказала, дабы ей показать, что она нашла бы великія препятствія своимъ намѣреніямъ, такъ что Олимпія, желая сдѣлаться супругою Царя, или по томъ употребить всѣ свои силы за то мстить, рѣшилась не ввѣрять стараніе о своей страсти никому, кромѣ самой себя, и ему говорить, дабы попустить наконецъ дѣйствовать или любви, или ярости. Для совершенія сего предпріятія, узнавши нѣсколько послѣ, что Царь забавлялся медвѣжьею охотою со всемъ своимъ Дворомъ, одѣлась, какъ можно ей было лучше, и украсила свою голову столь удивительнымъ множествомъ драгоцѣнныхъ камней, что не можно было узнать цвѣта ея волосовъ, и убравшись по Амазонски, поѣхала на охоту, гдѣ столь хорошо употребила свою предосторожность, что встрѣтилась съ Царемъ, удалившимся отъ охотниковъ.

Вы видите, сказала она ему, подъѣзжая къ нему, Царицу, которая васъ ищетъ въ такомъ случаѣ, когда вы

все должны учинить для засвидѣтельствованія мнѣ благодарности за то, что я сдѣлала въ вашу пользу, дабы васъ возвести на высокое достоинство, въ которомъ вы находитесь; что для васъ естьли не было не возможно получить, то по крайней мѣрѣ труднѣе безъ согласія войскъ, которыхъ я приняла трудъ чрезъ посланнаго склонить въ вашу пользу. Государыня! отвѣчалъ Аридей, я всегда имѣлъ такое отвращеніе отъ неблагодарности, что я не думаю, чтобъ могъ быть въ томъ подозрѣваемъ; въ чемъ буду столь щастливъ, что найду случай подать вамъ опыты моея благодарности.

Тогда Олимпія, взирая на него нѣжнымъ видомъ, сказала ему: выгода ваша для меня драгоцѣнна; вы о томъ не можете сомнѣваться послѣ того, о чемъ я рѣшилась васъ увѣдомить и васъ предупредить, хотя бы въ правилахъ благопристойности; отъ васъ бы только зависѣло у меня того испрашивать, какъ знатнѣйшей милости. Вы Царь; справедливо, что вы носите на себѣ сіе высокое титло; но имѣете ли его власть? Вамъ не возмо-

можно не знать, что всѣ сіи Сатрапы, или Намѣстники, которыхъ вы были обязаны опредѣлить, суть сокровенные непріятели, ищущіе случая васъ низпровергнуть и вознестись на вашихъ развалинахъ; я ихъ лучше знаю, нежели вы, я въ томъ упражнялась много времени; вамъ совершенно не возможно ихъ удержать въ своей должности, ни избѣжать вашей погибели безъ хитрой политики; надлежало бы, дабы въ томъ успѣть, чтобъ вы столь же хорошо знали, какъ и я, ихъ тайные умыслы и дальнѣйшія намѣренія, дабы предвидѣть опасность и прекратить ихъ мѣры. Съ подобною помощію вы будете въ безопасности; я вамъ ее представляю со всею искренностію моего сердца, только чтобъ стараясь о вашей славѣ, я не была подвержена потерять свою, и почитаться вашею любовницею, слѣдуя за вами повсюду, гдѣ вы будете имѣть нужду въ моихъ совѣтахъ и моихъ сокровищахъ, которыя я собираю долгое время, будучи рада всѣ употребить для вашей пользы; но сіе не можетъ иначе быть, какъ соединяя

моюо

мою участь съ вашею; тогда вы увидите *старающихся* о вашихъ выгодахъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ я обязала своими благодѣяніями, и которыхъ число *столь* знатно, *что можете* себя ласкать быть самовластнѣйшимъ Царемъ вселенныя. Ахъ, Государыня! сказалъ Аридей, могу ли я это сдѣлать? Эвридикія есть жена моя; вы были женою моего отца; сіе былъ бы неслыханной примѣръ. Скажи лучше, продолжала Олимпія, что любовь васъ ослѣпляетъ. Къ чему способна вамъ Эвридикія? развѣ вы не можете съ нею развестись? Первый ли вы Царь Македонскій, который въ томъ такъ поступилъ, когда прилично его выгодамъ? Не должны ли вы то сдѣлать? поелику она вамъ не оставляетъ потомства. Щастіе и спокойствіе народовъ вашихъ того отъ васъ требуютъ. Хотите ли вы ихъ еще подвергнуть нѣкогда тѣмъ же самымъ раздѣленіямъ, какія вы видѣли послѣ смерти Александровой безъ законныхъ наслѣдниковъ? Я ее старѣе только тринатцатью лѣтами; я могу еще исполнить вашу надежду.

Что касается до препятствія, что я была жена вашего отца: то сіе не нужно предлагать; боги то позволяютъ, поелику Юпитеръ взялъ въ супружество свою сестру Юнону, которая безъ сомнѣнія ему была ближе, и отъ той же самой крови, вмѣсто того, что мы только имѣли союзъ между собою. Царямъ только принадлежитъ издавать законы, и показывать первой примѣръ, дабы уполномочить по томъ подданныхъ, имъ слѣдовать и имъ подражать. Государыня! сказалъ Аридей, какой вы мнѣ приводите примѣръ Юпитеровъ? Всѣ сіи ложные боги, которыхъ невѣденіе народное обожаетъ, оскверненные ужаснѣйшими беззаконіями, не должны никогда быть подражаемы. Ихъ исторія устрашаетъ; они покровители пороковъ, а не боги. Дабы заслужить сіе поклоняемое имя, надобно быть совершеннымъ; разумъ и наше сердце намъ то непрестанно повторяютъ: союзъ брака долженъ быть неразрушимъ; поелику онъ есть исполненіе нашей вѣрности, которая должна быть священна. Оное высочайшее Существо, которое сердце

самыхъ

самыхЪ грубѣйшихЪ народовЪ чувствуетЪ и сознаетЪ противЪ своей воли, не преминетЪ никогда наказать клятвопреступленія и великія беззаконія; угрызѣнія, нами за то чувствуемыя, начинаютЪ нашу казнь и Его мщеніе. НаконецЪ естьли Монархи имѣютЪ право издавать законы, то правота должна ихЪ сказывать; чѣмЪ они возвышеннѣе, тѣмЪ больше должны быть чисты и непорочны; ихЪ дѣйствія не бываютЪ погребены вЪ забвеніи, они не должны быть изключены изЪ поношенія; исторія порочныхЪ Государей не уполномочиваетЪ народЪ слѣдовать ихЪ порокамЪ. Я вамЪ обязана, сказала Олимпія сЪ яростными очами, я весьма себя позабыла, вы возвратили мнѣ разумЪ. Сего довольно, и его тотчасЪ оставила, не давши ему времени ничего больше сказать.

Аридей догналЪ прочихЪ сЪ видомЪ столь задумчивымЪ и столь печальнымЪ, что Царица Эвридикія, примѣтивши то, начала у него спрашивать того причину, когда были они одни. ВЪ одинЪ вечерЪ она столь

усильно его принуждала, и съ толикими знаками нѣжности, что наконецъ онъ ей сказалъ все то, что говорила Олимпія, и отвѣты, отъ него ей сдѣланные.

Эвридикія позволила ему то разсказать, не прерывая его; по томъ съ симъ видомъ тихости, которой она никогда не измѣняла, ему сказала: моя любовь была бы весьма несовершенна, естьли бы я имѣла предметомъ мое только частное удовольствіе; ваше щастіе мнѣ дороже моего собственнаго. Ежели чрезъ вашъ бракъ вы въ безопасность приводите вашу колеблющуюся корону, и дѣлаете вашъ народъ щастливѣйшимъ неразрушимымъ миромъ: то я бы почла себя виновною во всей крови, которую бы пролили во время междуусобной брани, естьли бы умедлила пожертвовать мною для остановленія толикихъ золъ; я бы ушла къ жрицамъ Юноны, гдѣ бы приносила жертвы и непрестанно бы возсылала молитвы для вашей славы и спокойствія вашихъ областей; тогда вы будете свободны взять въ супружество Олимпію. Однако сердце мое,

все

все вамЪ принадлежащее, и любящее васЪ до послѣдняго издыханія, вмѣсто всей отЪ васЪ благодарности ничего не требуетЪ, кромѣ того, чтобЪ вы нѣкогда подумали обо мнѣ. Слезы вЪ это время воспрепятствовали ей продолжать.

Аридей столь былЪ симЪ тронутЪ, что повергся кЪ стопамЪ ея, и ее обнимая нѣжно, сказалЪ ей: ежели бы я былЪ способенЪ кЪ такой жестокости, то бы никогда не былЪ достоинЪ вашего сердца; мое сердце, пронзенное вашими чувствіями любви и великодушія, не будетЪ никогда столь подло, чтобЪ васЪ оставить. ПерестанемЪ о семЪ говорить; я заклинаю васЪ, мое намѣреніе предпринято.

АнтипатрЪ, ПердиккЪ и ЛеонатЪ прервали сей разговорЪ своимЪ приходомЪ; но Царь, за благо разсуждая имЪ сдѣлать вЪ томЪ участіе сЪ тѣмЪ, чтобЪ вмѣстѣ предпринять приличныя предосторожности, дабы возпротивиться ярости Олимпіи, сказалЪ имЪ о его содержаніи и о героическихЪ чувствованіяхЪ Царицы Эвридикіи.

кіи. АнтипатрЪ осердился на Олимпію, будучи раздраженЪ еще больше сЪ того времени, какЪ узналЪ, что она-то приказала похитить дочь его Фульвію.

ПердиккЪ, не столь будучи раздраженЪ, показалЪ, что чѣмЪ болѣе причинЪ ей не довѣрять, тѣмЪ паче должно соединиться тѣснѣе, дабы ее погубить вЪ своихЪ предпріятіяхЪ. Что до него касается, то онЪ исполнилЪ бы точно свою должность, сопровождая Царя и Царицу, и стараясь о ихЪ безопасности.

АнтипатрЪ и ЛеонатЪ вознамѣрились по томЪ не удалять своихЪ войскЪ, но содержать ихЪ всегда вЪ готовности, естьли бы вЪ нихЪ была нужда. АнтипатрЪ далЪ знать, чтобЪ вЪ настоящемЪ случаѣ Царь ушелЪ вЪ БагдадЪ, находящійся вЪ тритцати стадіяхЪ отЪ Вавилона. Олимпіи, сказалЪ онЪ, не столь удобно узнать наши поступки, нежели естьли бы мы жили вЪ Вавилонѣ подлѣ ее, что было обще одобрено.

Слѣдуя сему намѣренію, нѣсколько спустя дней Царь, Царица, Антипатр Ъ,

патръ, Леонатъ, Эвандръ, Фульвія и всѣ прочіе изъ свиты ихъ, или съ ними согласные отправились въ Багдадъ, провожаемы будучи войсками Пердикки, которой самъ шелъ напереди ихъ, и прибыли туда щастливо.

Какъ скоро въ сей же вечеръ всѣ собрались въ Царской покой, то Антипатръ, обратившись къ Царю, сказалъ ему: я думаю, что мы для вашихъ услугъ не можемъ имѣть довольно союза между нами, дабы впредь одну только имѣть въ виду выгоду. Эвандръ проситъ у меня Фульвію чрезъ Леоната своего отца; это такое имѣніе, которое онъ спасъ мнѣ отъ недостойнаго плѣна, подвергши опасности свою жизнь; я весьма также радъ, видя въ сердцѣ моея дочери, что она не неблагодарна, и я бы упрекалъ себя, ежели бы отсрочилъ долѣе ихъ соединить. Но я думаю, что должно ожидать спокойнаго времени, дабы просить Ваше Величество о разположеніи ихъ судьбою; поелику вашей храбрости они одолжены своимъ спокойствіемъ и своею свободою. Царь и Царица встали

 для

для обнятія Эвандра и Фульвіи, и для засвидѣтельствованія радости, ими чувствуемой, видя ихъ щастливыми.

Опредѣлили въ слѣдующій день вести ихъ во храмъ, гдѣ церемонія отправлялась со всѣми почестьми, которыя Царь могъ приказать воздать новобрачнымъ; потомъ они возвратились въ палаты посреди войскъ, поздравлявшихъ ихъ на пути; они были окружены сто младыми юношами, и толикимъ же числомъ дѣвицъ, украшенныхъ *различными цвѣтами*; *онѣ слѣдовали* за ними, поя торжество любви при звукѣ барабановъ, трубъ и народныхъ восклицаній. Торжество было самое пышное; Бахусъ, Купидонъ и Гименъ никогда не собирали столько удовольствія для отправленія праздника и препровожденія роскошнѣйшихъ минутъ.

Во время сего великаго дня радостей не примѣтили, что нещастнаго Филона тамъ не было; но на другой день спросивши о немъ Царь, узналъ съ прискорбностію, что въ день своего отъѣзда изъ Вавилона видѣли его вхо-

входящаго въ палаты Царицы Олимпіи, которая посылала его искать, что съ того времени онъ не являлся ни въ какомъ мѣстѣ, и не слѣдовалъ за экипажемъ въ Багдадъ, какъ ему надлежало; но какіе бы поиски Царь ни приказалъ сдѣлать, однако не могъ никогда узнать ничего больше.

Царь и Царица пробыли весьма долго въ Багдадѣ, откуда они насылали приказы. Антипатръ былъ обязанъ итти въ Македонію для усмиренія тамъ движеній, которыя безпокойныя нѣкоторыя и бунтующія сердца возбудили противъ общаго спокойствія. Птоломей, Кассандръ, Леонатъ и другіе Сатрапы то же самое учинили, такъ что больше нежели въ пять лѣтъ никакого не было достопамятнаго случая.

Наконецъ Олимпія чрезъ деньги нашла средство ихъ поссорить, и произвесть междоусобную войну. Птоломей, Филотъ и Лаомедъ сдѣлали столь чрезвычайныя Царю предложенія и Антипатру, что они не могли раздумать, нарушить всякой союзъ съ ними, и дойти до явной войны; поели-

жу они требовали названій самовластныхЪ СатраповЪ, такЪ чтобЪ не быть обязанными отдавать отчета вЪ своихЪ дѣйствіяхЪ, и чтобЪ было запрещено Антипатру выѣзжать изЪ Македоніи, какЪ *для нихЪ* подозрительному.

Тотчас Царь собралЪ свой СовѣтЪ, на которомЪ было опредѣлено, чтобЪ АнтипатрЪ и Іолай его сынЪ шли вЪ Македонію для набиранія солдатЪ, дабы умножить свою армію, тамЪ находившуюся, и итти по томЪ кЪ окружностямЪ Багдада для сопротивленія своимЪ непріятелямЪ; чтобЪ ЛеонатЪ, поѣхавшій осмотрѣть страну Геллеспонта сЪ сыномЪ своимЪ ЭвандромЪ и Фульвіею, былЪ увѣдомленЪ о посланіи скорѣйшей помощи; и чтобы между тѣмЪ ПердиккЪ по обыкновенному оберегалЪ Царя и Царицу.

СовѣтЪ еще не кончился, какЪ сказали о старикѣ, пришедшемЪ испрашивать у Царя правосудія на своихЪ дѣтей.

Милостивѣйшій Государь! сказалЪ онЪ вошедши сЪ непонятною, прискорбностію, я вижу себя принужденнымЪ итти

итти къ подножію вашего престола испрашивать строгости законовъ на одного изъ своихъ дѣтей, которой убилъ своего брата; должно, чтобъ его злодѣяніе было весьма чрезвычайное, поелику оно заглушаетъ гласъ крови въ сердцѣ его родителя. Меня зовутъ Гаросомъ; я старый Офицеръ конницы покойнаго Царя Дарія, который за наши услуги по милости своей пожаловалъ роту моимъ дѣтямъ, изъ которыхъ Ранусъ старшій сынъ былъ Капитаномъ, а Тимеріонъ младшій Порутчикомъ.

Со времени сраженія подъ Арбеллами я возвратился въ домъ, мнѣ принадлежащій въ окружностяхъ сего города, гдѣ бы я препроводилъ спокойно остатокъ моихъ дней безъ плачевной ревности, объявшей сердцемъ моихъ дѣтей. Я воспиталъ у себя сироту, называемую Викторіею, съ двулѣтняго возраста, которую ея отецъ, мой родственникъ, ввѣрилъ моимъ попеченіямъ прежде своея смерти. Я ее опредѣлилъ Ранису, старшему моему сыну, и она покорилась бы моимъ приказаніямъ безъ худыхъ совѣтовъ Тимеріона, мо-

моего младшаго сына; однако мы противЪ воли его назначили вчерашній день для торжествованія сего брака. Но вЪ какое я пришелЪ удивленіе, когда узналЪ, что три дни тому назадЪ, какЪ онЪ ее похитилЪ, и увезЪ вЪ такое мѣсто, о которомЪ мнѣ не возможно бы было и до сего времени узнать! Какіе бы поиски я ни могЪ сдѣлать, но онЪ не удовольствовался симЪ похищеніемЪ; онЪ осмѣлился напасть на своего брата вЪ сіе утро, и его поразить, провождаемЪ будучи двумя злодѣями. Напрасно хочетЪ онЪ оправдиться вЪ семЪ злодѣяніи, говоря, что это не онЪ, подЪ тѣмЪ предлогомЪ, что убійца былЪ вооруженЪ, и что не могли его узнать. Я имѣю убѣдительное доказательство; вотЪ одна его палица, которую онЪ бросилЪ во время сраженія. ВсѢ знаютЪ, что отЪ меня получилЪ сіе вооруженіе, которое я ему уступилЪ по причинѣ подобія сЪ моимЪ ростомЪ, предпочтительно старшему его брату, которой выше. ВотЪ довольно для его обличенія, чтобы Ваше Величество благоволили наказать виноватаго, или пре-

предали бы въ мою власть его наказать по Персидскому закону, изданному великимъ Артаксерксомъ, которой дѣлаетъ отцовъ самовластнѣйшими господами своихъ дѣтей. Я бы скоро воспользовался своимъ правомъ, естьли бы не былъ въ томъ воспященъ отъ солдатъ, бывшихъ тогда съ нимъ, какъ я съ нимъ встрѣтился, и которые его ведутъ къ вашему престолу.

Ваше Величество! отвѣчалъ Тимерiонъ, признаюсь, что я виноватъ въ любви къ Викторiи, не смотря на запрещенiя моего отца. Вотъ все мое злодѣянiе. Отъ Рануса брата моего зависѣло заслужить только ея почтенiе; поелику къ нему первому она прибѣгла, дабы отмстить Гургiю, одному изъ его сотоварищей въ мотовствѣ, которой будучи пьянъ, помемнялъ ея честь безчестнѣйшими ругательствами. Ранусъ вмѣсто того, чтобъ ее слушать, и казаться чувствительнымъ къ ругательству, ей наносимому, осмѣлился ей смѣяться, говоря, что она очень мнительная Персiянка, и что напротивъ того она должна быть рада, что объ ней го-

во-

ворятъ, а не позабываютъ ее. Она ни сколько не была довольна симъ отвѣтомъ, и еще меньше, когда узнала, что онъ всегда упивается съ клеветникомъ Гургіемъ. Она мнѣ на то пожаловалась. Я не былъ столько терпѣливъ, какъ мой братъ; я встрѣтившись съ Гургіемъ ввечеру на сторонѣ, принудилъ его обнажить шпагу; я его обезоружилъ, и лишилъ бы жизни, естьли бы онъ мнѣ не клялся своею Офицерскою честію, что онъ въ томъ предъ нею извинится, и признается, что онъ ложно ее поносилъ въ присутствіи того, кого бы ей угодно было призвать, что онъ и исполнилъ въ самой точности.

Викторія мнѣ за то воздала благодаренія, несравненно превосходящія то, чего заслуживало дѣйствіе справедливости, мною ей учиненное, къ чему я былъ обязанъ по чести, поелику она моя родственница, и жила съ нами.

Съ сего щастливаго дня Викторія на меня взирала благосклоннѣе, нежели на моего брата. Какъ онъ вспыльчивъ, то весьма часто ее бранилъ, что самое не умножало ея склонности

къ нему, она повѣряла мнѣ свои печали; она увѣдомила меня, нѣсколько времени тому назадъ, что мой отецъ, ея опекунъ, приказалъ ей готовиться сочетаться бракомъ съ Ранусомъ, чего онъ непремѣнно требовалъ. Признаюсь, что сія вѣсть меня поразила, и что я ей отвѣчалъ, въ намѣреніи ее ободрить, что надлежитъ посовѣтоваться съ своимъ сердцемъ; поелику будучи дватцати лѣтъ безъ отца и матери, она могла располагать своею судьбою. Я думаю, сказала она мнѣ, что никогда подлой и пьяница не получитъ моей руки; я хочу вручить мое сердце супругу, котораго я изберу; я на васъ возлагаю трудъ мнѣ его пріискать. Ранусъ появился въ сію минуту, что прервало нашъ разговоръ. Не много спустя времени, мы разошлись, такъ что я не былъ съ нею ни на одну минуту наединѣ.

Я зналъ, что она была похищена; потому что она не показывалась въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы живемъ. Я знаю еще, что Ранусъ былъ раненъ; признаю палицу, которую мой отецъ представляетъ для моего обличенія;

она

она составляетъ часть моихъ оружій, я въ томъ согласенъ; но свидѣтельствуюсь Солнцемъ, что я не знаю прочаго, и никакъ не виноватъ ни въ похищеніи, ни въ мнимомъ убивствѣ. Господинъ Іолай, сынъ знаменитаго Антипатра, предъ котораго я имѣю честь явиться, увѣритъ безъ сомнѣнія, что я его не оставлялъ съ солнечнаго возхожденія до той самой минуты, какъ встрѣтился съ моимъ отцемъ. Такимъ образомъ я не могъ ранить Рануса въ сіе утро, и мой родитель мнѣ *позволитъ отвергнуть* законъ Артаксерксовъ противъ дѣтей въ угодность отцовъ.

Съ побѣды Александра Великаго мы покорены Грекамъ, и обязаны исполнять ихъ мудрые законы; я покоряюсь, Ваше Величество! закону, изданному вашимъ прадѣдомъ Пердиккомъ; онъ угрожаетъ жесточайшимъ наказаніемъ, нежели прочіе, злодѣяніямъ дѣтей въ разсужденіи ихъ отцовъ; но онъ лишаетъ власти, опасаясь слишкомъ скораго рѣшенія, и оставляетъ о томъ свѣденіе самому себѣ.

Іолай,

Іолай, во время сего разговора стоявшій назади между тѣми, которые ему позволили войти изъ любопытства, приближился, говоря: ежели обвиняютъ Тимеріона въ злодѣяніи, учиненномъ сего утра, то я его почитаю невиннымъ, и беру подъ свое покровительство; онъ всегда былъ со мною при смотрѣ лагеря, мною сдѣланномъ.

Тотчасъ Аридей по совѣту Антипатрову, увѣривши отца Гароса, что онъ окажетъ ему правосудіе; но дабы лучше узнать, кто былъ виноватой, приказалъ Тимеріону не оставлять Іолая даже до полудни другаго дня, когда они будутъ судимы, чтобъ между тѣмъ освѣдомились о истиннѣ.

Тимеріонъ во всю ночь и утро слѣдующаго дня, посылавши во всѣ стороны, не могъ ничего узнать для своего оправданія. Хотя Іолай его ободрялъ, что ему никакого зла не будетъ учинено, и что онъ избавится отъ того славно, однако онъ столь былъ печаленъ и столь прискорбенъ, что едва могъ ходить.

Когда часѣ слушанія наступилѣ, то Гаросѣ, дабы возбудить больше сожалѣнія въ Царѣ, приказалѣ принести Рануса на одрѣ; лице его было блѣдно, глаза закрытые; онѣ былѣ обверченѣ полотномѣ, на которомѣ видно было также нѣсколько крови.

Царь, Антипатрѣ и Іолай, сѣвшій подлѣ своего отца, готовы были слушать то, что узнали новаго со вчерашняго дня, какѣ всадникѣ, вооруженный всѣми оружіями, вошелѣ вѣ залу, *и поднявши покрывало* своего шлема, дабы говорить сѣ Царемѣ, сказалѣ ему: Ваше Величество! я воинѣ храбраго Тимеріона и побѣдитель подлаго Рануса; посмотри на меня Ранусѣ, естьли ты теперь осмѣливаешься! Вотѣ Тимеріоново вооруженіе; но Викторія дѣвица употребила противѣ тебя. Гаросѣ хотѣлѣ его прервать; но Царь, приказавши ему молчать, обратился кѣ Викторіи, и сказалѣ ей: сдѣлай удовольствіе, изъясни намѣ то, чего мы по сіе время не можемѣ еще разобрать.

Я находилась, сказала она, во власти Гароса, моего опекуна, которой по любви къ недостойному Ранусу хотѣлъ насильно меня принудить сочетаться съ нимъ бракомъ, съ тѣмъ, чтобъ ему отдать все великое имѣніе, мнѣ принадлежащее, которымъ онъ владѣетъ. Но какъ могла бы я рѣшиться вступить въ союзъ съ тѣмъ, котораго вся армія не знаетъ, что онъ оставилъ своего Царя, и убѣжалъ первый съ сраженія подъ Арбеллами; съ тѣмъ, которой сносилъ, чтобъ меня ругали, не отмщевая за то; наконецъ съ тѣмъ, которой имѣетъ подлость обвинять своего брата въ моемъ похищеніи, что онъ самъ сдѣлалъ?

Я прохаживалась, четыре дня тому назадъ, съ нимъ на брегахъ Тигра, онъ за благо разсудилъ мнѣ говорить о своей страсти; и видя, что я ему отвѣчала подтвердительно, что онъ ничего въ томъ не успѣетъ: то онъ меня осмѣлился схватить при помощи четырехъ человѣкъ, посадить на лошадь, привязать какъ законопреступницу, наконецъ привезти меня

въ замокъ Рубенской, которымъ отецъ его владѣетъ, но которой мнѣ принадлежитъ, гдѣ я была заперта въ тѣсномъ мѣстѣ, и куда онъ приходилъ во всѣ дни меня посѣщать, вооруженъ будучи подобно Ахиллесу.

Въ первой вечеръ меня остерегали съ крайнею строгостію двое его похитителей, которымъ онъ ввѣрилъ попеченіе о мнѣ; но на другой день, точно увѣдомивши ихъ о причинѣ моего приключенія, я возбудила въ нихъ состраданіе, которое я примѣтила, и ихъ склонила на свою сторону, сдѣлавши имъ подарокъ изъ моихъ алмазовъ, которые по щастію я имѣла съ собою, такъ что они оказали мнѣ всѣ услуги, которыя только могли сдѣлать.

Прогуливаясь въ семъ замкѣ, я нашла по случаю кольчугѣ, шишакъ и прочее вооруженіе, употребляемое Тимеріономъ въ то самое время, когда онъ находился въ службѣ; я изъ любопытства примѣряла его, и примѣтивши, что оно не тяжело, пришло мнѣ

на

на мысль употребить его противЪ Рануса, моего гонителя, и итти ожидать его на пути, будучи увѣрена, что онЪ при одномЪ только видѣ всадника вооруженнаго убѣжитЪ.

ТакимЪ образомЪ вчера поутру я вооружилась, и сѣла на сію самую лошадь, которая меня привезла; одинЪ изЪ моихЪ стражей далЪ мнѣ свою шпагу, а сами слѣдовали оба за мною на лошадяхЪ, какЪ и я, дабы подать мнѣ помощь, ежели бы мнѣ случилось какое нибудь нещастіе.

Я велѣла отдалиться двумЪ моимЪ всадникамЪ, и расположилась сама на пути вЪ лѣсу, гдѣ я не пробыла получаса, какЪ увидѣла ѣдущаго Рануса; я обнажила шпагу, что самое и онЪ также учинилЪ; но сЪ перваго удара, мною ему нанесеннаго, хотя онЪ былЪ вооруженЪ, также какЪ и я (поелику онЪ всегда такЪ путешествуетЪ), его шпага упала на одну сторону, а онЪ на другую; тотчасЪ я скочила на землю, и приставивши шпагу кЪ горлу, заставила его просить жизнь, и требо-

 вать

вать милосердія; онъ мнѣ обѣщалъ оставить Викторію въ свободѣ, и не думать больше объ ней. Повѣривши его слову, я ему позволила сѣсть опять на лошадь, переломивши его шпагу, которыя отдала ему ефесъ, и его оставила, не сдѣлавши ему никакой раны.

Тогда посмотрѣвши на Рануса, раненъ ли ты? сказала она ему; на что сіи въ крови обмаранныя завязки? Ты за то былъ наказанъ ударомъ шпаги, нанесеннымъ дѣвицею; ты во зло употребляешь Царскія милости и слѣпую довѣренность твоего отца, дабы неправедно обвинить твоего брата. Я тебѣ не причинила бы безчестія, тобою нынѣ принимаемаго, естьли бы ты сдержалъ свое слово; но надлежало оправдать твоего брата, поелику ты хотѣлъ его погубить.

Едва Викторія перестала говорить, какъ старикъ повергся къ стопамъ Царя, испрашивая прощенія въ томъ, что онъ попустилъ себя быть предупрежденъ отъ обманщика, столь недо-

достойнаго, каковъ Ранусъ, которой, видя свое лукавство обнаружившимся, нашелъ благопріятной случай убѣжать въ толпу народа, и изъ нее выдраться. Что касается до Тимеріона, то никогда удивленіе не было равное его удивленію; онъ приближился къ Викторіи, которая ему сказала улыбаясь, ежели вы за меня мстили, то не воздала ли я вамъ равное? Ахъ, прелестная Викторія! отвѣчалъ Тимеріонъ; можете ли вы думать о томъ, что я сдѣлалъ для васъ, когда я вамъ одолженъ моимъ щастіемъ и моею жизнію?

При выходѣ изъ аудіенціи Царь забавлялъ Царицу разсказываніемъ сей исторіи, изъ которой она столько получила удовольствія, что велѣла притти Викторіи въ свою горницу съ своимъ военнымъ приборомъ, и ей дала наименованіе Паллады, которое она всегда сохраняла со дня своего брака съ тѣмъ же самымъ Тимеріономъ, которой былъ отправляемъ нѣсколько послѣ въ присутствіи Царицы и всего Двора. Царь сдѣлалъ ей честь, велъ ихъ самъ ко храму, и приказалъ ку-

шать двумъ супругамъ за своимъ столомъ.

Старикъ Гаросъ просилъ ихъ позабыть оскорбленія, отъ него имъ причиненныя; но какія бы прозьбы ни могли сдѣлать ему Викторія и Тимеріонъ, однако онъ приказалъ выгнать изъ Персіи, по Царскому указу, нещастнаго Рануса, которой препроводилъ остатокъ своей жизни между дикими людьми въ Арменіи, гдѣ онъ притворялся вдохновеннымъ отъ боговъ, дабы имѣть хорошую пищу на щетъ суевѣрія народнаго.

Антипатръ и Іолай отправились въ Македонію, Пердиккъ усугубилъ свои старанія для Царскаго охраненія.

Что касается до Олимпіи, находившейся въ Вавилонѣ: то ярость такъ овладѣла ея сердцемъ, что она была только занята желаніемъ удовольствовать свое мщеніе противъ Царя и всѣхъ тѣхъ, которые были къ нему ближе; сребро и труды ей ничего не стоили, только чтобъ она могла произвесть

известь несогласіе и смятеніе между тѣми, которыхъ она почитала за своихъ непріятелей, то есть между всѣми придворными Царя и Царицы.

Аридей слабъ, говорила она Лирѣ, своей повѣренной; онъ способенъ быть только Римскимъ Героемъ, а не Монархомъ для управленія всею вселенною. Это привидѣніе, что Намѣстники моего сына Александра его возвысили, дабы составить изъ того себѣ игру. Я имѣла сожалѣніе о немъ, поелику онъ былъ братъ моего сына; но онъ не достоинъ моихъ милостей. Онъ носитъ нещастіе съ собою; покуда онъ будетъ живъ, миръ не воцарится въ семъ государствѣ; его погибель одна только способна утушить пламень несогласія.

Какъ скоро она услышала вѣсть, что Антипатръ отъѣхалъ съ своимъ сыномъ Іолаемъ, то усугубила своихъ шпіоновъ, дабы освѣдомиться еще обстоятельнѣе о томъ, что происходило въ Багдадѣ, и по нещастію Пердиккъ столь сдѣлался боленъ, что былъ многіе дни безъ памяти.

Олимпія, освѣдомившаяся о томъ, приказала тотчасъ послать отряды войскъ къ окружностямъ Багдада, дабы жгли и опустошали селенія.

Аридей за должность свою почелъ тому возпротивиться, и что безъ Пердикка онъ долженъ самъ повелѣвать его войсками. Онъ сѣлъ на лошадь, сопровождаемъ будучи отборными своея арміи, оставивши только весьма мало для охраненія Царицы.

Необходимость побѣдить своихъ непріятелей и пригнать ихъ, дабы свободить отъ нихъ окружности города, принудила его больше пробыть въ семъ походѣ, нежели какъ онъ думалъ, когда поѣхалъ.

Между тѣмъ Рифо, Капитанъ гвардіи Царицы Эвридикіи, приставленный у однихъ воротъ города, впустилъ въ нихъ вечеромъ шесть человѣкъ, Олимпіею къ нему посланныхъ, и ихъ проводилъ самъ по благопріятству ночи до покоя Эвридикіи, гдѣ по заговору нашелъ Флавію свою сестру,

стру, первую изъ женщинъ Царицыныхъ, которая ихъ ожидала. Тотчасъ она ихъ впустила въ комнату Эвридикіи, которая одна только въ сію минуту, сѣвши на софу, занималась чтеніемъ письма отъ своего любезнаго супруга, только что полученнаго, въ которомъ онъ объявлялъ ей побѣды, имъ одержанныя надъ своими непріятелями, и утѣшалъ ее надеждою скораго возвращенія.

Царица удивлена будучи, видя людей въ своемъ покоѣ безъ ея позволенія, хотѣла говорить и просить помощи; но дерзская Флавія съ минуту прежде взяла пагубную предосторожность удалить всѣхъ прочихъ женщинъ Царицыныхъ, пославши ихъ въ бани, находящіяся на концѣ сада въ удаленномъ мѣстѣ. Приближившись къ Царицѣ, показала ей мечь, веревку шелковую, и стаканъ, наполненный ядомъ, говоря ей: Государыня! ваши крики безполезны; приказано, чтобъ всѣ были удалены; вамъ только остается выбирать въ семъ, что я вамъ представляю. Сія единственная милость,

лость, которую хотятъ вамъ сдѣлать; но рѣшите поскорѣе, или васъ избавятъ отъ сего труда. Какъ Царица ничего не отвѣчала, то при первомъ знакѣ, которой Флавія дала симъ палачамъ, они ее схватили одинъ за ногу, другой за руку, образомъ столь неприличнымъ, какъ сія нещастная Принцесса имъ закричала: ахъ! по крайней мѣрѣ изъ милости и изъ сожалѣнія позвольте мнѣ, чтобъ я сама лишила себя жизни! Поспѣшитежъ, сказали ей. Тотчасъ она взяла шелковую веревку и наложила на свою шею. Вдругъ сіи убійцы на нее бросились, и удавивши ее, возвратились съ Флавіею и Руфомъ; по томъ всѣ вмѣстѣ вышли изъ города и поѣхали въ Вавилонъ, дабы о томъ принесть вѣсть Олимпіи, которая нетерпѣливо ихъ ожидала. Она имъ дала въ тоже самое время награжденіе, имъ обѣщанное, и велѣла уйти тайно въ другія страны.

Женщины Царицыны при своемъ возвращеніи изъ бань столь были испуганы позорищемъ, ими найденнымъ, что повергшись на ея тѣло, обнимали

его

его многократно съ ужасными криками, и съ столь сильною печалію, что находившаяся тутъ младшая, называемая Ализіею, взяла кинжалъ, которой она увидѣла на столѣ, и имъ прокалола себя насквозь, отъ чего пала мертва на тѣло своея госпожи.

На шумъ, ими произведенный, всѣ Офицеры придворные сбѣжались; печаль столь была общая, что когда народъ и солдаты то узнали, видны были только повсюду мущины и женщины, терзающіе на себѣ власы и валяющіеся по землѣ подобно безумнымъ.

Царь, возвратившись въ два дни послѣ сего нещастія, вошелъ въ городъ съ видомъ довольнымъ побѣдами, одержанными надъ своими непріятелями, и спѣшилъ притти къ своей любезной Эвридикіи, какъ примѣтилъ всѣхъ людей въ слезахъ и потупившихъ глаза; онъ не смѣлъ спросить того причину. Но онъ очень скоро о томъ извѣстился, когда вошедши въ палаты, увидѣлъ страшное уединеніе,

и не нашелъ ни одной изъ женщинъ Царицыныхъ. Какое было его отчаяніе, вступивши въ ея покой, какъ онъ ее увидѣлъ на одрѣ! Тотчасъ онъ туда прибѣгъ, и повергся на ея тѣло, не имѣя силы сказать ни одного слова; вставши по томъ, обнажилъ свою шпагу, которою пронзилъ бы себя, естьли бы не былъ возпрепятствованъ тѣми, которые за нимъ слѣдовали. Онъ упалъ бездушенъ, и больше двухъ часовъ пробывши безъ памяти, увидѣлъ себя въ своемъ покоѣ, куда его принесли, гдѣ онъ занимался во весь остатокъ дня и въ слѣдующую ночь стараніемъ узнать виновниковъ сего убійства, о которомъ онъ не освѣдомился столько, сколько желалъ, по причинѣ отсутствія Руфа и Флавіи, которые одни только составили и исполнили сей ужасной заговоръ, и по причинѣ отдаленія всѣхъ прочихъ женщинъ Царицыныхъ, которыя всѣ разбѣжались прежде его возвращенія, опасаясь быть обвиненными въ небреженіи, и наказанными какъ виноватыя въ ея смерти, которыя родъ удобно было узнать по веревкѣ, находившейся еще на ея шеѣ.

Одна-

Однако Царь не могъ усомниться, чтобы это не было одно изъ злодѣяній Олимпіи. Всѣ проклинали ея варварство, наипаче во время великолѣпнаго погребенія, и когда прахъ нещастныя Эвридикіи положенъ былъ въ урну на великолѣпной гробницѣ.

Въ два дни послѣ Царь, котораго безконечной имѣли трудъ заставить принять нѣсколько пищи, получилъ письмо отъ Олимпіи слѣдующаго содержанія:

„*Честь моя требуетъ, чтобъ я себя оправдала въ злодѣяніи, въ которомъ вы меня неправедно обвиняете; зависѣть будетъ отъ васъ узнать виноватаго, естьли вы хотите завтра въ полдень пріѣхать на площадь Вавула, имѣя съ собою сто благородныхъ, куда я буду съ равнымъ числомъ.*„

Олимпія.

Аридей въ надеждѣ отмстить за свою супругу, какъ бы скоро онъ узналъ виноватаго, отписалъ ей съ тѣмъ же куріеромъ.

„Го-

„Государыня! я принимаю ваше представленіе, и его исполню точно; дай Богъ, чтобъ вы были столь невинны, какъ я того желаю!„

Филиппъ Аридей.

Царь, не открывая никому своего намѣренія, приказалъ притти къ своей палатѣ тогожъ самаго вечера сто благороднымъ, съ которыми онъ согласился; и какъ скоро день появился, то они отправились въ походъ. Онъ прибылъ въ Вавулъ первый. Съ часъ послѣ увидѣлъ показывающуюся Царицу Олимпію, сопровождаемую равнымъ числомъ, какъ она то обѣщала; тотчасъ онъ пошелъ къ ней, и подошедши сказалъ: Государыня! въ крайней печали, мною чувствуемой о убивствѣ Царицы, по крайней мѣрѣ будетъ то для меня утѣшеніемъ, естьли вы уничтожите подозрѣнія, которыми весь народъ васъ опорочиваетъ. Я ласкаю себя, что вы, сказавши мнѣ имя виноватаго, соблаговолите соединиться со мною, дабы заставить его претерпѣть казнь, которую онъ заслуживаетъ.

Одно

Одно только названіе Царицы и матери Александровой, отвѣчала Олимпія, должно довольно быть для уничтоженія въ вашемъ сердцѣ подозрѣній въ равномъ злодѣяніи; вы должны только въ семъ обвинять вашу слишкомъ великую легковѣрность быть соединенными съ любочестивѣйшими изъ всѣхъ человѣкъ. Я разумѣю Антипатра; егото вы должны наказать какъ виноватаго. Еще ли вы не вѣдаете, что онъ отравилъ ядомъ Александра, вашего брата, чрезъ Іолая своего сына? Послѣ злодѣянія столь отважнаго весьма можно убить женщину; онъ опасался, чтобы вы не возъимѣли потомства, которое бы могло воспрепятствовать его намѣреніямъ. Александръ довольно зналъ честолюбіе сего убійцы, котораго онъ обвинялъ, будто бы онъ добивается короны: возгордившись Спартанскою побѣдою, которыя себѣ присвоилъ добычи, находящіяся только у него въ залогѣ, и полученныя имъ изъ милости только своего господина. Столько ли вы глупы, что почитаете меня убійцею? Я не осмѣлилась бы вамъ также сказать, что онъ покушался нарушить вѣрность

Эвридикія. Ежели теперь, когда нѣтъ больше препятствія ни вашей славѣ, ни вашему благополучію, вы по благоразумію своему согласитесь на мое представленіе, которое я вамъ предлагала въ Вавилонѣ: то я вамъ отираю глаза; вы узнаете обстоятельства и тайныя хитрости, которыя васъ утѣшатъ о потерѣ того, что вы любили съ толикимъ ослѣпленіемъ, и вы начнете въ сей день (котораго моя благость позволяетъ вамъ надѣяться) быть истинно Царемъ.

Я не знаю, сказалъ Аридей, отъ куда начать отвѣтствовать; столь я удивленъ! Вы хотите вотще произвесть во мнѣ недовѣренность къ Антипатру. Онъ честолюбивъ, я въ томъ согласенъ; но я знаю его доброе сердце и его расположеніе ко мнѣ, котораго во всю мою жизнь я получалъ убѣдительныя доказательства; обязательства, которыми онъ себя сознаетъ одолженнымъ теперь Эвридикіи и мнѣ за то, что спасли его дочь Фульвію, и привезли къ нему, по видимому не перемѣнятъ его чувствованій. Сверьхъ

сего естьли вы не имѣете другихъ доказательствъ къ подтвержденію вашея невинности, кромѣ одного только наименованія Царицы, матери Александровой: то сіе слабое свидѣтельство никогда не увѣритъ. Царица, мать Александрова, должна ли была возлагать златую корону на главу Павзанія, убійцы своего мужа, и снять съ висѣлицы, на которой онъ былъ, дабы его сжечь на Царскомъ тѣлѣ? Должна ли была посвящать сама собою въ храмѣ мечь, которымъ Филиппъ былъ убитъ? Не могъ ли бы я еще напомянуть вамъ о убивствѣ Клеопатры, которую вы принудили удавиться, заколовши въ ея объятіяхъ маленькую дѣвочку, которую она прижила съ Филиппомъ, вашимъ супругомъ? Не виноваты ли еще въ похищеніи нещастливѣйшей Эвридикіи и Фульвіи? Вотъ довольно дознанныхъ злодѣяній, дабы быть вамъ уличенною въ послѣднемъ. Предложеніе, вами мнѣ сдѣланное, взять васъ въ супружество, желая потемнить славу Эвридикіи, не открываетъ ли мнѣ великой ужасъ вашихъ намѣреній? Я подумалъ бы, что заслужилъ поношеніе вселенныя,

 есть-

естьли бы на то согласился, и естьли бы былъ столько подлъ, что находился всегда въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы будете.

Поѣзжайте, сказала ему Олимпія, довольно сего; скоро будете сожалѣть о вашихъ дерзостныхъ разговорахъ, и вы были бы слишкомъ счастливы, естьли бы вы меня нашли для вашей помощи, и удалилась тотчасъ, что равно учинилъ и Царь; но на нѣсколько шаговъ онъ нашелъ вдоль по лѣсу корпусъ конницы, больше нежели изъ двухъ тысячь человѣкъ, которыхъ Олимпія приказала разставить во время ихъ разговора, котораго начальникомъ былъ вѣроломный Руфъ.

Царь ими былъ окруженъ, и сильно атакованъ. Сраженіе было очень долгое и весьма кровопролитное. Аридей, узнавши въ сраженіи Руфа, прискакалъ къ нему, и говоря ему: убійца! прими себѣ награжденіе, отсѣкъ ему главу саблею, и повергъ его къ своимъ стопамъ; но въ то же самое время онъ получилъ сзади ударъ

ко-

копья насквозь тѣла, и желая обратить свою лошадь, дабы защититься, столько потерялъ крови, что упалъ на землю, и скончался, будучи пронзенъ одиннатцатью ударами. Сто благородныхъ людей, приведенные съ нимъ, будучи по томъ окружены со всѣхъ сторонъ защищались съ удивительною храбростію даже до того, какъ будучи удручены великимъ числомъ, и приведены въ слабость ихъ пораженіями, пали всѣ, не выключая никого.

Свирѣпая Олимпія, находившаяся нарочно недалеко, приближилась, дабы насытить свои очи симъ лютымъ позорищемъ. Она еще имѣла безчеловѣчіе приказать изторгнуть сердце Аридеево, и его бросила сама въ лѣсъ, говоря съ яростію: чрево львовъ и тигровъ одна только гробница, которую ты заслуживаешь.

Но праведное небо не попустило долгое время Олимпіи наслаждаться ненаказанностію за ея злодѣянія. Она возвратившись въ Вавилонъ, узнала, что Антипатръ, Кассандръ и Леонатъ

 при-

приближились съ своими войсками, что Пердиккъ, выздоровѣвшій отъ своея болѣзни, съ ними соединился; и наконецъ примѣтивши, что весь народъ града не могъ на нее взирать безъ негодованія, она оттуда отправилась, дабы основать свое жилище въ Пиднѣ, куда едва только она пріѣхала, какъ Кассандръ ее осадилъ, и плѣнивши приказалъ привязать къ хвосту свирѣпой лошади, которая разтерзала ее на части о камни, кусты и тернія, такъ что никто о томъ не имѣлъ ни малѣйшаго сожалѣнія; толико народъ гнушался ея негодными поступками и ея свирѣпостями.

КОНЕЦЪ.

